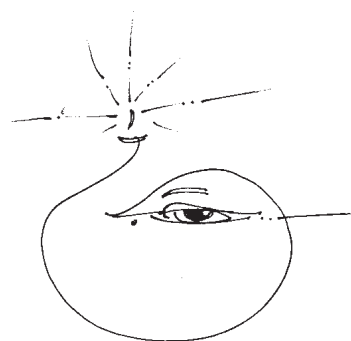

ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В. А. Жилина

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Исследуется специфика анализа процессов отчуждения в социальной философии в плане соотнесения с особенностями современного социального развития. Обращение к универсальности отчуждения как характеристики существования человека позволяет не только выявить целостный характер исследуемого явления, но и вскрыть реальные причины негативных явлений в современных социальных отношениях.

Ключевые слова: отчуждение, человек, социальное бытие, культура.

В социально-гуманитарном знании существует ряд проблем, исследование которых способствует укреплению междисциплинарных связей, так как они становятся предметным полем самых разных наук. Это свидетельствует о том, что явления социальной реальности, детерминирующие данные проблемы, сущностны и многогранны в процессах развертывания социального бытия. Одной из таких универсальных характеристик существования социальной формы материи выступает отчуждение. Впервые осмысленное в социальной теории в эпоху концепций общественного договора отчуждение в плане актуальности прочно завоевывает статус «вечной» проблемы. Экономические, психологические, социологические, исторические науки либо непосредственно обращаются к анализу сути процессов отчуждения, либо привлекают элементы отчуждения в качестве аргумента доказательства решения других самостоятельных социальных проблем. С одной стороны, такая теоретическая широта заставляет предположить универсальное доконечное решение проблем исследуемого феномена. Однако, с другой, зачастую парадоксально уводит анализ от исследования сути в область констатации простого наличия отчуждения в жизни социума и человека, что

в теории превращает цель в средство. В результате наблюдается теоретическая размытость понятия.

Состояние научного анализа, в свою очередь, напрямую сказывается на особенностях подхода к отчуждению со стороны социальной философии. В силу целостности собственного знания философия изначально поставлена в более сложные теоретические условия: не через обобщение отдельного получить целое, а, напротив, через сущность целого открыть специфику отдельных черт. Доказательства реальности многообразных явлений сущности и могли бы представить соответствующие науки. В отсутствие таких основ философия вынуждена самостоятельно классифицировать проявления сути феномена на фоне собственного глубинного исследования бытийных процессов. В результате в философском знании наблюдается некая фрагментарность.

В частности, на настоящий момент можно констатировать следующие наиболее общие подходы к сути отчуждения. По-прежнему довольно часто встречается трактовка отчуждения в качестве некоего делегирования, передачи человеком своих прав, некоторых черт другому, чаще всего коллективному субъекту или институту. Отчуждение здесь

сознательно необходимо и продуцируемо самим человеком. Одновременно процессы отчуждения связываются с аспектом самостоятельного, выведенного на себя, существования отдельных механизмов, явлений социума (самодостаточность, например, денег как таковых в функционировании социальной системы). Выступая причиной самостоятельности элементов культуры, создаваемых человеком, по отношению к нему самому отчуждение косвенно и явлено в пересечении объективных закономерностей социального. По-иному понимается отчуждение как неотъемлемая характеристика природы человека. Это способ активно деятельного включения носителя социальных отношений в любую среду. Вне зависимости от специфики и характера деятельности в силу доминанты сознательного фактора человек отчуждает от себя часть себя. Но независимо от характера среды отчуждение трудовой деятельности (либо самого процесса, либо результата) наличествует обязательно, что напрямую говорит о большом влиянии марксистской школы на исследование процессов отчуждения и в наши дни. Общим основанием таких направлений понимания сути отчуждения служит мировоззренческая дилемма «мир – человек»: либо отчуждение опредмечено в мире, либо отчуждение процессуально в самом человеке. Однако даже в приведенных подходах отчуждение не тождественно в смыслах: в случае понимания отчуждения как делегирования или самодостаточной замкнутости оно трактуется через процессы отстраненности, а в случае рассмотрения в сути природы человека как утрата. Рациональная доказательность теории, однако, не может допустить такой неопределенности. В случае с явлениями отчуждения шаткость теоретической позиции иллюзорно укрепляется внедрением оценки, но не в параметрах «негативно – позитивно», а через привлечение смежных теоретических положений. Так, рассмотрение отчуждения чуть ли не с необходимостью начинает предполагать обращение к концепциям гуманизма. При этом гуманизм трактуется как совокупность вечных качеств человечности в ранге правильности, нормативности, тогда отчуждение выступает нарушением, преступлением этих норм. Оценочная негативность в данном случае не так нейтральна, как кажется на первый взгляд. Если отчуждение негативно трансформиру-

ет экзистенцию, то логично искать пути его устранения. Действительность опровергает саму возможность такого устранения. Чтобы скрыть такое противоречие, теория с необходимостью наращивает новую оболочку процессам отчуждения. Спасительным кругом выступает политическая идеология¹.

Однако любая искусственность внутри философского знания всегда только усугубляет проблему. Прежде всего, трансформируется статус процессов отчуждения: благодаря этим характеристикам оно предстает в качестве явления другой сущности, например, тоталитаризма индустриального общества². Другими словами, отчуждение перестает быть необходимым процессом развития социума, а становится лишь чертой качественной характеристики. А свойство, как известно, в отдельности не способно воспроизвести целостность сущности. Последствия такой трансформации для теории существенны, так как вызывают серьезные противоречия. В качестве примера можно проследить дальнейшие рассуждения Г. Маркузе о роли отчуждения в обществе. Оно уже ничего не нарушает в экзистенции, а, напротив, восстанавливает возникающие пустоты. В частности, литература и искусство обретают власть над человеком вследствие того, что основанием их функционирования служит именно отчуждение в форме протеста разобщенного сознания. Следовательно, отчуждение через проигрывание несбывшегося в полноте бытия обеспечивает целостность. Казалось бы, сглажена негативная оценка отчуждения как фактора, разрушающего гуманистическое содержание человека. Но неожиданно негатив только усиливается. Отчуждение в форме протеста превращает литературу и искусство в товары массового потребления – в массовую культуру². В силу теоретической логики отчуждение возвращает себе статус неотъемлемой стороны социального. Но, во-первых, доминирующая роль оценки в процессах отчуждения камуфлирует их реальной развертывание. Во-вторых, вследствие такой теоретической непоследовательности вопросов возникает больше, чем предлагаемых решений. В данных рассуждениях: что есть массовая культура в собственной сути? Является ли массовость развертывания культуры уникальной характеристикой определенной ее формы или это универсальная характеристика? Существует ли вообще механизм

трансформации сути искусства в качественно иное? Или искусство остается неизменно в сути: возможность невозможного, пережденного, упущенного; иначе говоря, моделированием спектра возможностей на фоне реализованной действительности, и дело собственно в том, что эти модели могут разительно отличаться не содержанием, а качеством самой модели? Что же первично: отчуждение по отношению к искусству или искусство способствует появлению отчуждения? И вопросы эти напрямую затрагивают специфику развертывания бытия современного человека, его непростые отношения с созданной им самим культурной средой. Поэтому, на наш взгляд, насущно необходимо изменить саму теоретическую концепцию обращения к исследованию процессов отчуждения.

Отчуждение, безусловно, является характеристикой человеческого в мире. Природа, лишенная сознательно волевого, отчуждать не может. Однако границы уникальности, появление нового в процессах развития, изменения в природном мире наглядно демонстрируют диалектику «общего – единичного» через особенное. Аналогично в мире человеческом, трактуемом предельно широко как культурном, такие отграничения являются одной из самых видимых характеристик. В том числе и применительно к самому человеку. Если поместить это в рамки теоретического анализа, то процессы определения уникальности схожи. Чтобы определить «вещь природы», мы укажем на то, чем она не является. Так же определим и «вещь культуры». А определяя «Ивана», действительно, «оттолкнем» его и от Петра, и от Сергея, и от любого другого. Но в «вещи культуры», в «Петре», всегда присутствует опредмеченное сознательное. Именно сознательное, а не информационное, так как последнее в природе тоже является доминантой. Это опредмеченное сознательное имеет носителя, то есть отчуждено от кого-то. Тем самым, отчуждение универсально – насколько универсально отграничение в мире уникального. И в этой уникальности оно активно: в опредмеченной форме культурно созидательно, а в процессуальной форме человечески созидательно. Именно отчуждая себя в любую среду, человек реализует другое родовое свойство – творчество. Таким образом, отчуждение в своей сути само целостно. А, следовательно, при выделении каких либо его отдельных

сторон нельзя эту целостность игнорировать. При нахождении в культуре человек постоянно отчуждает себя. Ребенок в начальных стадиях социализации отчуждает социальную роль, отчасти противопоставляя ее самому себе. Далее, в процессах образования, происходит отчуждение в виде опредмеченно преодолеваемого обязательного теоретического знания. В обыденном общении происходит отчуждение собственного «Я», иначе невозможен диалог. Аналогичное отчуждение происходит во время «внутреннего диалога». И это не утрата, не жертва, а форма констатации себя в этом мире. Одновременно здесь проявляется процессуальность самой жизни человека: отчуждая, создаю себя. Тем самым, отчуждение необходимо рассматривать в качестве механизма целостности социального. Если, например, понимать идеологию не как программу той или иной политической партии, ту или иную стратегию, а признать за ней статус атрибутивности социального бытия³, то именно отчуждение выступает связующим звеном между общим духовным содержанием эпохи и конкретной формой его преломления в индивидуальном носителе. Или столь актуальные сегодня проблемы как проблемы толерантности. Только отчуждая сознательно собственную сущность, я смогу толерантно допустить в «свое» «чужое»⁴.

Но отчуждение – это сфера раскрытия социального бытия. Социум в своем функционировании, – безусловно, самая сложная часть мироздания. Если природная закономерность в своем функционировании предельно общей характеристикой будет иметь объективность, то в обществе такая закономерность обязательно преломляется через сознательно-волевые черты. В процессах отчуждения сказываются отношения господства – подчинения. Именно эта грань и вызывает возможность негативной оценки в качестве сути рассматриваемых процессов. Культура в целом, вбирая в себя опредмеченность сознательных процессов, способна превратить следствие в причину. Создается иллюзия господства отчуждаемого над самим творцом. В пересечении закономерностей, где сознательно-волевой фактор доминирует (например, в сфере управления или политики), такая иллюзия обретает уверенную почву под ногами в виде сознательно конструируемых социальных теорий⁵. В результате отчуждение в виде «бунта» против самого человека становится

непреодолимой закономерностью, с которой человек обязан смириться. В объяснение социальных процессов начинает внедряться мифология: теперь Рок обретает личину отчуждения. Чуждо все, человек одинок, духовное становится бездуховным. Через внушение этого человеку им легче управлять, на что, собственно, и направлены социальные мифологии. Но иллюзия остается иллюзией, и с неизбежностью она вступает в противоречие с реальностью. Результаты ограничены двумя крайностями: квиетизм как отказ от процессуальности собственного бытия или бунт против существующего. Но последний в таких условиях способен лишь разрушить бунтующего, так как изначально негатив отчуждения позиционирован как неизбежность Рока. Здесь и кроются истинные причины экстремизма, маргинальности, общего кризиса тех форм культуры, которые обращены к человеку.

Человек в обращенности к миру защищен мощным полем культуры. Но в современных

условиях сама культура демонстрирует агрессию в отношении своего создателя. Одним из путей преодоления такого кризиса может быть теоретическое исследование реальных процессов отчуждения.

Примечания

¹ Фромм, Э. Здоровое общество. М. : АСТ : Астрель, 2011. 448 с.

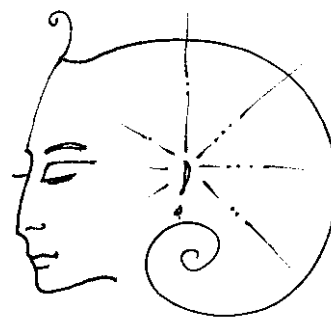
² Маркузе, Г. Одномерный человек. М. : АСТ : Ермак, 2003. 336 с.

³ Жилина, В. А. Идеология : новый взгляд : монография. Новосибирск : ЦРНС, 2009. 162 с.

⁴ Чернова, Э. Г. Функциональность диалогического взаимодействия // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства : материалы всерос. науч. конф. (Челябинск, 30 мая 2011 г.). Челябинск, 2011. 249 с.

⁵ Фромм, Э. Здоровое общество.

**ФИЛОСОФИЯ,
РЕЛИГИЯ,
МИФ**

А. В. Зименко

ФАКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В БЫТОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Представлены результаты социологического исследования влияния религиозной культуры на бытовую социализацию. Применение оригинальной методики исследования позволяет обоснованно определить факторы бытовой социализации и выстроить их рейтинг.

Ключевые слова: религиозная культура, бытовая социализация, уровень влияния религиозной культуры, условия и факторы бытовой социализации, методика определения условий, факторов и уровня влияния религиозной культуры.

Для изучения влияния религиозной культуры на жизнедеятельность, качество жизни и социализацию респондентов в ноябре 2012 г. методом анонимного опроса было проведено анкетирование на территории Челябинской области: опрошено 737 жителей в дееспособном возрасте 18–65 лет пропорционально полу и возрасту. Отмечается, чем моложе респондент, тем более охотно он соглашался принять участие в анкетировании.

Религиозные убеждения жителей Челябинской области (по результатам данного опроса) распределились следующим образом. Основная часть респондентов называет себя православными христианами (71,2 %); 1,1 % отнесли себя к католической христианской конфессии. Приверженцами ислама себя назвали 4,2 %, к иудаизму отнесли себя 0,3 % от общего числа опрошенных. К последователям буддизма себя отнесли 0,7 %, индуизма 0,3 %. Не относящие себя к конкретной религии, но верящие в добро и справедливость, составили совокупность в 9,4 %, верящих в себя – 8,5 %, не верящих ни во что – 4,3 %. У большинства респондентов убеждения сложились до 30 лет. В частности, у возраста «до 16 лет» – 42,1 %, у возраста «16–30 лет» – 44,1 %. Лишь 4,2 % ответили, что данные

убеждения сложились у них в возрасте «старше 30 лет», 9,6 % затруднились ответить.

Более трети респондентов не молятся совсем (35,5 %); делают это несколько раз в год (22,9 %). Каждый день молится 16,3 %, несколько раз в месяц 14 %, несколько раз в неделю 11,3 %.

Более половины (52,5 %) респондентов не соблюдают религиозные обряды, 32,6 % делают это несколько раз в год. Несколько раз в месяц это делают 7,3 % респондентов, несколько раз в неделю 3,1 %, а каждый день 4,5 %.

На вопрос «как часто вы читаете религиозную литературу» большая часть респондентов, а именно 59,6 %, ответила, что не делает этого совсем; 23,5 % читает религиозную литературу несколько раз в год; 8 % респондентов делает это несколько раз в месяц; 2 % делает это несколько раз в неделю; каждый день – 6,9 %.

Семейное положение всех опрошенных респондентов распределилось следующим образом: холост (не замужем) – 44,4 %, в «официальном» браке – 32,0 %, в «гражданском» – 12,6 %, в разводе – 11,0 %.

Средний месячный доход на одного члена семьи: «более 15000 рублей» у 30,9 % ре-

спондентов, «10000–15000 рублей» у 26,7 % респондентов, «7000–10000 рублей» у 22,3 % респондентов, «5000–7000 рублей» 11,1 % респондентов, «3000–5000 рублей» 5,7 % респондентов, «2000–3000 рублей» у 2,4 % респондентов, «1000–2000 рублей» у 0,8 % респондентов.

Для выявления факторов бытовой социализации в исследовании применяется социально-конструктивный генетический подход, разработанный А. А. Тарадановым.

В группу (выборочную совокупность) «успешно социализировавшихся» вошли респонденты, которые *одновременно* указали, что а) их жилищные условия *неплохие*; б) питаются *досыта и качественно* или *досыта*; в) состояние их здоровья можно оценить как *здоров (а)* или *иногда болею*.

Одновременно эти три условия (неплохие жилищные условия; питание досыта и качественно или досыта, состояние здоровья здоров (а) или иногда болею) соблюдены у 373 респондентов, то есть у 50,6 % от общего числа опрошенных. Они и считаются в исследовании *социализированными*, то есть представляющими собой «реально-идеальный тип» с уровнем бытовой социализации, равным 100 %. Оставшиеся 364 респондента, то есть 49,3 %, не вошли в данную группу, то есть мы будем их считать *несоциализированными*.

В ответах на различные вопросы анкеты *социализированных* и *несоциализированных* респондентов есть разница. По ней и можно вычислить положительное или отрицательное направление влияния того или иного жизненного фактора (из состава исследованных нами) на трудовую социализацию, для чего шкала соответствующего индикатора имеет размерность от «+100» до «-100». Чем выше значение показателя у *социализированных* по сравнению с этим же показателем у *несоциализированных*, тем выше интенсивность по-

ложительного влияния данного фактора на бытовую социализацию.

И наоборот: чем выше значение показателя у *несоциализированных* по сравнению с этим же показателем у *социализированных*, тем выше интенсивность *отрицательного* влияния данного фактора на бытовую социализацию.

Рассчитывается «индекс интенсивности влияния» факторов следующим образом (см. таблицу).

Как видно из таблицы данных опроса, показатель ‘несколько раз в месяц’ по категории ‘социализированные’ составил 27,1 %, ‘несоциализированные’ – 0,5 %. Это значит, что данное условие является фактором *положительного* влияния на бытовую социализацию. По итогам опроса и другие условия оказываются положительными факторами, но важно знать, какие условия являются *наиболее* *влиятельными*.

Как известно, в практике опросов достаточно часто бывает, что какой-либо из вариантов ответов в какой-то выборочной совокупности оказывается равным 0,0 % или близким к нему. В этом случае исчисление по вышеуказанной методике становится либо а) невозможным (на «0» делить нельзя); либо б) необъективным: даже при небольших значениях данного показателя в оппозиционной категории интенсивность влияния показателя приближается к 100 % без достаточных на то оснований.

Для исключения подобных ситуаций в процессе (формуле) расчета к каждому из исходных значений показателя автоматически прибавляется по 1,0 %, что позволяет, не влияя практически на результаты, основанные на представительных объемах, «смягчить» результаты, основанные на нулевых и близких к ним исходных данных значений показателя¹.

И тогда, например, ИВ показателя ‘несколько раз в месяц’ составит:

Частота совершения молитв респондентами

Как часто вы молитесь?	Все опрошенные	Социализированные	Несоциализированные	ИВ
Всего опрошено	737	373	364	
– несколько раз в месяц	14,0	27,1	0,5	+18,7
– несколько раз в неделю	11,3	21,7	0,5	+15,1
– каждый день	16,3	27,1	5,2	+4,5
– несколько раз в год	22,9	16,4	29,7	-1,8
– не делаю этого	35,5	7,8	64,0	-7,4
– не ответили	0,0	0,0	0,0	0,0
Итого ответов:	100,0	100,0	100,0	100,0

$$(27,1+1,0) / (0,5+1,0) = 18,7,$$

то есть полученное положительное значение +18,7 и представляет *положительную* «весомость» фактора.

Рассчитав таким же образом остальные показатели, мы сможем выстроить рейтинг «факторности» разных условий, определяя таким образом интенсивность влияния (ИВ) того или иного фактора на бытовую социализацию.

Факторов *положительного* влияния на бытовую социализацию сформировалось 90 в результате расчета. Рейтинг интенсивности влияния (ИВ) первых десяти (наиболее влиятельных) факторов из числа положительных выстроился следующим образом:

1) респондент несколько раз в год читает религиозную литературу +31,2;

2) интерес респондента к его работе (учебе) возрастает +30,1;

3) респондент исповедуется несколько раз в год +20,7;

4) респондент причащается несколько раз в год +20,7;

5) респондент состоит в «гражданском» браке +19,8;

6) респондент молится несколько раз в месяц +18,7;

7) респондент участвует в общественной жизни (выбранный вариант ответа «другое» +18,0;

8) респондент имеет одного ребенка +16,8;

9) от 7000–10000 рублей месячный доход респондента на члена его семьи +16,7;

10) респондент имеет двоих детей +16,6.

В результате расчета в десятку наиболее влиятельных факторов из числа положительных *попали четыре религиозных*: на 1-м месте ‘респондент несколько раз в год читает религиозную литературу’ ИВ +31,2, на 3-м месте ‘респондент исповедуется несколько раз в год’ ИВ +20,7, на 4-м месте ‘респондент причащается несколько раз в год’ ИВ +20,7, на 6-м месте ‘респондент молится несколько раз в месяц’ ИВ +18,7.

Данные факт говорит о значимости факторов религиозной культуры в бытовой социализации.

На 2-м месте ‘интерес респондента к его работе (учебе) возрастает’ ИВ +30,1, то есть значительное влияние для бытовой социализации имеет возрастающий интерес респондента к работе (учебе).

На 5-м месте ‘респондент состоит в «гражданском» браке’ ИВ +19,8, то есть люди успеш-

но социализировавшиеся в бытовой сфере, в большинстве своем имеют «спутника жизни», но не «официально» оформленные отношения. Другими словами, успешно социализированные в бытовой сфере люди не одиноки, то есть наличие «второй половины» позитивно сказывается на данной сфере социализации. И (или) наличие детей: на 8-м месте ‘респондент имеет одного ребенка’ ИВ +16,8, 10-е место ‘респондент имеет двоих детей’ ИВ +16,6.

Активная жизненная позиция, неравнодушные к общественной жизни, а участие в ней, дает весьма положительное влияние на социализацию в бытовой сфере ‘респондент участвует в общественной жизни’ (выбранный вариант ответа ‘другое’) ИВ +18,0.

На 9-м месте ‘7000–10000 рублей месячный доход респондента на члена его семьи’ ИВ +16,7, данный доход символизирует оптимальный уровень жизни для успешной бытовой социализации на исследованной нами территории.

Факторов *отрицательного* влияния на бытовую социализацию в результате расчета сформировалось 73. Рейтинг интенсивности влияния (ИВ) первых десяти (наиболее влиятельных из числа отрицательно действующих факторов) выстроился следующим образом:

1) более 15000 рублей месячный доход респондента на члена семьи -29,8;

2) интерес респондента к работе не изменяется -22,0;

3) респондент холост (не замужем) -18,1;

4) психологическое состояние респондента в конце дня «день прошел и ладно» -15,3;

5) у респондента нет детей -14,7;

6) респондент затрудняется ответить хочет ли он жить в том месте где живет -12,7;

7) у респондента никогда не было работы -11,7;

8) род деятельности респондента студент (ка) -9,3;

9) респондент не участвует в общественной жизни -8,5;

10) респондент никогда не состоял в браке -7,6.

Из числа десяти *самых отрицательно влияющих* факторов на бытовую социализацию три семейных: 3-е место ‘респондент холост (не замужем)’ ИВ -18,1, 10-е место ‘респондент никогда не состоял в браке’ ИВ -7,6, 5-е место ‘у респондента нет детей’ ИВ -14,7.

Два фактора, связанные с трудовой деятельностью: на 2-м месте ‘интерес респон-

дента к работе не изменяется' ИВ -22,0, на 7-м месте 'у респондента никогда не было работы' ИВ -11,7.

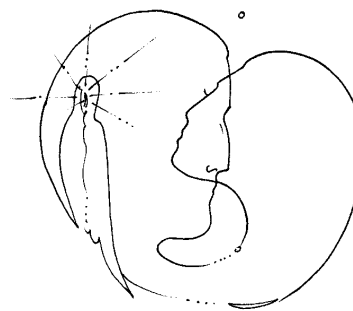
Еще два фактора ('респондент затрудняется ответить, хочет ли он жить в том месте, где живет', 'респондент не участвует в общественной жизни').

А также фактор 'психологическое состояние респондента в конце дня «день прошел и ладно»'.

Примечание

¹ Цит. по: Тараданов, А. А. Определение и расчет рейтинга факторов социально-экономического развития муниципального образования // Экономика. Финансы. Рынок. Челябинск, 2008.

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

Н. Л. Рыбалченко, Е. В. Пашинцев

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУХОВНОСТИ

Предпринята попытка дать универсальное определение многозначного понятия культуры. Уточняется наиболее общая типология культуры. Проводится концептуальное различие между духовной культурой и феноменом духовности. Авторы статьи предлагают свое решение проблемы соотношения социума и Духа.

Ключевые слова: Дух, духовная культура, творчество, личность, социум.

В широком общественном сознании феномен культуры воспринимается, как правило, в качестве основы и критерия духовного развития личности. В педагогической практике «воспитание высококультурной личности» нередко формулируется как основная задача воспитательного процесса. Тем более неожиданной может показаться оценка культуры в сфере профессионального философского мышления. Вот точка зрения Н. А. Бердяева: «В характере культуры есть опасность окостенения, застоя и самодовольства»¹. Еще более неожиданной является характеристика культуры, данная М. Вебером: «К явлениям культуры проституция относится не в меньшей степени, чем религия или деньги»². Не удивительно, что более поздняя философская оценка культуры склоняется к мнению о том, что понятие культуры «приемлемо не только для характеристики прогрессивной, но и реакционной культуры»³.

В этой ситуации перед теоретической мыслью встает неизбежная профессиональная задача – дать объективное научное определение культуры. Задача непростая, хотя бы потому, что не склонная к теоретическим дискуссиям дидактическая мысль вынуждена констатировать: «Понятие “культура” почти столь же многозначно, как и понятие “цивилизация” (первое из них имеет около ста

смысловых значений)»⁴. Уже один этот факт является неоспоримым доказательством того, что исходные концептуальные основания понятия культуры теоретически размыты.

Приступая к решению поставленной задачи, зафиксируем еще один, теперь уже социологический, парадокс. Дело в том, что подавляющее большинство культурологов, историков и социологов культуры предпочитает оперировать понятием культуры «вообще», несмотря на чрезвычайное разнообразие видов и форм культурного процесса. Попытаемся преодолеть стихийно сложившуюся антиномию «единого» и «многого», выделив три фундаментальных типа культурной реальности, а именно: материальную, социальную и духовную культуру общества.

Правомерность социологического выделения материальной культуры общества и индивида не требует специальных доказательств в силу максимальной эмпирической достоверности данного феномена. Однако теоретическое фиксирование особой – социальной – культуры наталкивается на невидимое концептуальное препятствие. Тем не менее, можно считать эмпирическим описанием социальной культуры следующее социологическое наблюдение, согласно которому «культура как способ самореализации индивидов в обществе выполняет коммуникативно-ре-

гулятивную функцию, обусловленную уровнем развития общества, его возможностями и установками»⁵. Разгадка вышеуказанного парадокса заключается в понимании того, что подавляющее большинство населения планеты отчуждено от непосредственного социального контроля над средствами государственного и хозяйственного управления. Поэтому в общественном сознании не складывается та плотная психологическая масса, на основе которой могла бы теоретически оформиться универсальная по своей природе категория социального.

Таким образом, мы приходим к выводу, что стихийно сохраняющееся господство в обыденном и теоретическом мышлении христианской парадигмы («материальное или идеальное») не позволяет ни концептуально, ни терминологически выделить социальный тип культуры как особую, самостоятельную историческую реальность. Однако то, чего нет в теоретическом мышлении, с лихвой присутствует в современной, пронизанной мощными институциональными полями социальной практике. Поэтому в качестве частичного эквивалента социальной феноменологии в социологической литературе фигурирует понятие политической культуры. Исходя из этого, наиболее общая типология культуры выступает «в качестве отдельных ее «блоков»: материальной, политической и духовной культуры»⁶. К этим широко распространенным образцам терминологической практики остается добавить еще один аргумент, свидетельствующий о том, что выделение духовного типа культуры неразрывно связано с констатацией трехмерного гносеологического пространства. Вот точка зрения профессионального историка культуры, убежденного в том, что «под «культурой» понимается духовная жизнь общества, выражающая сущностные (творческие) силы человека и детерминированная в своих основных характеристиках условиями материальной жизни и социальных отношений»⁷.

Выделение трех фундаментальных типов культуры дает необходимый материал для формирования обобщенного понятия культуры – культуры «вообще». Достаточно поставить вопрос о том, что объединяет столь непохожие по способу предметного воплощения области культуры, и мы увидим, что инвариантным содержанием всех трех культурных оболочек выступает нормативная

природа человеческого мышления. И технологические образцы, и логические формы, и нравственные постулаты, и эстетические ценности, и правовые акты, и народные обычаи, и, наконец, социальные институты как объективированные формы общности людей – все это с точки зрения своего идеального воспроизводства может быть схвачено единым «инструментальным» понятием нормы.

Взятая в качестве инструментальной основы духовного производства культура действительно «представляет собой некоторую совокупность норм и осуществляемых на ее основании операций нормирования, имплицитных возникновения нормативов»⁸. Нормативным является и самый универсальный способ человеческого общения, а именно: «Язык – это тоже нормативная система, и даже не зная языковых правил, мы следуем им»⁹. Мышление индивида, упорядоченное с помощью определенного многообразия культурных норм, становится культурным мышлением. Вот почему универсальное понятие культуры – понятие, преодолевающее особенность каждой из культур, – можно определить как совокупность нормативных форм мышления. Данное определение дает возможность не только указать на самый существенный – инструментальный – признак любой культурной феноменологии, но и позволяет отделить инструментальный («ремесленный») характер мышления от его творческих проявлений, связанных с выходом креативного мышления за рамки существующей нормативности. Вот почему нельзя не согласиться со следующим утверждением: «Из того, что все сферы предметного поля культурной реальности допускают проявление в них феномена нормативности, разумеется, не следует, что все элементы предметного поля нормированы»¹⁰. И поскольку никакая универсальность не может быть беспредметной, постольку мы обязаны признать, что в основе «инструментального» определения культуры лежит социологическая предметность, фиксирующая взаимодействие материальной, социальной и духовной деятельности людей в плоскости их коммуникативного единства.

Не претендуя на общезначимое определение понятия культуры, известный американский социолог Т. Парсонс выделяет три обязательных момента, из которых складывается данное понятие: «во-первых, культура передается, она составляет наследство или

социальную традицию; во-вторых, это то, чему обучаются, культура не является проявлением генетической природы человека; в-третьих, она является общепринятой»¹¹. Легко увидеть, что определение культуры как совокупности нормативных форм мышления удовлетворяет каждому из указанных признаков. Во-первых, совокупность норм, как и всякая традиция, передается по наследству от одного поколения к другому; во-вторых, приобщение к совокупности нормативных форм мышления требует обязательного обучения; в-третьих, нормативная природа мышления является общепринятой именно в силу своей нормативности.

В этой ситуации неизбежно возникает главный теоретический вопрос: если культура по своей природе – инструментальный феномен, то как же происходит духовное становление личности? Как вообще возможно духовное измерение истории? По сути дела мы сталкиваемся здесь с проблемой сосуществования двух исторических реальностей – «царства Духа» и «царства Кесаря». Даже приблизительное решение указанной проблемы невозможно без ответа на три sacramентальных вопроса: «Что такое Дух?», «Что представляет собой духовная культура?», «Каким образом духовная реальность существует в рамках институционализованного социума?».

Начнем анализ с феномена духовной культуры, используя метод сравнительной аналогии. Понятно, что онтологические истоки материальной и социальной культуры находятся, несмотря на ментальную оболочку каждой из них, за пределами человеческого сознания. Материальная культура, как бы это тривиально не звучало, вырастает из мира вещей. Вот почему в буржуазном обществе, согласно справедливому замечанию Маркса, отношения людей объективно выступают как отношения вещей. В свою очередь, социальная культура является идеализацией институционализованной реальности. Перефразируя Маркса, можно с изрядной долей запоздания утверждать, что в бывшем планово-бюрократическом обществе отношения людей объективно выступали как отношения анонимных социальных институтов. Но как быть с духовной культурой, которая также должна иметь онтологические истоки? Проблема решается достаточно просто. Современный социально-философский анализ показывает: «за всеми

культурно-историческими модификациями Духа стоит одна и та же знаковая реальность»¹².

Это справедливое в целом утверждение требует некоторых уточнений. Знаковая реальность является непосредственным историческим основанием лишь духовной культуры («язык есть материальная оболочка мысли», по Марксу), но сам Дух как высшее проявление творческого начала не может быть сведен к знаковой реальности. Сошлемся в данном вопросе на безошибочную гуманистическую интуицию русского религиозного философа Н. А. Бердяева. **Определяя субъективные истоки человеческого творчества, Н. А. Бердяев писал:** «...творчество есть творчество из ничего, т. е. из свободы»¹³. И действительно, трудно не согласиться с тем, что «творческий акт человека не может целиком определяться материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром»¹⁴. Вот этот творческий потенциал человеческой истории, периодически расширяющий ее культурные границы, как раз и выступает в качестве независимого онтологического фактора, именуемого «царством Духа». На фоне этой гносеологически реальной чистой субъективности духовная культура выступает как наиболее рафинированная форма бытия объективного полюса истории.

Возвращаясь к понятию духовной культуры, мы можем теперь сказать, что данный тип культуры выступает в качестве промежуточной инстанции между Культурой «вообще», которая связывает своей ментальной оболочкой материальный и социальный типы культуры, и царством абсолютной творческой свободы человеческого Духа. Поскольку истинное творчество носит внебытийный характер («Творческий акт человека и возникновение новизны в мире не могут быть поняты из замкнутой системы бытия»¹⁵), постольку восприятие готовых результатов творчества представляет большую психологическую трудность для среднестатистического культурного субъекта. В этой ситуации наиболее восприимчивыми к новизне окажутся те индивиды, которые уже не раз переживали состояние творческого озарения. Поэтому, используя гносеологическую символику Платона, можно с полным основанием сказать, что духовная культура – это «память» о пребывании человека в царстве Духа. В более прозаической форме духовную культуру

можно определить как совокупность идеальных норм (в первую очередь, нравственных и эстетических), обеспечивающую объективные условия для перехода индивидуального сознания в чисто субъективное пространство. Сошлемся на конкретный исторический пример. Когда А. Эйнштейна спрашивали, как он пришел к открытию специальной теории относительности, выдающийся физик отвечал: «Я верил в гармонию мироздания».

Остается ответить на самый трудный теоретический вопрос: как возможно духовное становление личности в условиях институционализованного социума? И здесь мы вновь сталкиваемся с основным социокультурным парадоксом. Потусторонний характер наиболее «авторитетной» – религиозной – духовности свидетельствует о том, что в самой исторической действительности Духа нет. Переход мировой истории от классического капитализма к цивилизации постиндустриального типа доказывает лишь то, что «история вещей» сменилась идеологически завуалированной историей социальных институтов, но еще не превратилась в «историю идей». А это означает, что истинная природа человеческой духовности выглядит значительно скромнее и «фрагментарнее», чем это представляется современным идеологам «общечеловеческих ценностей». Реальным «строительным материалом» исторического процесса по-прежнему выступает экономическая и политическая конъюнктура.

Поскольку знаковая реальность, «стоящая за всеми модификациями Духа», еще не в состоянии стать единственной онтологической основой исторического процесса, постольку реальная духовность человеческого индивида проявляет себя как эффект социокультурного прорыва из одного институционализованного пространства в другое, более свободное по своим антропологическим характеристикам. В силу неизбежной массовости этого социального прорыва общечеловеческий духовный прогресс не может не иметь классово выраженных очертаний. Например, переход от племенной организации людей к цивилизованному обществу был бы невозможен без идеи «потустороннего» единства всех племен и народов. Переход от пожизненно-феодалного статуса индивида к стихии свободных рыночных отношений невозможно представить без знаменитых буржуазных лозунгов «Свободы, Равенства и Братства».

А уничтожение частной собственности и построение первого планового общества невозможно представить без пролетарской идеи «всемирного братства трудящихся».

Что касается «общечеловеческого» характера духовных ценностей, то здесь явно прослеживается генетическая связь с меняющим свои исторические оболочки одним и тем же классом работников умственного труда. От христианских пророков до современных «властителей дум» мы сталкиваемся с той особенной профессиональной и жизненной ориентацией, в основе которой лежит безграничное расширение знаковой реальности. Теоретически предсказуемый «скачок» мировой истории из царства Необходимости в царство Свободы как раз и будет означать, что фрагментарные осколки «общечеловеческих ценностей» начали срастаться в целостное экзистенциальное пространство.

Примечания

¹ Бердяев, Н. А. Философия неравенства // Русское зарубежье. Л., 1991. С. 224.

² Вебер, М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 379.

³ Коган, Л. Н. Категория «культура» в системе категорий исторического материализма // Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск, 1980. С. 131.

⁴ На пути к современной цивилизации : материалы к курсу «Человек и общество : (Основы современной цивилизации)» для 11 кл. сред. шк. М. : Просвещение, 1992. С. 43.

⁵ Новикова, Л. И. Цивилизация и культура в историческом процессе // Вопр. философии. 1982. № 10. С. 61.

⁶ Коган, Л. Н. Категория «культура»... С. 130.

⁷ Кертман, Л. Е. История культуры стран Европы и Америки (1870–1917). М. : Высш. шк., 1987. С. 6.

⁸ Шнейдер, В. Б. Нормативность культуры // Духовность и культура. Алгоритмы культуры : материалы Всерос. конф. Екатеринбург, 1994. С. 71.

⁹ Карбонье, Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 163.

¹⁰ Шнейдер, В. Б. Нормативность культуры. С. 77–78.

¹¹ Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия : культура, личность и место социальных систем // Аме-

риканская социологическая мысль : тексты. М., 1994. С. 458.

¹² Плотников, В. И. Дух и его культурно-исторические модификации // Духовность и культура. Духовность мироотношения. Екатеринбург, 1994. С. 27.

¹³ Бердяев, Н. А. Самопознание : опыт философской автобиографии. М. : Книга, 1991. С. 213.

¹⁴ Там же. С. 213–214.

¹⁵ Там же. С. 213.

Н. Н. Вотинцева

«СУБЪЕКТНЫЙ ПОВОРОТ» ДУХОВНОСТИ

Рассматривается понятие 'духовность', его современное понимание в свете религиозно-го и светского осознания. Духовность не всегда свидетельствует о нравственности и может как сочетаться, так и не сочетаться с «душевностью», человечностью. Современное секуляризованное общество направляет субъекта, находящегося в поиске основ духовности к индивидуальным личностным формам.

Ключевые слова: духовность, душевность, секуляризация, сакрализация, субъективация.

Сегодня такие абсолютные ценности, как «Истина», «Добро» и «Красота», приобретают весьма интересную форму существования, а вернее, восприятия или оценки. Истина становится относительной и частной, зависимой от условий и интерпретаций. Минутная и бесперспективная полезность приравнивается к добру. Любое проявление интимного, что называется «сексуальным», – приравнивается к «красоте». В мире стало больше превалировать «поверхностное», «показательное» – шоу или дань моде, как, например, демонстрация приобщенности к религиозному в виде совершения обрядов.

Часто современное состояние противоречивости связывают с падением, понижением уровня духовности.

Духовность часто связывают с религиозностью, но больше это происходит на уровне обыденного. Религия теряет монополию над духовностью благодаря процессам секуляризации, десакрализацией определенных областей жизни¹. Вытесненная в качестве универсальной культурной матрицы, религия превратилась в один из секторов социума наряду с другими – экономикой, политикой, духовной жизнью. Хотя религия взаимодействует с ними, но уже не определяет их.

Противопоставления духовного как религиозного и светского как бездуховного встречаются весьма часто. Религиозность и духовность противопоставлять нет смысла. Все дело в том, что источник религиозной духовности находится вне человека или не только и не столько в человеке, а источник духовности светской – прежде всего внутри самого человека; если для религиозной духовности авторитетны догматы и традиция, то для духовности светской – личный опыт; если в религиозной духовности проблема теодицеи решается через отсылку к дьяволу

как источнику греха и зла, то в духовности светской речь идет о недостатке гармонии и/или уверенности человека в себе; если организационной единицей религии является институция и семья, то для духовности светской это личность и сеть; если коммуникация в религии основана на вертикальной иерархии, то в духовности светской это горизонтальная связь, и т. д.

Некоторые западные исследователи считают, что существующий плюрализм вероисповеданий снижает авторитет религии, поскольку она становится предметом критического сравнения, и это фундаментально изменяет ее природу. Религия не представляет собой нечто единообразное и постоянное. Плюрализм – не более чем объективная черта социальной реальности, и сам по себе он не является ни источником расцвета религии, ни причиной ее упадка. Скорее, плюрализм есть почва, на которой с одинаковым правом сосуществуют сколь угодно много религиозных (и нерелигиозных) убеждений, каждое из которых уверено в собственной истинности, но ни одно не имеет достаточной убедительности за пределами собственного мировоззренческого поля.

Люди, которые делают религиозный выбор или смешивают разные традиции, не менее религиозны, чем те, кто придерживается единственной традиции. Они сами конструируют свою социальную реальность из имеющихся элементов культуры, где ни одна сфера жизни, в том числе религия, не отделена от другой непроходимой стеной. Секуляризация как исторический процесс снижения роли религии в сознании людей и жизни общества тесно связана с отношением к сакральному. В современном мире секуляризация не отменяет сакрализацию, она (сакрализация) приобретает иную форму существования. Сакраль-

ным становится то, что является предметом личного опыта или результатом личного выбора. Базовые структуры секулярного сознания даже при наличии симптомов «религиозного возрождения» все же сохраняются, они не выводят за пределы секулярного стиля современной жизни. В пользу этого свидетельствует широко распространившаяся в современном обществе «функционализация религии», т. е. ее использование в нерелигиозных по своему существу целях (политических, психотерапевтических и др.)².

Секуляризованное общество все больше и больше принимает на себя основные заботы по поддержке, защите и распространению ценностей духовной культуры. Следуя здравому социальному расчету, светское государство, как правило, не пренебрегает нравственным потенциалом и авторитетом религии и конструктивно сотрудничает с церковью в гуманитарной сфере, в том числе – в совместной поддержке и защите достояний духовности. Такое сотрудничество, хотя и при нередких дискуссиях, обычно получает поддержку не только у верующих, но и у нерелигиозных сограждан. Оно способствует их гражданскому единению и становлению толерантности в секуляризованном обществе³.

Религия теряет свою значимость в качестве социального института, но духовность как способ существования остается важнейшей частью внутренней жизни человека.

Что же такое «духовность»? В самом широком смысле: «духовность – совокупность проявлений духа в мире и человеке»⁴. Если рассмотреть то, что связано с человеком, то «духовность – это высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности»⁵. На этом уровне основными мотивационно-смысловыми регуляторами жизнедеятельности личности становятся высшие человеческие ценности.

Проблема «духовности» ставилась многими, и общим для многообразия подходов исследования «духовности» является: признание ее связи с надындивидуальными смыслами и ценностями, божественными или космическими силами.

Духовность является не структурой, а, наряду со свободой и ответственностью, способом существования человека, достигшего личностной зрелости. На смену узколичным потребностям приходит ориентация на широкий спектр общечеловеческих и транс-

цендентных духовных ценностей. Человек подключается к созидательной энергии надындивидуальных общностей или высших сил, выходя за свои собственные пределы и открываясь взаимодействию с миром на новом уровне.

Вне теологической трактовки духовность в обыденном сознании понимается как высококоразвитая форма психического (в диалектическом материализме – это определение «сознания»), как высоконравственное начало в психической жизни, как стремление к идеалу, способность к самоанализу поступков и переживаний и т. п. В этом случае обычно противопоставляют духовность (высокую культуру чувств, мыслей и поступков) и бездуховность (их низкую культуру, приземленность, корыстную направленность и т. п.)⁵. Наличие сознания в данном случае не говорит о наличии высокой духовности, но и бездуховность – это не отсутствие сознания.

Духовность – это то, что возвышает человека или «делает» его по-настоящему человеком, способным оценить и себя, и мир, желающим изменить мир к лучшему, но возникает вопрос: «всегда ли»? Связь понятия «духовность» с таким понятием, как «душевность», вводит некоторые корректировки. Корнями данное деление уходит в разграничение «Духа» и «Души», но в данном случае указать на истоки недостаточно.

Главное различие между духовностью и душевностью заключается в том, что душевность подчинена доминанте человечности, а духовность – доминанте возвышения. «Духовный опыт не есть опыт душевный, психологический, не есть замкнутый опыт личности, погруженный в себя. Духовный опыт есть опыт размыкающий, погружающийся в сверхличный духовный мир, раскрывающий связь микрокосма с макрокосмом <...> Замкнутый мир всегда есть душевный, а не духовный мир <...> Духовный опыт возможен лишь при предположении, что человек есть микрокосм, что в нем раскрывается целая вселенная, что нет трансцендентных границ, отделяющих человека от Бога и от мира»⁶.

То, что человек тяготеет к возвышенному и высокому, еще не подтверждает его душевность и не говорит о его приверженности к гуманизму – оно, конечно, и не отрицает такого совпадения, но в истории проявлений «бесчеловечной духовности» достаточно, т. е. духовное не обязательно нравственное.

Получается, что духовность – это не гарант нравственности. Может, духовность в сочетании с душевностью – слагаемые нравственности и гуманизма? Весьма интересным оказывается представление «разновидностей» духовности – таких, как «позитивной» и «негативной».

«Позитивная духовность – это сочетание духовности с позитивной одушевленностью, а негативная духовность – это сочетание духовности или с негативной одушевленностью, или с душевной недоразвитью»⁷. В данной интерпретации понятие ‘душевность’ означает лишь уровень психического развития индивида, не достигшего еще обладания чертами духовности. Черты позитивной душевности: доброта и доброжелательность, способность к сочувствию и сопереживанию, отзывчивость, умение войти в положение, поделиться. Черты духовности: широкий кругозор, стремление к творчеству, доминирование в сфере потребностей – «высших» потребностей (потребностей познания и творчества, самореализации, возвышения над своим предыдущим уровнем). «Подлинно гармоничной личностью может быть только тот индивид, в психике которого сочетаются черты позитивной душевности и духовности. Во всех иных случаях мы видим дисгармоничную личность»⁸.

Встреча духовности с душевностью или с душевной недоразвитостью происходит лишь на индивидуальном уровне, когда мы можем проследить наличие или отсутствие связи субъекта с надындивидуальными смыслами.

Сегодня актуальна тема не просто индивидуализации духовного, а «массового субъектного поворота» – «субъектный поворот» в культуре, «экспрессивный индивидуализм» – все эти размышления связаны с процессом индивидуализации, который весьма неоднозначен. С одной стороны, происходит разочарование в таких традиционных ценностях, как свобода, права человека, выбор и т. д., поскольку люди часто не видят в них никакого реального содержания и повседневного подтверждения их реализации. С другой стороны, идея аутентичности сама по себе не является универсальным моральным выбором, поскольку отрицает абсолютизацию каких бы то ни было истин. Когда происходят глубокие социальные трансформации, моральные ставки изменяются. Меняются существующие варианты выбора. Во-первых,

варианты, существовавшие прежде, являются на данный момент невозможными. Во-вторых, сегодня в новом контексте существуют варианты выбора, и для личности одни из них лучше, чем другие. Например, в религии личность человека и его чувства сегодня важнее, чем институциональная религиозность, и поэтому люди все реже ищут ответы на религиозные вопросы в церкви.

«Субъектный поворот» подразумевает, что источником авторитета становятся человеческие переживания, состояние сознания, память, эмоции, телесные ощущения и т. д. Теперь целью становится не соответствие внешнему авторитету, а требуется мужество и ответственность стать своим собственным авторитетом. «Субъектный поворот» проявляется не только в религии, но и во всех сферах жизни. Например, брак перестает быть священным социальным институтом и становится инструментом личного счастья. В образовании происходит поворот к субъекту обучения, в потреблении – к субъекту покупательного процесса, в здравоохранении – к пациенту, в работе – к профессиональному развитию. В этом переходе от внешнего объективного целеполагания к внутреннему субъективному росту смыслом религиозной духовности оказывается сакрализация жизни-по-правилам, а смыслом духовности светской – сакрализация жизни-в-субъектности.

Еще одно основание существования *субъектности духовного* называет американский социолог Р. Инглхарт, основывая свое понимание места религии в современном мире на гипотезе «экзистенциальной безопасности», которая была выдвинута в процессе анализа результатов «Всемирного обзора ценностей» (*World Values Survey*) – масштабного социологического исследования, проводившееся в 70–90-е годы более чем в шестидесяти странах мира. На основании этого анализа был сделан следующий вывод: человеческая безопасность влияет на религиозность общества. Высокий уровень жизни значительно ослабил степень уязвимости людей, и произошло снижение потребности в абсолютных правилах, которые ограничивают возможности индивидуального самовыражения. Следовательно, чем выше уровень экзистенциальной безопасности общества в целом и каждого человека в частности, тем шире возможности самоопределения в вопросах, касающихся смысла жизни. Наоборот, чем ниже этот уровень, тем

в большей степени люди тяготеют к абсолютным религиозным институциям и авторитетам, которые должны защитить их перед лицом непредсказуемых социальных сил.

С «субъектным поворотом» в культуре меняется отношение к традиционным или претендующим на то, чтобы быть таковыми мировоззренческим и религиозным системам. Это изменение не отвергает традицию, но делает ее предметом личного осознанного выбора. Следовательно, новые пути духовности ориентированы на выбор способов организации своей духовной жизни в институциональной или индивидуальной форме.

Примечания

¹ Секуляризация [Электронный ресурс]. URL : <http://dic.academic.ru/dicnsfyenc/philosophy>.

² Степанова, Е. А. Новая духовность и старые религии // Религиоведение. 2011. № 1. С. 127–134.

³ Писманик, М. Х. Духовность в центре дискуссий / М. Х. Писманик, Е. А. Малянов // Вопр. культурологии. 2010. № 12. С. 113–117.

⁴ Духовность [Электронный ресурс]. URL : <http://ru.wikipedia.org>.

⁵ Леонтьев, Д. А. Духовность [Электронный ресурс] / Д. А. Леонтьев, А. В. Петровский. URL : <http://slovarLYandex.ru>.

⁶ Бердяев, Н. А. О человеке, его свободе и духовности. М., 1999. С. 47–48.

⁷ Бондырева, С. К. Духовность : психология, социология, семантика : учеб. пособие / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. М. ; Воронеж, 2007. С. 52.

⁸ Там же. С. 137.

Н. Л. Худякова

ПРОИЗВОДСТВО КАК СУБСТАНЦИЯ ОБЩЕСТВА

Обосновывается тезис, что только применение субстанционального подхода обеспечивает философский уровень познания общества. Доказывается, что именно производство, а не просто деятельность, обладает свойствами субстанции общества. Рассмотрены атрибуты производства как субстанции.

Ключевые слова: социальная философия, субстанция, производство, атрибуты производства как субстанции общества.

В современной социальной философии необходимость применения субстанционального подхода подвергается сомнению. Между тем, только на его основе можно зафиксировать особенность социального структурного уровня как формы бытия, возникновение которой привело и к возникновению *Homo sapiens* – человека разумного.

Сторонники субстратного подхода исходят из того, что сначала возникает человек разумный, а общественные отношения есть продукт деятельности его разума. Методологическим основанием в этом случае является понимание человека как живого существа, принципиально не отличающегося от животного, или объяснение его возникновения как рационально непостижимого, как чуда. Неудовлетворительность этого основания состоит в том факте, что и по сей день человеческое дитя становится человеком разумным только в результате его включения в социальные отношения.

Социальная философия как таковая начинается с решения проблемы онтологической укоренённости социального как структурного уровня мира. Общество предстает особенной формой бытия, возникшей в результате развития мира как целого, но существующей благодаря тем своим качествам, которые не свойственны явлениям природы. Применение субстанционального подхода в социально-философском исследовании осуществляется в рамках диалектического понимания мира, что не только не отменяет основного положения Спинозы: субстанция есть причина самой себя, но, на наш взгляд, с необходимостью предполагает его.

«Под причину самого себя (*causa sui*), – подчеркивал он, – я разумею то, существование которого заключает в себе существование, иными словами, то, чья природа может быть пред-

ставляема не иначе, как существующею»¹. Спиноза отождествлял субстанцию с неизменной основой бытия в целом, но данные им характеристики субстанции позволяют объяснить развитие мира и его целостность, не отталкиваясь от сверхъестественного начала природы. Субстанциальность в его понимании выражается во взаимосвязи сущности и явления, многообразного и единого, сущности и существования.

В материалистической диалектике единство мира понимается как субстанциональная организация материи. В то же время Энгельс акцентирует внимание на том, что субстанция выражает взаимодействие: «Спинозовское: субстанция есть *causa sui* – прекрасно выражает взаимодействие <...> взаимодействие является истинной *causa finalis* вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия потому, что позади него нечего больше познавать»². Это позволяет, прежде всего, обратить внимания на такие формы существования материи, как биологическая и социальная, которые отличаются особым типом взаимодействия, обеспечивающим самовоспроизводство. Именно по этому признаку объекты живой природы отличаются от объектов неживой природы.

К. Маркс ставит проблему поиска субстанции общества. Субстанция, по сравнению с ее общефилософским пониманием, трактуется им в ограниченном смысле, как первооснова определенной формы существования материи – социальной. В современной социальной философии применение субстанционального подхода тесно связано с системным. Так, известный отечественный философ К. Х. Момджян вполне убедительно обосновывает мысль, что только субстанциональный подход позволяет «в полной мере отразить качества объектов действительно-

сти, которые можно отнести к особому классу самоорганизующихся систем, способных самостоятельно создавать, поддерживать и модифицировать специфицирующее их качество, присущую им системную целостность»³. Субстанция социального определяется им как «способ существования социальной действительности, который выделяет ее во внешнем мире и служит основанием ее внутренней системной целостности»⁴.

К. Х. Момджян называет следующие свойства субстанциональных систем: 1) «самопорождение» субстанциальных систем как свойство спонтанного, «самопроизвольного» возникновения и обособления в среде существования; 2) самопричинность субстанциальных систем как отсутствие внешней цели, «ради которой» они возникли, как реальная спонтанность такого возникновения; 3) наличие особых механизмов самосохранения и саморазвития системной целостности, при которой все многообразие частей, свойств и состояний системы имеет единый источник, сводится к единому основанию; 4) качественная самодостаточность как особая мера качественной самостоятельности субстанциальных систем, проявляющаяся и в генезисе, и в строении, и в функционировании, и в развитии подобных образований»⁵.

В качестве субстанции общества в отечественной философии называют деятельность как интегрирующее начало, образующее единство всех возможных социальных процессов. Элементарной «клеточкой» социальной субстанции является социальное действие, которое, с точки зрения К. Х. Момджяна, должно быть логическим началом исследования социальной реальности. С нашей точки зрения, более точно было бы определить в качестве субстанции социального не деятельность, а производство. При этом термин 'производство' мы, вслед за К. Марксом, используем как абстракцию, позволяющую отразить то общее, что характеризует не только процесс целенаправленной деятельности, но и процесс её воспроизводства через включение продукта одной деятельности в другую»⁶.

Производство – это живая деятельность, взятая в отношении к своему продукту, который встраивается в новый акт живой деятельности либо в виде субъекта (цели), либо в виде средства, либо в виде предмета. Таким образом, производство всегда складывается

как комплекс деятельностей, взаимосвязанных через продукт, и обеспечивает воспроизводство всех элементов деятельности. Посредством этого механизма обеспечивается такое свойство субстанции, как *самосохранение*.

Механизм *самопорождения и самопричинности* производства как субстанции социального позволяет понять теоретическая реконструкция условий возникновения человека, предпринятая В. И. Плотниковым.

Началом возникновения человека, согласно его исследованиям, стало спонтанное возникновение 2,5 млн лет назад в Олдувайской культуре (Африка) элементарной социальной связи, «которая может быть понята как необычный способ сцепления обычных для биологического мира явлений, в качестве такой жесткой взаимозависимости между индивидами, ведущими орудийную деятельность, которая становится возможной на базе звуков, подкрепляющих систематическую обработку орудий»⁷.

Элементарная социальная связь сложилась из случайного сцепления трех предпосылок: 1) систематическая подработка орудия; 2) звуки, подкрепляющие орудийную деятельность («ага-реакция»); 3) взаимозависимость между гоминидами, складывающаяся вокруг орудийной деятельности. Элементарная социальная связь – это форма отношений с миром, которая каждый раз должна устанавливаться самостоятельно, без опоры на инстинкты. Эта опосредованная форма отношений, т. е. такая, в основе которой лежит использование средств: орудий, языка, норм отношений между гоминидами.

На первых этапах развития гоминидов, а точнее **homo faber (человек умелый, деятельный)**, элементарная социальная связь не играла ведущей роли в их жизни – её основу составляли инстинктивные, т. е. генетически обусловленные формы отношений. Тем не менее, она являлась простейшей формой производства: включала в себя действие по созданию орудия, которое должно было быть использовано в другом действии – добычании пищи. Кроме этого, элементарная социальная связь воспроизводилась (сохранялась) гоминидами в продолжение длительного времени (приблизительно 2 млн 400 тыс. лет) за счет специально направленных на это форм социальных отношений, также генетически не обусловленных. Таким образом, спонтанное

возникновение элементарной социальной связи можно считать *самозарождением* элементарной формы субстанции социального.

Элементарная социальная связь при этом является не только элементарной формой материального производства, но и формой общественного воспроизводства – для которого характерно наличие связей между гоминидами, обеспечивающее воспроизводство субъекта деятельности. Первоначально – это субъект-исполнитель, т. е. тот, который лишь повторял спонтанно возникший, не инстинктивный способ деятельности. Само включение живого существа с достаточно высоким уровнем развития в отношении производства создало предпосылки для качественного изменения функционирования его психики.

Предмет, над которым гоминиды стали работать, являлся биологически нейтральным: сам по себе он не удовлетворял их потребности, но, систематически привлекая их внимание, отрывал их интерес от биологически значимого. Следовательно, в перспективе в сфере внимания становящегося человека могло попасть все, что угодно, в принципе – мир. Вместе с тем, этот предмет систематически, в продолжение долгого времени задерживал энергию жизненных влечений гоминидов, т. е. обладал человечески формирующей значимостью. В сферу внимания тут попадает сам процесс преобразования предмета, который может быть использован в другой деятельности, например, уже как средство. Этот процесс характеризуется наличием комплекса причинно-следственных связей: изготовление орудий предполагало придание гоминидами предмету труда при помощи средства труда таких качеств, которые обеспечили бы их применение в другой деятельности уже как средств труда для воздействия на другой предмет. Самостоятельная организация такого процесса предполагает способность субъекта деятельности воспроизвести в мыслительной форме не только процедуру производства орудия, но и процедуру его применения в другой деятельности. Особенно важным является то, что воспроизводство в мыслительной форме целостности отношения по производству продукта предполагало обнаружение становящимся человеком самого себя в качестве одной из сторон отношения – так возникает самосознание, рефлексия. Самостоятельный подбор или производство орудия как средства труда предполагает

выявление и согласование субъектом качеств этого средства с качествами его самого, качествами объекта деятельности и качествами получаемого продукта (преобразованного предмета деятельности). Средство с такими качествами не может быть компонентом природных отношений, например, в жизнедеятельности животных, – это уже культурное средство.

Культурное средство – это то, что выбирает, создает сам человек для воздействия на объект деятельности. Оно выступает в качестве объединяющего, интегрирующего начала культурно-опосредованного отношения. Прежде всего – это интеграция субъективного и объективного, субъекта деятельности и объектов независимого от него мира. Культурное средство выражает собой согласованность всех элементов отношения, и только при этом условии его применение приведет к получению ожидаемого продукта.

Возможность создания такого средства обеспечивается вновь возникшими функциями психики, отсутствующими у животных. У животных психика обеспечивает целостность существования их как организмов в соответствии с генетически заданной программой. Возникновение человека в философско-антропологических исследованиях (Х. Плеснера, М. Шелера, А. Гелена, В. И. Плотникова и др.) связывают с возникновением духа. Он понимается как деятельная способность связывать все со всем (В. И. Плотников), как рефлектирующий психический центр (Х. Плеснер, П. Тейяр де Шарден⁸), как центр, возвышающийся над противоположностью организма и окружающего мира, управляющий и руководящий влечениями человека (М. Шелер⁹).

В. И. Плотников считает, что перечисленные функции духа могли возникнуть только в результате многократного воспроизводства гоминидами элементарной социальной связи во внешних отношениях. Их возникновение сопровождалось изменением характера психических процессов. Становящийся человек стал способен к предварительному планированию своих действий, а значит, к постоянному изменению способов взаимодействия с окружающей средой – инстинкт потерял власть над ним. Установление отношений с внешним миром стало результатом деятельности сознания. Эта форма внутренней детерминированности поведения закрепилась

генетически. Она проявляется как открытость человека миру, которая как сущностное качество признается такими мыслителями, как А. Гелен¹⁰, А. Портман, Х. Плеснер, Ж.-П. Сартр, М. Шелер, М. Хайдеггер, В. Франкл и др.

Мы пришли к выводу, что «открытость человека миру» заключается в следующем:

а) в генетической незаданности программы жизни, которая проявляется:

- во-первых, в том, что в качестве предмета потребности для человека может выступать любой объект или явление мира;

- во-вторых, в том, что количество вариантов форм (способов установления) отношений человека с миром, обеспечивающих удовлетворение его потребностей, ограничено возможностями всех существующих независимо от него объектов и явлений, т. е. практически не ограничено;

б) в том, что границы бытия человека соотносятся им с границами мира, существующего независимо от него (это происходит в дорефлексивном сознании и проявляется как интуиция целостности, интуиция недостающего (Г. В. Ф. Гегель, С. Франк, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.);

в) в том, что у человека происходит постоянная смена направленности его влечений, т. е. смена его потребностей. Это проявляется как стремление к постоянному преодолению границ своего существования»⁸.

Возникновение способности быть субъектом-творцом в описанном выше понимании является признаком возникновения *homo sapiens* – человека разумного. Основным способом отношений с действительностью у него становится культурно-опосредованная форма отношений. Это не инстинктивное, т. е. не природное, а, значит, искусственное отношение; это развитая форма элементарной социальной связи, а значит, и развитая форма производства как субстанции социального.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что культурно-опосредованное отношение можно считать «клеточкой» субстанции социального: оно отражает все базовые компоненты деятельности человека, производства в целом, сущностные взаимосвязи между их компонентами.

Культурно-опосредованное отношение является специфической формой отношений, посредством которой человек как живое существо обеспечивает воспроизводство своей

жизни через обмен веществом, энергией и информацией с окружающей средой. С этой точки зрения, человека как субъекта культурно-опосредованного отношения можно считать активной стороной отношений, или, как его определяет К. Х. Момджян, «иницирующей стороной» деятельности, носителем «деятельностной способности, с которым связаны ее пусковые и регулятивные механизмы»⁹.

Направленность активности субъекта деятельности задают его потребности, но форма их существования принципиально отличается от формы существования нужд животных. Потребность как таковую можно рассматривать «как свойство всякого живого организма иметь надобность в условиях жизни, без которых невозможно поддержание ее факта и обеспечение качества»¹⁰. Потребности определяют характер взаимодействия живого организма с внешней для него средой. У животных способ такого взаимодействия устанавливается через генетическое закрепление определенных сигналов окружающей среды как коррелятов большинства их нужд, отражающих полноту условий, необходимых для поддержания жизни¹¹. Установление генетически обусловленной формы взаимодействия животных со средой обеспечивает цепной безусловный рефлекс, т. е. инстинкт. Этот процесс предполагает обнаружение во внешней среде генетически обусловленных сигналов как коррелятов потребностей живого организма и актуализацию генетически обусловленного способа их удовлетворения.

Потребности у человека, так же как и у животных, выражают надобность в определенных условиях жизни и определяются всем, что включено в структуру его бытия: неорганическим, органическим (психическим), духовным. Причем именно духовный слой бытия определяет форму существования потребностей человека. Обусловленная духом открытость человека миру предполагает отсутствие жесткой связи между потребностью и внешней средой, т. е. тем, что может выступать предметом удовлетворения потребности. Для человека не инстинкты, а опыт, приобретенный при жизни, играет ведущую роль в определении направленности его активности.

Потребности человека как такового, общие для всех людей, называют базовыми, но предмет потребностей выделяется индивидами из окружающей среды как то, что

переживается ими как значимое само по себе. Наши исследования показали, что направленность активности индивидов определяется личностными ценностями, которые являются социокультурной формой существования базовых потребностей человека. Определение предмета потребностей есть результат актов индивидуального духа, интеллектуальных и эмоциональных психических процессов, в которых задействован весь опыт индивида, полученный им при жизни.

Личностные ценности возникают в результате проживания человеком культурно-опосредованных отношений. Предметные характеристики личностных ценностей отражают только то, значимость чего обнаруживается в этих отношениях. Для человека значимое становится более сильной детерминантой чем то, в чем испытывает потребность он как просто живой организм, – это особенный живой организм, стремящийся осуществить свою открытость миру – самоактуализироваться. Социокультурная форма существования потребностей человека отражает уже не просто потребность живого организма – это потребность культурного живого организма.

Открытость человека миру предполагает культурную опосредованность его отношений с миром и возникновение у него способности к изменению предметной определенности своих потребностей. Это и позволяет определить субъекта деятельности в качестве иницирующего элемента производства. В то же время именно субъектом определяется культурное средство, выступающее в качестве интегрирующего основания отношений. Взаимобусловленность этих двух базовых элементов культурно-опосредованного отношения (субъекта как иницирующего основания и культурного средства как его интегрирующего основания) создает движущую силу производства – его *самопричинность*.

Воспроизводство субъекта деятельности, способного к бесконечному расширению границ своего существования, обеспечивает расширенное воспроизводство и тем самым возникновение разнообразия, являющегося проявлением единого. В этом он опирается на основные группы культурных средств (орудия, нормы, язык), которые с самого начала существуют в комплексе. Исследования В. И. Плотникова и А. Б. Невелева убедительно показывают, что только комплекс на-

званных средств обеспечивает производство и воспроизводство всей человеческой жизни, а изменение способа их взаимодействия обуславливает возникновение качественно новых форм бытия социального¹².

Расширенное воспроизводство – это возобновление производства в каждом следующем цикле в возрастающем масштабе по количеству и качеству изготовленного продукта. При этом может достигаться совершенствование качеств составляющих его компонентов. Производство в тенденции всегда является расширенным воспроизводством, что и создает механизм *саморазвития* – еще одного свойства субстанции.

Описанные выше качества производства позволяют утверждать, что производство как субстанция социального *самодостаточно*, т. е. существует по собственным законам, действие которых ограничено системой отношений, представляющих производство, и не распространяется на внешние для него реалии. Все элементы жизни общества «взвешены в эфире» производства, и оно не может быть не учтенным при рассмотрении любой социальной проблемы.

Выявленные качества производства как культурно-опосредованной формы отношений человека к действительности позволяют в качестве *атрибутов* субстанции социального назвать следующее:

1. *Самовоспроизводство жизни* через обмен веществом, энергией и информацией с окружающей средой (этот атрибут отражает принадлежность социального к миру живого, к миру в целом).

2. *Искусственность* (не естественность, не природность, т. е. культурность) – это отрицание, приостановление естественного, природного существования и развития. Искусственное – это «нет» естественному, природному. При производстве вещей искусственное – это, к примеру, плотина на реке, огонь в очаге. Плотина и очаг – человеческая культурная приостановка естественного развития событий, направление их в русло значимого для жизни человека. В то же время в этом же культурном акте есть внутренняя направленность, это отношение человека к самому себе – сосредоточение внимания, «задержание вожделения» (Г. Гегель). Искусственность как человеческая приостановка естественных процессов характерна для элементов всего массива социального бытия, и

для субъекта, и для способа установления его отношений с природой, и для продукта, и т. д.

3. *Природная «негарантированность» существования человека.* Производство и воспроизводство как социальная субстанция зиждется на систематических усилиях человека. Прекращение усилий означает прекращение производства искусственной среды обитания. Производство как усилие – это самодетерминация человека. Без этих субстанциальных усилий нет человека и общества, поскольку их бытие природно не гарантировано.

Примечания

¹ Спиноза, Б. Избранные произведения. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1. С. 361.

² Энгельс, Ф. Диалектика природы // Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 20. С. 546.

³ Момджян, К. Х. Введение в социальную философию : учеб. пособие. М. : Высш. шк. : Университет, 1997. С. 104.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Там же. С. 104–111.

⁶ Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение // Маркс, К. Сочинения. Т. 46, ч. 1. С. 29.

⁷ Плотников, В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск : Изд-во УГИ, 1975. С. 12–16.

⁸ Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского. М. : Наука, 1987. 240 с.

⁹ Шелер, М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии : пер. с нем. М. : Прогресс, 1988. С. 31–95.

¹⁰ Гелен, А. О систематике антропологии // Там же. С. 152–201.

¹¹ Худякова, Н. Л. Философия и развитие образования : учеб. пособие. Челябинск : Образование, 2009. С. 99.

¹² Момджян, К. Х. Введение в социальную философию... С. 155.

¹³ Момджян, К. Х. Потребность как инициальный фактор социального действия // Философские перекрестки : Моск.-Казан. сб. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 9.

¹⁴ Плеснер, Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. С. 218.

¹⁵ Невелев, А. Б. Бытие человека : диалектика предметности и энергичности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 15 (269). С. 30–34; Плотников, В. И. Дух и его культурно-исторические модификации // Духовность и культура. Духовность мироотношения : материалы все-рос. конф. Екатеринбург, 1994. С. 4–29.

СОБЫТИЕ ИННОВАЦИИ: КЛЮЧЕВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Ключевая значимость инновационного события делает его предельной, универсальной мерой, точкой отсчета по отношению ко всем элементам и подсистемам инновационного процесса.

Ключевые слова: новация, инновация, событие инновации.

Весь инновационный процесс на любом предприятии подчинен одному – внедрению конкретной новации (новшества) в производство и доведению эффективности от инновации (нововведения) до максимально возможных, а затем – оптимальных показателей. В научной литературе, посвященной исследованиям инновационного процесса, проводится существенное различие между понятиями ‘новация (новшество)’ и ‘инновация (нововведение)’.

Понятие ‘новация’ используется для обозначения открытия, изобретения чего-либо нового, ранее не бывшего. Новация (новшество) – уникальное событие, обладающее самой высокой степенью непредсказуемости, спонтанности. В методологическом отношении категория новации (новшества) сопряжена с категорией основы. Основа – начало, отличающееся своей органичной целостностью, новой формы, способной стать основанием обновления какой-либо системы. Инновация, в свою очередь, и выступает основанием воспроизводства основы. Иначе говоря, инновация – это воспроизводство новации (новшества), нововведение, внедрение новации.

Подобно тому, как событие новации (новшества) является ключевым, центральным, исходным в самом возникновении нового, так и *событие инновации* является исходным, центральным в инновационном процессе, в воспроизводстве нововведений. Событие инновации означает, что нововведение состоялось, внедренная в производство новая продукция, технологическое новшество, новая управленческая идея стали работающими в действительном производственном процессе предприятия, в повышении его эффективности.

Если подойти к понятию события инновации строго категориально, то оно в классической категориальной цепочке ‘становление – начало – воспроизводство’ занимает место именно начала. В начале общие предпосылки

переходят в непосредственные предпосылки. Начало, в конечном счете, превращает предпосылки в условия воспроизводства того, что возникло в этом начале, нового качества.

Ключевая значимость инновационного события делает его предельной, универсальной мерой, точкой отсчета по отношению ко всем элементам и подсистемам инновационного процесса. Управление инновационным процессом немислимо без этой нацеленности на событие инновации, и, соответственно, в теории управления инновациями эта категория, на наш взгляд, должна занять достойное место. Это обстоятельство, думается, еще не осознано и не обсуждается специалистами по менеджменту в сфере инновации в должной мере.

Анализ содержания понятий, отражающих инновационный процесс, говорит о том, что все они относятся либо к предпосылкам события инновации, либо к условиям его воспроизводства после его возникновения (начала). Так, к предпосылкам события инновации относятся (без повторения самого слова ‘инновация’): идея, доктрина, инфраструктура, программа, среда, сфера, предложение, потенциал, проект. К условиям его воспроизводства относятся: факторы активности, жизненный цикл, цикл инновационный, инновационная активность, инновационная деятельность.

Ближе всего к понятию ‘событие инновации’ находится сам термин ‘инновация’, который означает нововведение как результат практического (научно-технического) освоения новшества (новации). К инновациям относятся новые продукты, наукоемкие технологические процессы, модификации продуктов, новые услуги. Но столь общее определение фиксирует лишь абстрактные признаки, входящие в содержание понятия инновации как таковой. А понятие ‘событие инновации’ относится к единичному, конкретному факту

действительного осуществления инновации на определенном предприятии, определенным персоналом (даже определенным конкретным человеком) в определенном месте и в определенное время. Думается, что именно ориентация исследователей на абстракцию инновации как таковой без введения в научный оборот понятия 'событие инновации' не позволяет исследовательской мысли в должной мере сосредоточиться на главном – действительном, конкретном единичном начале (событии) инновационного процесса. Это, конечно, не означает, что смысл понятия 'событие инновации' не присутствует в понятийном арсенале исследователей, он есть и в действительности определяет интенции их мышления. Но в таком случае, тем более, нужно категориальное осознание, фиксация этого неявного знания в понятии. Поскольку событие инновации является ключевым в инновационном процессе, постольку весь инновационный процесс в целом и совокупность его составляющих как частных можно четко разграничить на предпосылки, находящиеся «на входе» в событие инновации, и условия, обеспечивающие воспроизводство того, что возникло в результате события инновации «на выходе».

Предметом нашего исследования является инновационный потенциал менеджеров предприятия. Как и прочие составляющие инновационного процесса, инновационный потенциал менеджера, в конечном счете, подчинен главному – событию инновации. Без этой субординации инновационный потенциал утрачивает смысл. Он даже не может без этого конституироваться как инновационный потенциал, т. е. **обрести свое качество**. Номинально этот потенциал, конечно, может существовать, предполагаться как возможность инновации, но только тогда, когда инновация действительно случилась, стала событием, инновационный потенциал реально становится таковым, оправдывает свое название.

Отсюда следует определение сущности управления инновационным потенциалом менеджеров предприятия. Управление инновационным потенциалом – это создание необходимых и достаточных условий для такой производственной деятельности менеджеров, которая имеет в качестве конечного результата событие инновации и его воспроизводство. Это – создание предпосылок полной готовности менеджеров к событию инновации и

к воспроизводству возникшей новой формы производственного процесса. Структура события инновации – матрица управленческих решений и действий в инновационной сфере бытия предприятия. Она организует мышление менеджера инновационной сферы. Ее узловые элементы и существенные связи отмечают управленческую деятельность, определяют инновационный управленческий проект. Структура события инновации – это то ключевое звено, потянув за которое, субъект управления может вытянуть всю цепь инновационного процесса на предприятии. Само событие (момент) инновации – спонтанный, объективный, не контролируемый со стороны управления процесс. Оно – непосредственное сцепление обеспеченных управлением предпосылок, которые переходят в начало действительной инновации. Субъект управления в момент события инновации становится объектом собственных предшествующих управленческих решений и действий. Действительный производственный процесс во всем многообразии сознательно организованных и случайных факторов в это время отвечает менеджеру успехом или неудачей события инновации, которое пытается преодолеть технологический разрыв. Поэтому матрицей управленческого инновационного проектирования и дальнейших решений и действий становится успешное (удавшееся) событие инновации. Например, удавшийся запуск ракеты, успешное испытание самолета, корабля, автомобиля, станка, новой технологии, выигранный матч и т. д. как события инновации подтверждают правильность предшествующих ему управленческих решений и действий. Базисом методологического анализа структуры успешного инновационного события как опредмеченного результата инновационной деятельности является сама структура деятельности как таковой. Успешное событие инновации как результат предшествующих целенаправленных усилий содержит в себе два компонента: продукт деятельности и не поддающаяся учету объективная составляющая результата. Продукт – это то в структуре результата, что сознательно планировалось и получило в нем свою овеществленную форму. Объективная составляющая результата – это то в структуре результата, что оказалось стихийным, непредвиденным, что не входило в сознательно поставленную цель субъекта инновации. Если

от этой структуры результата «открыть назад», то инновационный *продукт* предстает как овеществление *трех* составляющих: 1) целенаправленной деятельности субъекта инновации; 2) предмета инновации; 3) средства инновационной деятельности. Инновационный результат предполагает добавление к инновационному продукту не учтенной в целях субъекта инновации объективной стихийной компоненты, того, что детерминировано объектом инновационной деятельности.

В событие инновации, соответственно, входят: деятельность *субъекта* инновации (персонала предприятия), *объект* инновации (он и поставляет не поддающуюся учету объективную компоненту результата), *предмет* инновации (та часть объекта, которая подвергается инновационной обработке с помощью средств), *средства* инновации (то, что субъект помещает между собой и объектом как проводник инновационного воздействия на объект и обратно). Поскольку успешность события инновации делает его *эталонным*, таковыми же выступают и перечисленные конкретные компоненты инновационной деятельности, приведшие к этой успешности.

Управляющий инновационным потенциалом менеджеров предприятия проектирует свою деятельность с опорой на объективно сложившееся понимание эталонного субъекта инновационной деятельности, эталонного предмета инновационной деятельности, эталонного средства инновационной деятельности, эталонного объекта инновационной деятельности. Категория события инновации позволяет менеджеру инновационной сферы рассматривать в качестве «эталонных» не столько те требования, которыми сопровождают нововведение авторы новации (новшества), сколько условия реального, конкретного осуществления инновации (нововведения) на предприятии. Соответственно, и подготовка персонала ориентируется управляющим на эти реальные условия нововведения на конкретном предприятии.

Примечание

¹ Фостер, Р. Обновление производства : атакующие выигрывают. М. : Прогресс, 1987. 197 с.

Ф. В. Ахмадиев

СВОБОДА СЛОВА И ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ

Рассматривается ситуация, в которой провозглашение свободы слова в условиях либерализации и демократизации общественной жизни явилось серьезным испытанием для российской журналистики. В итоге свобода публицистического творчества в постперестроечный период все чаще стала оборачиваться журналистским произволом.

Ключевые слова: свобода слова, социальная деятельность, общество, личность, информация, безопасность.

Проблема свободы слова и информационной безопасности общества существовала всегда, во все времена и у всех народов. Она связана с борьбой за власть, поэтому правящие классы стремились обезопасить себя от всякого рода негативной информации и возможных последствий. Так возникли культура табу, запретных слов и тем, а затем и такие системы фильтрации информации, как инквизиция и цензура.

Исследователи по-разному определяют безопасность. Некоторые считают, что «информационная безопасность – способность государства, общества, социальной группы, личности обеспечить с определенной вероятностью достаточные и защищенные информационные ресурсы и информационные потоки для поддержания жизнедеятельности, устойчивого функционирования и развития, противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное и общественное сознание и психику людей, а также на компьютерные сети и другие технические источники информации, вырабатывать личностные и групповые навыки и умения безопасного поведения, поддерживать постоянную готовность к адекватным мерам в информационном противоборстве, кем бы оно ни было навязано»¹.

В Российской Федерации функционирует Совет безопасности, возглавляемый Президентом РФ. При данном Совете в 1993 году была создана Межведомственная комиссия по информационной безопасности, которая занималась анализом и прогнозированием, подготовкой различных программ и предложений. Важную общественную роль должен играть и Союз журналистов России. Исследователи предлагают создать по примеру ряда

стран коалиционный механизм по выработке и проведению национальной политики в области СМИ типа Национального совета по СМИ.

В Российской Федерации в 2000 году принята «Доктрина информационной безопасности», где сказано, что «под информационной безопасностью РФ понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства».

И. М. Дзялошинский полагает, что «в последнее время стало очевидным, что общество может считать себя относительно защищенным с информационной точки зрения тогда, когда социальные субъекты (государственные органы, политические и экономические, культурные и другие организации, социальные группы, отдельные граждане) надежно обеспечены полной, достоверной, оперативно поступающей информацией, дающей каждому из субъектов возможность предельно всесторонне и объективно, в соответствии со своими интересами и потребностями, положением в обществе и т. д. ориентироваться в действительности и принимать решения, адекватные ситуации в конкретной сфере (мире, стране, регионе, городе и т. д. вплоть до межличностных отношений)»³.

На наш взгляд, проблема информационной безопасности общества и личности тесно связана с проблемой свободы слова и профессиональной морали журналиста.

Социально-экономические преобразования в России конца XX века привели к радикальной перемене условий функционирования журналистики – социального института, непосредственно включенного как в процессы саморегулирования общества, так и управ-

ления им. Как подчеркивает В. И. Грачев, «информация сегодня становится одновременно и предметом, и средством, и орудием, и результатом труда»⁴. Переход отечественной журналистики на рыночную основу, который начался в начале 90-х годов прошлого века, обернулся небывалым обострением противоречий между должным и сущим, что привело к особой актуализации вопросов свободы слова, информационной безопасности и профессиональной журналистской морали. Как отмечают многие исследователи, никогда еще разница между зафиксированными профессиональной этикой традиционными представлениями о роли журналиста, о нравственных нормах его творчества, его профессиональном долге, ответственности и тем, что происходит в журналистской практике на самом деле, не была столь разительна.

Особенно остро встает сегодня проблема нравственной ответственности журналиста. Под ответственностью мы понимаем особое социальное и духовное отношение индивида к обществу, к другим и к самому себе, которое отражает меру способности и возможности человека выступать в качестве субъекта своих действий, сознательно, намеренно и добровольно выполнять определенные требования и нормы, осуществлять стоящие перед ним задачи, совершать правильный выбор и нести ответ за свои поступки и деяния.

Нравственная ответственность – это характеристика личности с точки зрения выполнения ею нравственных требований, предъявляемых обществом, выражающая степень участия личности как в ее собственном нравственном совершенствовании, так и в совершенствовании общественных отношений. Если долг человека состоит в том, чтобы осознать, применить к конкретному положению, в котором он находится, и практически осуществить нравственные требования, то вопрос о том, в какой мере эта задача выполняется или в какой мере человек повинен в невыполнении, – это вопрос о личной ответственности. Нравственная ответственность – это соответствие нравственной деятельности личностному долгу, рассматриваемое с точки зрения возможностей личности. В связи с этим проблема ответственности охватывает следующие вопросы: в состоянии ли журналист вообще выполнять предписываемые ему требования; в какой мере правильно он их понял и истолковал; как далеко простира-

ются границы его деятельных способностей; должен ли он отвечать за достижение требуемого результата и за те последствия своих действий, на которые оказывают влияние внешние обстоятельства, может ли он предвидеть эти последствия?⁵

В переходной фазе развития общества происходят изменения в организационно-политической, материально-технической, социально-психологической и творческой сфере журналистской деятельности. Увеличивается возможность для усиления идеологической самостоятельности периодических изданий и телерадиокомпаний, реализации ими функций социального контроля за происходящими реформами, конструктивного оппонирования журналистами властным структурам всех уровней на стороне интересов большинства населения, превращение журналистики в политическую силу, претендующую на свою долю власти в управлении обществом и государством. Появилась возможность организации собственного информационного рынка, работающего по экономическим законам, когда продукция СМИ превращается в товарную единицу, обладающую потребительной стоимостью, когда издания распоряжаются своей прибылью, создают свои службы рекламы, подписки и распространения; коренным образом идет техническое перевооружение труда журналистов. У журналистов появилась широкая возможность для эффективной работы со своей читательской и зрительской аудиторией, возможность создавать разнопрофильные медиа-холдинги, реализовывать информационно-публицистические проекты в печатном и электронном вариантах. Журналисты получили большую свободу для творческого самовыражения, для реализации своего таланта, повышения квалификации.

Таким образом, происходит сложный процесс перехода российской прессы от прежнего состояния «информационного режима» к «информационному рынку». Этот процесс обретения журналистами свободы слова как одной из самых важных общечеловеческих ценностей требует большого внимания со стороны общества. По утверждению Д. Мэррилла, «слово “свобода” не означает, что человек свободен от всего. Быть свободным от всего – от других людей, от законов, от морали, от мыслей и эмоций – в реальности невозможно, и здравомыслящий человек не может желать такой свободы... Таким образом, если

мы будем следовать этой этике, то мы должны разрешать свободу только ради добра, но не ради зла»⁶.

Однако в переходном российском обществе с обострившимися социальными и духовно-нравственными проблемами на пути прогресса и обретения свободы больших размеров может достигать побочный эффект, приводящий к отрицательным результатам. Как заметил еще в XIX веке французский мыслитель Л. Сэй, «свобода печати существует вполне для пользы читающих: дело, однако, в том, чему она служит, – обманывает ли их или выводит из заблуждения»⁷.

Провозглашение свободы слова в условиях либерализации и демократизации общественной жизни явилось серьезным испытанием для российской журналистики. Казалось, свобода журналистского творчества гарантировала возможность значительного расширения идейно-тематического, фактурно-логического, лексико-семантического и композиционно-стилистического диапазонов публицистического творчества. Некоторые представители журналистского корпуса стали понимать свободу слова как вседозволенность и разрешение выходить за границы «этического коридора». В итоге свобода публицистического творчества в постперестроечный период все чаще стала оборачиваться журналистским произволом. Это наблюдалось и при выборе темы, сборе и обработке материала. Исследователи говорят о серьезных отклонениях в работе журналистов от этико-нормативных оснований. В частности, в ряде телепрограмм мы наблюдаем эпатирующие публику ведущих, деятельность которых нельзя называть журналистикой. Их передачи – это низкопробные шоу, выходящие за рамки этических критериев.

Большинство отечественных исследователей журналистики отмечают неопределенность этической ориентации большинства российских СМИ. Особенно сильно изменило ситуацию быстрое проникновение олигархического капитала в информационное пространство, которое привело к зависимости от «денежного мешка», потере самостоятельности многих изданий. Гипертрофия товарных отношений в журналистике, «пожелтение» периодических изданий и телерадиограмм, погоня за «жареными» фактами, скандалами привели к падению содержательного, этического и эстетического уровня многих

СМИ. Качественный уровень журналистских материалов, публицистических произведений снизился как по форме, так и по содержанию. Это выражается, в первую очередь, в том, что в большинстве средств массовой информации происходит поворот от преимущественного отображения позитивных жизнеутверждающих начал к преимущественному отображению негативных жизнеотрицающих начал. Иные издания просто не гнушаются ролью рассадника аморализма, вываливая на оглушенного читателя волны насилия и бездуховности. Досадно, что «пожелтели» многие ведущие российские газеты, прежде придерживавшиеся высоких моральных принципов. Особенно много нарушений этических принципов в газетах и телепередачах на криминальные темы, где порой смакуются подробности зверских преступлений с подробным описанием и иллюстрацией жертв. Безнравственными являются и регулярные публикации на тему секс-скандалов звезд шоу-бизнеса и т. п. Вторая проблема в том, что качество изложения материалов деградирует, в большинстве СМИ происходит поворот от элитарно-культурной к массово-культурной ориентации на используемую лексику, семантику, композицию и стилистику в публикациях.

Вторжение в информационное пространство товарно-денежных отношений привело к появлению в среде руководителей СМИ прослойки идеологов «новой» морали, которые делают заявления, что информация – это товар, а значит писать и вещать сегодня нужно только за деньги. Нет сомнения в том, что такая коммерциализация журналистики вредна для общества. К большому сожалению, в России тираж некачественной прессы имеет значительный перевес над качественными изданиями, где публикуется достоверная информация. Это весьма негативно сказывается на молодых поколениях россиян, которые еще не имеют жизненного опыта, морально и духовно неустойчивы. Особо сильный негативный удар со страниц СМИ получил институт российской семьи. Выводы исследователей неутешительны, падает рождаемость детей, повышается смертность, половина супружеских пар разводится, многие молодые пары сожительствоуют без регистрации брака, растет количество неполноценных семей.

Либерально-демократические преобразования в нашей стране в конце XX – начале

XXI века оказали влияние на все сферы общественно-политической жизни. В том числе исследователи отмечают низкий уровень по сравнению с дореформенным периодом духовной культуры и нравственного состояния общества, девальвацию морали, таких ценностных понятий, как добро, милосердие, ответственность, совесть, долг. Как подчеркивает В. Дегоев, на передний план выходит особый социальный тип законченного индивидуалиста, отношение которого к внешнему миру, к другим членам общества носит сугубо потребительский характер⁸. Современные исследователи отмечают становление нового облика морали – морали собственника, для которого чужды национальные и государственные проблемы, а его частный интерес имеет абсолютный приоритет перед всеми другими интересами⁹. Современное российское общество переживает серьезный общественно-политический и духовно-нравственный кризис, снижение авторитета властных структур, искажение культурных, социальных и моральных норм, обострение семейных проблем, рост негативных факторов, особенно среди молодого поколения, которое теряет в такой ситуации традиционные ценностные морально-духовные, культурно-эстетические установки. Идет стремительный рост количества молодых людей, ориентирующихся на космополитизм, не на «быть», а «иметь», чьи действия все больше отходят «от истинно человеческих целей, которые заключаются в том, чтобы чувствовать и мыслить по-человечески, быть благоразумным, любить ближнего и развивать в себе эти качества, заложенные в каждом человеке»¹⁰. Это связано с разрушением прежней системы воспитания граждан, на замену которой обществу не было предложено другой. Семья и школа оказались бессильны перед организованным натиском многоканальной телевизионной индустрии, насаждающей низкопробную продукцию, в основе которой криминальные истории, насилие, скандалы, реклама потребительства и культ наживы.

Радикальное реформирование российского общества во многом имеет неудачные результаты вследствие игнорирования авторами реформ менталитета своего народа; ими не учитывался своеобразный «духовный код» российского социума, в ходе реформ возникли негативные явления, в корне противоречащие духу россиян, всегда стремившихся к

общественным идеалам и социальной справедливости, – коррупция, преступность, бедность большинства на фоне баснословного богатства меньшинства, бездуховность, равнодушие к ближнему и др.¹¹

Менталитет любого общества как «духовность в ее предметной форме, представшая как некий идеальный (трансцендентальный) тип чувствования и мышления, поведения и действия, общий для множества индивидов, принадлежащих определенной культуре и определенному времени»¹², обуславливается как влиянием официально признанной идеологии, так и традиционно устоявшейся обыденной психологией, формировавшейся столетиями. Психологический компонент общественного сознания обеспечивает межпоколенную трансляцию обыденных образов, норм и механизмов повседневной деятельности человека, непосредственно связан с традиционностью и не может быть радикально изменён в короткие сроки. Поэтому любые реформы, которые противоречат традиционному мировоззрению народа и его духу, не могут быть успешными и влекут за собой мировоззренческие и идентификационные кризисы. Оптимальные пути выхода из кризисной ситуации, детерминированной всем ходом культурно-исторического развития России последних десятилетий, необходимо искать не только и не столько в технической модернизации общества, основывающейся на вульгаризированных вариантах экономического детерминизма, сколько в выработке органичной национально-государственной идеологии модернизации, на основе которой можно сплотить социум и раскрыть его духовно-нравственный потенциал.

Заинтересованные в получении достоверной информации о состоянии всех сфер жизни страны, россияне обычно выписывают или покупают не одну, а две-три, а то и больше газет. Делается это для того, чтобы попытаться самостоятельно проанализировать политические, социально-экономические тенденции и духовные процессы, происходящие в современном российском обществе. Собирать информацию из разных и довольно противоречивых источников, уметь «читать между строк» – это российская специфика выживания в мире информации. Отличить пропаганду от действительности гражданам в принципе просто. Из-за последствий неудачных социально-экономических реформ

и снижения уровня жизни многие россияне с недоверием относятся не только к административным органам, но и к газетам, освещающим происходящие события.

Журналистика, по мнению исследователей, непосредственным образом включается в систему воспроизводства общественной, групповой и индивидуальной морали, выполняя при этом роль важнейшего элемента соответствующей инфраструктуры социального производства. Журналистика, кроме того, играет важную роль в системе общественного воспитания, выполняя наряду с семьей, школой, вузом, коллективом роль публично действующего адсорбента, способного эффективно отделять в жизненном материале нравственное от безнравственного, высокое от низкого, хорошее от плохого, благородное от бесчестного, прекрасное от безобразного. Информационно-вещательная деятельность прессы в этическом плане нацелена на воспроизводство высоконравственных индивидов, составляющих «моральное общество» как основы гражданского общества. «Моральный гражданин» должен соблюдать как права человека, так и общественную мораль. Это подразумевает и наличие высокого уровня духовно-информационной культуры.

Информационная культура человека – это его умение оценивать, потреблять, усваивать и передавать воспринимаемую по межличностному, групповому и массовому коммуникативным каналам социально значимую информацию. При переходе индустриального и постиндустриального общества в информационное это имеет важнейшее значение. Именно количество и качество производимой и используемой информации становится критерием цивилизованности общества. Без социально значимой информации обществу нельзя достичь стабильности в духовной, политической и экономической сфере. Общество постоянно нуждается в защите своих стратегических интересов на получение качественной информации. Если в массово-коммуникативном поле не наличествует в достатке соответствующей информации по важнейшим вопросам человеческого бытия, то ни граждане, ни общество в целом, ни государство не способны предварительно просчитать позитивных или негативных последствий своих действий. Развитие общества также требует наличия информации, которая способствует участию гражданина

в государственной и общественной жизни. К сожалению, во многих СМИ мы наблюдаем наличие бесполезной информации, ведущей к деградации общества. Вред такой информации очевиден, она, как и дезинформация, в значительной степени уменьшает возможность самосохранения человека и общества, замедляет их развитие.

Существует много причин того, как работает сегодня российская пресса, с какими проблемами она столкнулась, почему российские читатели не читают сегодня газет так, как они делали это раньше. Безусловно, есть объективные факторы социально-экономического характера, многие говорят о том, что у людей не хватает денег на то, чтобы выписывать газеты, но есть и субъективные факторы, связанные с поведением и работой журналистов, которые объясняют, почему люди не доверяют российской прессе и почему газеты, вместо того, чтобы привлекать, отталкивают современных читателей.

В частности, И. Кумылганова подчеркивает: «Свобода слова, декларируемая как одно из главных достижений демократических преобразований, на практике оборачивается самовольным освобождением журналиста от обязательств перед аудиторией»¹³.

Сегодня российская пресса продолжает выступать в роли рупора государственных органов и людей, обладающих финансовой властью. Вместе с тем среди негативных проявлений в прессе можно отметить и использование только лишь официальной информации, которую часто публикуют без проверки фактов, не удостоверившись в том, что она соответствует действительности. Это связано с зависимостью прессы от местных структур власти из-за финансирования. Также остро стоит вопрос о ссылках на источники информации. Часто на страницах газет не дается указание на то, что есть факт, а что есть мнение журналиста. Практика частого использования псевдонимов журналистами также сигнализирует об отсутствии открытости прессы.

Примечания

¹ Шершнева, Л. И. Информационная безопасность России // Безопасность : информ. сб. 1993. № 11–12. С. 49–50.

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Рос. газ. 2000. 28 сент.

- ³ Петренко, А. Безопасность в коммуникации делового человека. М., 1994. С. 3.
- ⁴ Грачев, В. И. Ценностный характер социокультурных коммуникаций в информационном пространстве современной гуманитарной культуры // Культура и глобальные вызовы мирового развития : V Междунар. Лихачев. науч. чтения. СПб., 2005. С. 229.
- ⁵ См. об этом подробнее: Головкин, Н. А. Свобода и моральная ответственность. М., 1973.
- ⁶ Денис, Э. Беседы о масс-медиа / Э. Денис, Д. Мэррил. М., 1997. С. 38–39.
- ⁷ Энциклопедия Ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков / сост. Н. П. Макаров. М., 1998. С. 315.
- ⁸ См.: Полит. журн. М., 2006. № 45/46.
- ⁹ См.: Дубко, Е. Л. Мораль как предрассудок // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2001. № 1.
- ¹⁰ Фромм, Э. Душа человека. М., 1992. С. 196.
- ¹¹ См. об этом подробнее: Рахматуллина, З. Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). Уфа, 2000.
- ¹² Скоробогачкий, В. В. Россия на рубеже времен : новые пути и старые вехи. Екатеринбург, 1997. С. 168.
- ¹³ Журналистика на перепутье : опыт России и США / под ред. Е. Л. Варгановой. М., 2006. С. 113.

Н. Н. Киреева

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 13-13-02016 «Динамика порогового значения технологий массовой манипуляции в конструировании протестного потенциала молодежи Республики Башкортостан».

Рассматривается информационная культура как элемент политической социализации молодежи в современном информационном обществе. Проанализированы различные аспекты влияния СМИ на политическую социализацию молодежи, такие как технологии манипуляции.

Ключевые слова: информационная культура, информационное общество, политическая социализация, средства массовой информации.

Сегодня российское общество находится на пороге вхождения в информационное общество. При переходе к такому типу социальной информации культура становится важнейшим условием качества осуществления социальных и профессиональных функций социального субъекта. Знания и умения в области информации становятся ключевыми составляющими функциональной компетентности. Исходя из этого, предъявляются новые требования к институтам, участвующим в политической социализации личности.

Информационная культура личности является одним из важных элементов общей культуры человека, совокупностью системы знаний, умений и информационного мировоззрения, которая обеспечивает осознанную деятельность, удовлетворяющую индивидуальные информационные потребности с применением новых и традиционных информационных технологий. Для определения степени сформированности информационной культуры можно использовать такие показатели, как действенно-практический (умения и навыки работы с компьютером; информационно-коммуникативные умения); мотивационно-ценностный (информационная мотивация; уровень осознания информационных потребностей); когнитивный (миропонимание и информационные знания); интеллектуально-творческий (рефлексия личностного роста; умения анализировать и самостоятельно принимать интеллектуально-творческие решения в различных ситуациях)¹.

Всестороннему исследованию информационной культуры мешает отсутствие единой

эффективной методики определения ее уровня. Подходы к ее оценке узкоспециализированы, что не позволяет использовать их для сравнения уровня информационной культуры различных социальных групп. В связи с этим можно предложить использование метода абсолютной оценки, при котором сравнивается сложность информационной среды индивида с действенностью мер, которые он принимает для ориентации в данной информационной среде². Недостаточно высокий уровень информационной культуры часто приводит к тому, что информационная избыточность нередко оборачивается дефицитом нужной информации.

Особенности информационной культуры молодежи как специфической социально-демографической группы формируют специфические модели политической социализации. В нашем понимании политическая социализация молодежи представляет собой усвоение новых норм, ценностей, этосов политического поведения и паттернов политической культуры, необходимых для адаптации и трансформации устоявшихся и складывающихся политических конфигураций через участие в разных видах политической и общественной деятельности.

Основные препятствия политической социализации молодежи вызваны такими факторами, как экономическая и социальная зависимость от родителей, их политических ориентаций и позиций, неумение самостоятельно принимать жизненно важные решения; противоречия в политических взглядах и ориентациях молодежи; отсутствие поли-

тического опыта; низкий уровень информационной культуры молодежи; несовершенство институтов политической социализации, отсутствие эффективной государственной молодежной политики; разнородность агентов социализации (сверстники, члены семьи и др.).

Исходя из этого, в феврале – марте 2013 года было проведено социологическое исследование, анкетный опрос молодежи пяти ведущих вузов Республики Башкортостан, на предмет эмпирических замеров ключевых индикаторов политической социализации. Выборка составила 425 молодых людей в возрасте 17–25 лет.

Среди опрошенных представителей молодежи Башкортостана число постоянно занимающихся политикой невелико – 0,9 %. Однако в разной степени за политическими событиями в стране следят 89,3 %, что не позволяет согласиться с мнением об аполитичности современной молодежи. Лишь 0,5 % респондентов ответили, что регулярно пишут комментарии на политические статьи в Интернете, однако участвовал или хотел бы поучаствовать в этом действии довольно существенный процент респондентов (41,7 %). В то же время 58,3 % не планируют заниматься такого рода деятельностью. Таким образом, довольно значительный сегмент молодежи Башкортостана ставит в качестве одной из задач своего развития политическую социализацию посредством активной позиции в медиасреде.

Представляется, что привлекательность высказывания своей позиции в Интернете у молодежи Республики Башкортостан в значительной степени связана с их восприятием этого медиума как пространства свободы. Первоначально киберпространство представлялось как альтернатива социального мира³, однако со временем виртуальные действия оказались возможным трактовать как социальные по своим последствиям: интернет-магазины, интернет-биржи, интернет-деньги, интернет-преступность в сети могут привести к серьезным социальным, экономическим и политическим последствиям⁴.

Важной особенностью политической социализации молодежи Республики Башкортостан является фактор семьи и друзей (62,7 % респондентов), что может являться одним из вышеперечисленных факторов политических рисков молодежи (зависимость от политической ориентации родителей). Исходя из этого, можно сделать вывод, что в процессе политической социализации важным являет-

ся не только влияние СМИ на молодежь, но и влияние ценностных установок старшего поколения, специфика восприятия которых обуславливает невысокий уровень информационной культуры молодежи.

На этом фоне влияние общественных объединений и партий на молодежь, согласно их собственным оценкам, крайне невелико (7,5 %). Влияние на собственные политические взгляды средств массовой информации отметили 21,2 % респондентов.

Однозначно положительно ответить на вопрос о существовании партий, общественных объединений или сил, адекватно выражающих социально-политические интересы молодежи, смогли лишь 10 % респондентов. Примерно столько же (8,2 %) ответили диаметрально противоположным образом. В отношении появления в ближайшем будущем таких политических сил 12 % респондентов считают, что это невозможно, тогда как 14,4 % полагают, что такие партии и общественные объединения обязательно появятся в ближайшем будущем. Таким образом, можно констатировать, что большинство молодежи в сложившейся политической конфигурации не видит силы, адекватно выражающей их политические предпочтения. Политическая социализация молодежи осуществляется через различные медиумы, важнейший среди которых – СМИ.

Ответы респондентов на вопрос «каким каналам информации Вы доверяете» распределились следующим образом: телевизионная информация вызывает наибольшее доверие у 40,4 % молодых людей, на втором месте радио – 31 %, на третьем месте Интернет – 17,9 %, публикациям в газетах и журналах доверяют 15,6 % респондентов, информации на листовках и в объявлениях доверяют 1,1 %, слухам и «сарафанному радио» доверяют 1,1 % опрошенных.

Данные ВЦИОМ свидетельствуют о том, что в настоящее время телевидение является одним из главных источников информации (60 % опрошенных) россиян, тогда как, например, сегмент Интернета является приоритетным для 23 % респондентов. Остальные каналы источников информации менее востребованы. Так, например, из газет новости узнают 7 % респондентов, из радиопередач всего 5 %. Телевизионным новостям отдают предпочтение респонденты в возрасте 45 лет и старше – 72–76 %. 18–24-летние респонденты (50 %) и респонденты с высшим образованием

предпочитают Интернет – 32 %. Информации из Интернета доверяют 22 % респондентов, телевизионной же информации – 60 %⁵.

Как показывает Д. Г. Михайличенко, средства массовой информации в силу своей включенности в систему властных отношений нередко осуществляют массовое манипулирование в интересах тех или иных сил. В современном социуме информационные потоки активно участвуют в генерации власти и материальных ценностей. В этой связи радио, Интернет, телевидение, библиотеки, печать, музеи не могут отказаться от властной составляющей, быть вне сферы воздействия технологий массовой манипуляции. В настоящее время субъекты властных отношений финансируют эти институты из соображения их полезности, т. к. данные институты отвечают их специфическим интересам. В результате технологии массовой манипуляции являются неотъемлемой частью сегодняшнего информационного пространства и оказывают существенное влияние на политическую социализацию молодежи⁶.

Значительному манипулятивному влиянию подвержена молодежь, прежде всего в силу невысокого уровня ее информационной культуры, лабильности сознания, отсутствия жизненного опыта и т. д.

Современные технологии политического манипулирования можно охарактеризовать как многофункциональные, обладающие высокой проникающей способностью и степенью влияния на индивидуальное и массовое сознание молодежи, ценности и политическое мировоззрение. От того, насколько молодежь способна расшифровывать эти технологии, зависит характер и успех ее политической социализации.

Частое использование политического манипулирования влечет за собой негативные последствия: социальная дестабилизация, возрастание протестной активности, падение доверия к власти. Политическое манипулирование в СМИ реализуется через ряд основных форм влияния, таких как реклама, пропаганда, массовая культура, связи с общественностью, агитация и т. д., касающихся практически всех сфер жизни человека, которые транслируются через СМИ.

Интернет, телевидение, радио и печать как виды СМИ имеют различную степень манипулятивных возможностей. Например, радио отличается широким спектром рас-

пространения, доступностью и непрерывностью передачи информации. Печатные СМИ имеют ограничения манипулятивных возможностей, по причине отсутствия аудиовизуального ряда, но имеют ряд преимуществ, а именно – возможность фиксации, анализа и сохранения информации. Интернет в этом ряду является наиболее прогрессивным инструментом манипулирования, где основным сегментом потребителей является молодежь. Он обладает особыми технологическими характеристиками, такими как оперативность, мультимедийность, интерактивность и т. д.

Телевидение является мощным средством как позитивного, так и негативного воздействия на восприятие молодежной аудитории. Опасность негативного воздействия на телевизионную аудиторию может возникнуть даже в случае, когда авторы или ведущие телепередачи не задаются такой целью. Часто это происходит в результате некорректного использования различных форм подачи телевизионной информации. Следует отметить, что манипулирование сознанием телевизионной аудитории заложено в любой телевизионной трансляции.

Необходимо также учитывать некоторую зависимость вещательной политики телеканала от личностных установок, жизненных стереотипов руководителей телекомпаний. Личностная установка телевизионного руководителя может переноситься и на материалы, транслируемые в телеэфире.

Таким образом, молодежь подвергается риску стать объектом манипуляций со стороны определенных политических сил прежде всего в том случае, если она отстраняется от политики и у нее недостаточно знаний в этой области. Молодежь, более остро воспринимающая окружающую обстановку, представляет собой часть общества, накапливающая и реализующая протестный потенциал.

Под воздействием политических, экономических, социальных и других факторов в среде молодежи могут вырабатываться крайние убеждения и взгляды. Как следствие, например, террористические и экстремистские организации оказываются способными вовлекать молодежь в свои ряды.

Примечания

¹ Романцова, М. Г. Компетентностный подход в образовании [Электронный ре-

- курс] / М. Г. Романцова, М. Ю. Ледванова, Т. В. Сологуб. URL : <http://www.rae.ru/monographs/73-2716> (дата обращения: 20.08.2013).
- ² Сорокин, Г. Г. Информационная культура студентов вузов // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2006. № 1. С. 77–79.
- ³ Барлоу, Д. П. Декларация независимости киберпространства // Информационное общество. М. : АСТ, 2004. С. 349–355.
- ⁴ Бушуев, Д. В. Специфика протестной активности российской молодежи в современном трансформирующемся обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2012. С. 30.
- ⁵ ВЦИОМ : Онлайн и офлайн : откуда получают информацию россияне [Электронный ресурс]. URL : <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114345> (дата обращения: 13.08.2013).
- ⁶ Михайличенко, Д. Г. Субъективация современного человека в условиях репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции психикой // Вестник ВЭГУ. 2011. № 6 (56). С. 102.

Д. Г. Михайличенко

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ МАССОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СУБЪЕКТИВАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 13-13-02016 «Динамика порогового значения технологий массовой манипуляции в конструировании протестного потенциала молодежи Республики Башкортостан».

Технологии массовой манипуляции политическими силами рассматриваются как важный элемент борьбы. Воздействие этих технологий на молодежь трансформирует их представление о реальности и ведет к формированию протестной политической культуры.

Ключевые слова: молодежь, технологии массовой манипуляции, протест, сопротивление, политика.

Любой представитель органической жизни, в том числе и человек, в ходе своей жизни вынужден сопротивляться, однако степень выражения этого явления определяется рядом индивидуальных особенностей, социальной ситуацией в целом, а также принадлежностью к той или иной группе. Сопротивление, протест как формы социального бытия являются структурообразующим элементом социальности. Общество создано, а не дано: структуры общества – это своеобразная «замороженная» борьба. Сами структуры возникают вследствие ограничения или прерывания различных форм противостояния. Основными элементами протеста выступают коммуникация двух и более субъектов, конфликтность взаимодействия, возможность оценки самой социальной коммуникации сторонними наблюдателями. Протест всегда предполагает некую реакцию, ответ. Иными словами, протест – это действия, процессы, явления, направленные на защиту, нейтрализацию, сопротивление, противодействие тем или иным процессам, практикам, технологиям или явлениям.

Сфера политического как специфическая социальная конфигурация, регулирующая властные отношения, неизменно предполагает коммуникацию различных сил, в том числе и посредством протеста. В пространстве политического протест выступает как специфический инструмент структурирования и реструктурирования властных конфигураций.

Протестные отношения и соответствующая политическая культура в современной России концентрируются, прежде всего, во-

круг негативного восприятия курса развития государства населением (неудовлетворенность политической системой, репрессивный порядок регулирования, отчужденность власти от общества, коррупция и др.). По данным ВЦИОМ, протестное движение все отчетливее становится движением трех социально-профессиональных групп: «креативного класса», офисных служащих и учащейся молодежи.

В формировании протестных настроений молодежи значительную роль играют объективные и субъективные условия (бытовые трудности, психологические проблемы и другие). Согласно исследованиям ВЦИОМ, 49 % участников протестных акций в 2011–2012 гг. не удовлетворены своей жизнью¹. В основе протестного потенциала молодежи лежит так называемый феномен депривации – субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему, несоответствие между ценностными ожиданиями и реальными возможностями. В качестве причин такого положения дел выступают объективные трудности бытового, психологического и экзистенциального характера, особенности развития молодежи как социально-возрастной группы, а также основные параметры состояния политического процесса и информационного поля в России. Исходя из этого, именно у молодого поколения наиболее остро проявляется чувство недоверия к институтам власти, а также неудовлетворенность существующим положением дел в обществе, вследствие чего формируется убеждение в невозможности влиять на процесс принятия важнейших политических решений. Отсюда, высокая сте-

пень отчужденности и аномичности среди молодежи, социальная дезинтеграция и девиантность.

Уровень протестной активности с неизбежностью повышается там, где социальные структуры оказываются неспособными преодолеть инерцию депривационных настроений. В современной России индекс протестности среди молодежи постоянно растет.

Волна протестных настроений инициирована несогласием части активного населения страны с официальными результатами выборов в ФС ГД (декабрь 2011 года) и Президента Российской Федерации (март 2012 года). В этой связи руководство страны взяло курс на ужесточение законодательства, вместе с которым происходит усиление силовых практик в государственной политике, что не решает, а усугубляет проблемы конвертации протестного потенциала молодежи в конструктивное русло. Как следствие возрастает протестная активность молодежи, желание принять участие в протестных акциях, вплоть до готовности активного включения в деятельность экстремистских, а в отдельных случаях и террористических организаций.

Однако помимо вышеперечисленных факторов необходимо выделить и информационно-технологические параметры формирования протестных конфигураций. Речь идет о технологически сформированных конструктах манипулятивного характера (идеологемы, мифологемы, фальсификации и т. д.), транслирующие посредством СМИ искаженный образ политической реальности.

Технологии массовой манипуляции – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями, поведением человека и группы людей различной численности посредством формирования у них представлений, вкусов, потребностей и ценностей, оказывающих воздействие на объект. Сущность технологий массовой манипуляции заключается в том, что они выступают важным элементом воли к власти и стремления к наживе субъектов этих технологий, препятствуя свободной деятельности человека. Эти технологии представляют собой вид символической власти, действующей не автономно от других видов, но функционируя в контексте различных социальных институтов, практик, технологий, маскируясь в них, оказывая воздействие на объекты.

Важнейшим структурным элементом технологий массовой манипуляции является сам человек, его ценности, интеллект, психика, поведение. Интеллект и психика человека, с одной стороны, и социальность, с другой, взаимосвязанные, взаимообуславливающие друг друга образования. Таким образом, технологии массовой манипуляции не функционируют вне психических структур человека, но лишь находятся в постоянном взаимодействии с ними. При этом технологии массовой манипуляции воздействуют не только на объект, но также оказывают влияние на формирование и их субъектов, создавая у них ощущения вседозволенности, всемогущества и атрофируя принципы уважения к индивидуальности других.

Технологии массовой манипуляции являются способом информационно-психологического репрессивного воздействия, так как их функционирование на уровне магистральных социальных процессов общества предполагает манипулирование не только психикой человека, но и символами (знанием, информацией, образами и др.). Основными способами такой манипуляции являются конструирование, умолчание информации, прежде всего, в СМИ (в том числе и умолчание последствий изменений, вызванных каким-либо событием, фактом, процессом), искажение, селекция, передергивание и др. С помощью этого вызывается желаемая для субъектов данных технологий реакция объекта.

Влияние технологий массовой манипуляции на формирование современной социальности значительно. В современном обществе публичной сфере нанесен существенный урон технологиями массовой манипуляции, которые редуцируют представления человека о сложных, многофакторных социальных процессах в простые мифологемы, лишённые доказательной базы, а их распространение ведет к иллюзии всезнайства, глубокого понимания широкого спектра социальных процессов. Циркулирующие в рамках современного политического процесса информационные потоки «подпорчены», а распространение информации подчинено целям субъектов этих медиумов (например, владельцев медиа, лидеров националистических и экстремистских организаций).

В условиях, когда информационные потоки принимают активное участие в генерировании власти и материальных ценностей,

то очень трудно таким институтам, как телевидение, радио, интернет, печать отказаться от их властной составляющей, деидеологизироваться. Современные субъекты политики рассматривают и финансируют эти институты, исходя из соображений полезности в конструировании властных конфигураций, отвечающие их специфическим интересам. Тогда как а priori предполагается, что основной принцип функционирования всех вышеперечисленных институтов заключается в беспристрастном, объективном распространении информации и знаний. Молодежь и другие социальные группы теряют, таким образом, гносеологические ориентиры для осуществления свободной и рациональной деятельности, отчуждаясь от реального политического процесса. Отсюда ограниченная способность формирования навыков политической компетентности у молодежи, неумение достигать информационной независимости относительно различных средств массовой информации.

Важнейший источник репрессивности технологий массовой манипуляции заключается в том, что лишь небольшое число участников социального процесса считает необходимым идентифицировать, а также нивелировать их значение. Репрессивное воздействие технологий массовой манипуляции может быть направлено на все социально-политическое пространство: от представлений одного человека до имиджа государства. При этом насильственные и запретительные меры в отношении технологий массовой манипуляции выявляют свою апористичность. Чем больше запретов, тем более изощренными становятся сами технологии, которые таким образом проявляют свою гибкость. Запретительные меры косвенно стимулируют развитие технологий массовой манипуляции, поэтому необходим поиск иных алгоритмов противодействия им. Все это приводит к выводу о том, что технологии массовой манипуляции представляют собой важнейший инструмент современного социального контроля.

Предполагая в качестве своей задачи изменение мнений, побуждений, целей и действий объектов своего воздействия технологии массовой манипуляции также преобразуют социальные институты, практики и другие технологии, а своей конечной целью предполагают частичное или полное осуществление контроля над объектами своего воздействия, ущемляя, тем самым, права и достоинство человека.

Вопрос о степени и характере влияния технологий массовой манипуляции на молодежь является предметом дискуссий в научной литературе. Интенсивная разработка технических средств и массовых технологий скрытого управления психикой на *научной основе* началась на рубеже XIX–XX веков. Реальные возможности для формирования иллюзорных массовых психических реакций и возможности их экспорта появились лишь в середине XX века и связаны с прогрессом психологических наук, а также развитием современной техники (печать, электронные СМИ, глобальные информационные сети и, в первую очередь, Интернет)².

В 1940-х годах исследователи обнаружили, что довольно трудно документально подтвердить существование реальной власти технологий массовой манипуляции, что привело к заключению об их минимальном влиянии. Однако затем было выявлено, что технологии массовой манипуляции способны создавать трудноуловимые или «косвенные» эффекты, формирующие мыслительную и поведенческую деятельность человека.

В настоящее время можно констатировать, что исследованию репрессивного значения информационно-психологических технологий посвящен значительный объем научной литературы. Однако большинство специалистов, работающих в этой области, склонны преувеличивать степень влияния технологий массовой манипуляции на социальность. Безусловное принятие основных выводов таких исследований чревато технократическими заключениями о детерминирующей роли технологий массовой манипуляции для развития современного общества. С другой стороны, игнорирование сложносоставной структуры воздействия технологий массовой манипуляции на структуры современной социальности невозможно, поскольку приведет к проблематичности адекватных интерпретаций наличной социальной среды.

Одним из возможных ракурсов решения поставленной задачи является так называемое оптимальное значение потока манипулятивной информации, превышение которого не ведет к росту значения критериев, детерминирующих требуемую социальную реакцию. В этой связи необходимы разработки индикаторов и определение параметров воздействия технологий массовой манипуляции на социальных акторов, позволяющих точнее

локализовать их значение в системе общественного развития. Одним из таких акторов может рассматриваться молодежь как социально-демографическая группа³.

Воздействие технологий массовой манипуляции на молодежь актуализирует с позиций информационно-психологической репрессивности проблему аннигиляции ее субъектного потенциала. Значение технологий массовой манипуляции в современной политике заключается в том, что они выступают маркирующим элементом, высвечивающим разрыв между существующими, заранее принимаемыми в качестве верных, нормами и их реальной ролью в политическом процессе. Аргюи считается, что молодежь автономна в своем социальном бытии и самостоятельно принимает важнейшие политические решения, однако существующее положение демонстрирует, что это далеко не всегда соответствует действительности.

Технологии массовой манипуляции политическими силами рассматриваются как важный элемент борьбы. Воздействие этих технологий на молодежь трансформирует их представление о реальности и ведет к формированию протестной политической культуры. Технологии массовой манипуляции чрезвычайно разнообразны и включают в себя практически все основные элементы политической конкуренции (публичные выступления, тексты, флэш-мобы, митинги, численность участников которых также является объектом политических и иного рода манипуляций и т. д.).

Все это позволяет сделать вывод о влиянии технологий массовой манипуляции на формирование протестного потенциала молодежи, однако конкретизация характера этого влияния может быть достигнута только комплексным исследованием, предполагающим определение значения индикаторов динамики порогового значения воздействия технологий массовой манипуляции. Это, в свою очередь, позволит повысить прогнозируемость последствий этих процессов, по-

способствует определению сценариев трансформации поля региональной российской политики, а также даст возможность выявить эффективные алгоритмы нейтрализации их репрессивного воздействия. Таким образом, достигается возможность углубленного аналитического проникновения в структуру протестного опыта современной российской молодежи, предполагающая более точное наполнение его основных элементов конкретными эмпирическими данными. С этих позиций иерархия факторов, способствующих формированию протестного потенциала молодежи, может быть пересмотрена. В методологическом плане будет сформулирован подход, опровергающий редуционистские схемы, которые интерпретируют протестный потенциал современной молодежи как прямое следствие технологий массовой манипуляции в виде политизации «недовольства». Поставленная задача, таким образом, будет способствовать углубленному пониманию и выработке новых исследовательских подходов к феномену молодежного протеста в современной России и места технологий массовой манипуляции в нем. Помимо этого, от способности органов государственной власти и управления, а также образовательных учреждений и других важнейших социальных институтов, деконструировать, нейтрализовать и канализировать протестный потенциал молодежи зависят возможности устойчивого развития общества.

Примечания

¹ Социальный портрет протестного движения в Москве [Электронный ресурс]. URL : <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112859>.

² Пугачев, В. П. Управление свободой. М. : КомКнига, 2005. С. 17.

³ Абдрахманов, Д. М. Молодежь как основная группа риска и объект профилактики наркотизма // Социальная политика и социология. 2009. № 8. С. 123–132.

Д. Г. Михайличенко, А. А. Фазлыев,
Д. М. Абдрахманов, Н. Н. Киреева

ИНДИКАТОРЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 13-13-02016 «Динамика порогового значения технологий массовой манипуляции в конструировании протестного потенциала молодежи Республики Башкортостан».

Протестный потенциал молодежи – значимый феномен общественно-политической жизни современной России. В статье выявляются индикаторы, позволяющие диагностировать протестный потенциал молодежи.

Ключевые слова: индикаторы, конфигурация, массовое манипулирование, молодежь, протестный потенциал, студенты.

Молодежь является наиболее восприимчивой к динамично меняющейся среде социально-демографической группой, чутко реагирующей на проявления несправедливости со стороны различных структур. По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2012 г. население Российской Федерации составляло 143,1 млн человек, из них к молодежи отнесено 42674431 человек (29,8 % от населения страны)¹.

Неотъемлемым элементом развития молодежи является социализация, в ходе которой эта социально-демографическая группа преодолевает положение уже не являющихся детьми, но еще не имеющих полного статуса взрослых людей. Такое положение определяет готовность, и даже склонность, к изменениям, что, в свою очередь, представляет возможность для правящих элит подавлять, мобилизовывать или интегрировать² в политические конфигурации представителей этой социально-демографической группы.

Политическая социализация российской молодежи сводится к усвоению имеющихся и формированию новых ценностей, норм, этосов поведения и паттернов культуры, необходимых для адаптации и трансформации сложившихся, а также формирующихся конфигураций посредством участия в различных видах общественно-политической деятельности, одной из которых является протест.

Протест – это всегда ответ, реакция. В качестве ресурса для протестных действий могут быть использованы любые средства (физические, психические, интеллектуальные и т. д.). Протест – это реакция на условия существования человека: если условия

соответствуют потребностям и внутренней свободе человека, то протест, сопротивление не нужны. Если же условия неприемлемы для человека, то он либо сопротивляется, либо подчиняется. С позиций социальной философии, протест выступает как проявление духа свободы, реакция свободы на несвободу.

Протестные отношения и соответствующая политическая культура в современной России концентрируются, прежде всего, вокруг негативного восприятия курса развития государства населением (неудовлетворенность политической системой, репрессивный порядок регулирования, отчужденность власти от общества, коррупция и др.). По данным организаций, ориентированных на глубокое, всестороннее изучение общественного мнения (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ), протестное движение все отчетливее становится движением трех социально-профессиональных групп: «креативного класса», офисных служащих и учащейся молодежи. Протестное движение молодеет: 65 % участников акции «Марш миллионов» 12 июня 2012 года – это молодые люди в возрасте до 34 лет, недовольные ситуацией в стране, при этом только 13 % протестантов определили свое материальное положение как плохое³.

В формировании протестных настроений молодежи значительную роль играют объективные и субъективные условия (бытовые трудности, психологические проблемы и др.), а также технологически сформированные конструкты манипулятивного характера (идеологемы, мифологемы, фальсификации и т. д.), транслирующие посредством СМИ искаженный образ политической реальности.

Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении) исторически выступало неизменным спутником политических кризисов.

В основе протестного потенциала молодежи лежит так называемый феномен депривации – субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему, несоответствие между ценностными ожиданиями и реальными возможностями. В качестве причин такого положения дел выступают объективные трудности бытового, психологического и экзистенциального характера, особенности развития молодежи как социально-возрастной группы, а также основные параметры состояния политического процесса и информационного поля в России.

Именно у молодого поколения наиболее остро проявляется чувство недоверия к институтам власти, а также неудовлетворенность существующим положением дел в обществе, вследствие чего формируется убеждение в невозможности влиять на процесс принятия важнейших политических решений. Отсюда, высокая степень отчужденности и аномичности молодежи, социальная дезинтеграция и девиантность.

Уровень протестной активности с неизбежностью повышается там, где социальные структуры оказываются неспособными преодолеть инерцию депривационных настроений.

Для анализа протестности молодежи в научном дискурсе используется термин ‘протестное поведение’. С точки зрения Д. В. Бушуева, протестное поведение молодежи является разновидностью политического участия, особенностью которого может являться публичное выражение индивидом или группой недовольства существующей социально-политической системой или отдельными результатами ее функционирования через разнообразные формы протестной активности⁴.

Однако приведенное определение несколько упускает из внимания тот факт, что существуют и неполитические формы протеста. Молодежь современной России характеризуется невысокой вовлеченностью в политические конфигурации, тогда как категория «протестное поведение» предполагает целенаправленную деятельность молодежи в политике, которая, как показывает реальность, часто бывает далека от этой сферы. Поэтому

применительно к молодежи представляется уместным использовать категорию ‘протестный потенциал’, а не ‘протестное поведение’.

Помимо этого, использование категории ‘протестный потенциал’ представляется более выверенной применительно к характеристике бытия молодежи России? в том числе и потому, что эта социально-демографическая группа представляет собой политическое будущее России. Именно она через 10–15 лет будет определять не только облик страны в целом, но и (в более узком смысле) состояние гражданского общества и демократических инициатив в российском социуме. От отношения молодого поколения к избирательному процессу и образцов его электорального поведения зависит, превратятся ли выборы в России в инструмент подавления и манипуляции населением или же электоральные процессы станут одной из действенных технологий демократической организации власти. Именно поэтому участие молодежи в избирательном процессе являет собой важное условие формирования и развития правового государства в России⁵.

В нашем понимании, протестный потенциал – это совокупность факторов, структурирующихся вокруг выражения различных форм недовольства субъектов социального действия в различных сферах общества. В пространстве политического протестный потенциал характеризуется возможностью изменения политического бытия различных акторов политики, угрозой дестабилизации политических конфигураций, а также других социетальных трансформаций.

Понятие ‘протестный потенциал’ относится к широкому кругу процессов и явлений, различных по интенсивности, социально-демографическому составу, охвату и характеру воздействия на структуры социальности, субъектом которого могут являться самые различные слои общества. В пространстве политического протестный потенциал проявляется не только в предъявлении требований к власти, мобилизации общественного мнения, насильственных действиях против существующего режима, но также и в недовольстве акторов существующими политическими конфигурациями (например, политикой государства в сфере образования). Даже если это недовольство внешне в кратко- и среднесрочной перспективе не выражается в каких-либо акциях протеста, оно последовательно ведет к отчуждению акторов от политических от-

ношений, формированию ощущения неудовлетворенности собственной жизнью, внутриличностным конфликтам. Исследование этих аспектов политического протеста особенно актуально для социальных групп, характеризующихся невысокой степенью политической субъективации, таких как молодежь.

В современной политике активно используются различные формы протеста (бунт, революция, государственный переворот, демонстрации, пикеты, политические резолюции партий и запросы парламентариев, флэш-мобы, хэппенинги, протестные акции в блогосфере и др.) имеющие различную степень институционализации.

Среди основных индикаторов протестного потенциала молодежи необходимо выделить:

- недостаточность жизненного опыта и образования;
 - зависимое положение от других людей (старшее поколение, родители);
 - восприятие протестного поведения и протестных акций в качестве неотъемлемого элемента социальной жизни;
 - меньшее, в отличие от протестных движений молодежи советской эпохи (диссидентство), стремление к сакрализации протеста и желание придать ему некий «ореол святости»;
 - недовольство политикой руководства страны, желание перемен;
 - низкий уровень правовой культуры;
 - относительно высокая возможность мобилизации для участия в политических конфликтах в силу ряда факторов (возрастные характеристики, отсутствия или слабая степень выраженности у большинства представителей обязательств в плане семьи и карьеры и др.);
 - ситуативный интерес к политике, выражающийся в избирательном интересе к конкретным политическим событиям;
 - кризис идентичности;
 - недостаточный статус молодежи в социально-политических отношениях (социальные лифты, включающие в эти отношения, работают недостаточно эффективно).
- Однако в современной России довольно значительны и факторы, препятствующие проявлению протестного потенциала молодежи. Среди них:
- дефицит ресурсов;
 - доминирующие установки на аполитичное поведение (гедонизм, материализм);
 - невысокий интерес молодежи к политике, как на региональном, так и на федеральном уровнях;

– ограниченная информация о текущей политической повестке дня;

– угроза репрессий со стороны различных социальных структур (администрация вузов, работодатели, полицейско-репрессивный аппарат);

– стратегии и тактики субъектов государственной политики, как на региональном, так и на федеральном уровне, по нейтрализации протестного потенциала.

Эти и другие индикаторы могут быть активно использованы при проведении социологических замеров настроений молодежи современной России.

Итак, протестный потенциал молодежи в современной России довольно значителен. В обществе недостаточно эффективно работают политические структуры по канализации протестного потенциала молодежи. Однако слабо проявляющийся интерес к политике у молодежи, а также отсутствие в большинстве регионов Российской Федерации «молодежного бугра» делают протестный потенциал молодежи важным, но не определяющим элементом политической повестки дня. Вряд ли в ближайшие годы протестный потенциал молодежи будет представлять собой реальную угрозу дестабилизации политической системы как на уровне Российской Федерации в целом, так и на уровне ее отдельных субъектов. В то же время проблема конвертации протестного потенциала имеет определяющую значимость с точки зрения повышения социального благополучия населения.

Примечания

¹ Демографический ежегодник России – 2012 [Электронный ресурс]. URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_16/Main.htm

² Манхейм, К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 446.

³ ВЦИОМ : Протестное движение состоит из молодых, творческих и небедных [Электронный ресурс]. URL : <http://www.rbcdaily.ru/society/562949984195380>

⁴ Бушуев, Д. В. Специфика протестной активности российской молодежи в современном трансформирующемся обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2012. С. 15.

⁵ Акулич, М. М. Избирательный процесс и студенческая молодежь / М. М. Акулич, М. В. Батырева // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 4. С. 73.

В. Л. Сикирин

ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВА НЕНАСИЛИЯ КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Феномен ненасилия рассматривается как потенциально особая форма общественной практики, направленная, прежде всего, на сознательное внедрение во все сферы человеческой деятельности высших моральных принципов. Подобная потенция связана с уникальными историческими условиями, но никогда не может быть осуществлена полностью. Перспектива ненасилия – в обогащении общественных норм, их контекстуализации, введении новых стандартов отношений.

Ключевые слова: ненасилие, потенциал ненасилия, общественная практика, моральная практика, перспектива ненасилия.

Идея ненасилия относится к числу ценностей, которые остаются актуальными на протяжении всей истории цивилизованного человечества. Появившись в т. н. «осевое время», время зарождения разума, осознания человеком себя и своего места в мире, она прошло длинный путь от религиозного принципа до эффективной современной политической тактики.

Ненасилие обладает непреходящей актуальностью – изменяются лишь возможности его проявления – от индивидуальных требований до массовых движений, от собственного спасения до требований переустройства всего общества. Ненасилие есть определенная, основанная на вере, программа социальных усилий человека. Утопичная в своем пределе, она не оторвана от реальности; не имея возможности когда-либо полностью достичь своих идеалов, она, тем не менее, задает определенный стандарт отношений, своими требованиями заставляя человечество искать дальнейшие пути развития, имея в виду принципы ненасилия.

В самом общем виде ненасилие есть феномен, рассматривающий отказ от насильственного разрешения конфликтов, введение любви в социальное пространство как эффективное и по-настоящему единственно возможное средство организации социальной реальности. Не касаясь рассмотрения многообразных форм проявления феномена ненасилия, в нашей статье мы сосредоточим свое внимание на предельном понимании его как особого вида общественной практики, утопичного предела его развития, «вечного» идеала, оказывающего конструирующее, проективное воздействие на общество и его развитие.

Современные глобальные проблемы, такие как угроза атомных войн, экологические катастрофы, демографические кризисы и др., ставят вопрос о выживании всего человечества. Качественно отличаясь от прочих трудностей, с которыми прежде человечество сталкивалось лишь локально, проблемы современности требуют и качественно новых способов их разрешения. Многие видят один из них в ненасилии: в его философии, этике, практике. При таком подходе оно понимается как «новая перспектива общества»¹, «новая стратегия будущего»², как один из способов необходимой «смены вектора сознательных усилий человека»³. Заявляется что, «вся логика развития современной цивилизации приводит к пониманию ненасилия как важнейшего условия дальнейшего прогресса и процветания человечества»⁴. В нашей статье мы попробуем разобрать подобные претензии и надежды и показать, что они могут осуществиться лишь отчасти.

Подчеркнем, что ненасилие исторично, оно не застывший феномен, а исторически развивающееся явление, изменяющее свое содержание и форму. Ненасилие современности качественно отличается от своих древних предшественников, опираясь при этом на схожие мировоззренческие установки и идеи. Современное ненасилие – не «реинкарнация» старого этического принципа, не воплощение «вечной человеческой идеи», а продукт современности, обязанный своим существованием специфике момента – конкретным историко-культурным условиям и ситуациям.

При этом ненасилие из мировоззренческих установок отдельных личностей, религиозных требований не переходит в категорию

общественной борьбы, в политическую сферу до тех пор, пока к этому нет объективных предпосылок, до тех пор, пока не сформированы необходимые условия гражданского общества, которые предполагают не только действенность соответствующих социальных институтов, но и определенную культуру правосознания, укорененную в общественной психологии⁵. «Широкомасштабные», массовые ненасильственные кампании возможны только в граждански развитых обществах (или же при соответствующем уровне метрополии, как в Индии, или примеров со стороны, как в ряде случаев т. н. «оранжевых революций»), где приоритет ценности личности несомненен и является аксиомой. Возможность развертывания кампании ненасилия во многом зависит от значимости прав человека для противника (оппонента)⁶. «Здесь может и не быть самих институтов политической демократии, но необходим такой здравый смысл, для которого уважение личного достоинства и ценности человеческой жизни является важным постулатом в определении действий и выборе средств»⁶.

Являясь порождением гражданского общества, ненасилие в то же время двигает и развивает его дальше. Отсюда одной из главных его функций является преобразующая. Оно проектирует желаемый результат, пытаясь задавать правила игры, выстраивает своего рода особое социальное пространство, способствующее утверждению моральных принципов и прогрессивным изменениям. Современное ненасилие предполагает, требует расширения морали до тех сфер общественной жизни, которые традиционно мыслились вне ее. Идеи естественных прав человека, верховенства закона, приоритета человека могут и должны быть дополнены новыми, где главенствующее место занимают этические принципы и соответствие им. Ненасилие активно способствует их выработке. Оно соединяет и скрепляет вместе схожие мировоззренческие установки, активно формирует новые. Само явление уже давно «переросло» свое первоначальное определение и требует более адекватного, отражающего активный творческий характер ненасилия, не ограничивающегося отказом от насилия, но включающего требования соблюдения высших моральных принципов, таких как любовь, истина, справедливость и др. Ненасилие стремится взять стихийный процесс развития и распростра-

нения моральности под свой сознательный контроль. Здесь имеет место попытка предвосхитить будущую правовую норму, создать необходимые условия для ее существования. И если прежде главным назначением нормы было претвориться в общественную практику⁷, то в ненасилии эта схема изменяется – ввести во все сферы общественной жизни высшие моральные принципы с тем, чтобы они получили максимальное закрепление и в законодательстве. При этом ненасилие прорывает со своими религиозными корнями, теряет узкие национальные черты, все шире вовлекаясь во всемирный процесс глобализации, формирования общечеловеческих ценностей, все более становясь общечеловеческой ценностью и достоянием. И это новое общечеловеческое не только собирается путем отбора наиболее лучшего и приемлемого для всех, но, что самое главное, именно формируется, вырабатывается, не закрепляясь при этом в культурно-абсолютных формах, не утверждаясь «окончательно» и бесспорно, а находясь в процессе постоянных изменений, хотя бы в отдельных своих частях.

Мы позволим себе утверждать, что ненасилие в новейшее время является больше чем просто мировоззрением или методом политической или экономической борьбы. Кампании, проведенные М. Ганди, М. Кингом и их последователями, помимо отказа от насилия, включали также требования соблюдения таких моральных принципов, как любовь, справедливость, понимаемая не как наказание, а, скорее, как наибольшее равенство, правдивость и др. Заметим также, что освобождение Индии в первом случае и равноправие для афроамериканцев во втором не были конечной целью движений Ганди и Кинга – оба признавались, что гораздо более важным для них являются духовные изменения своих народов, а непосредственная борьба рассматривалась ими как своеобразная епитимья перед формирующимся новым качеством. Ненасилие здесь не ограничивалось лишь одним принципом – оно выступало как политическая борьба, ведущаяся морально. И это важно подчеркнуть. В сложившихся условиях ненасильственные кампании получили возможность расширить себя до уровня попытки внедрения морали в те сферы общественной практики, которые традиционно вынесены за моральные скобки – такие как политика, экономика, правосудие и т. д.

Именно здесь мы и усматриваем заложенный в современном принципиальном ненасилии потенциал особой общественной практики, направленной на сознательное внедрение высших моральных принципов и ценностей во все сферы общественной жизни. Понимаемое таким образом ненасилие преследует цели мироизменения через работу над самим собой, оно есть одновременно и индивидуальное, и массовое движение.

Ненасилие – это единая работа над собой и над миром. В этом единстве и заключается своеобразие ее как общественной практики человека. Ненасилие стало составной частью философии политики, но не сводимо только к ней. Оно есть высшая ступень самого главного гуманистического принципа отказа от рассмотрения человека как средства, который всегда должен быть и есть только цель.

Итак, в своих пределах ненасилие может рассматриваться как особого рода моральная практика, понимаемая как высшая форма рационализации Кантом и Фихте, самодовлеющая, не служащая средством или идеологической рационализацией для какой-либо общественной практики, характеризующаяся субъект-субъектными отношениями. Это практика расширения сферы применения моральных принципов из личностной сферы до общественной, до всех форм человеческой деятельности. Здесь «средство» есть «цель». Ненасилие «снимает проблему безнравственных средств по пути к цели нравственной и достойной: она является обязательством достигать целей, не выходя за нравственно дозволенные рамки, не прибегая к насилию»⁸. Отсюда один из девизов ненасильственной борьбы: «нет путей к миру, мир – это и есть путь»⁹. Из всего опыта человечества именно ненасилие представляется нам наиболее приближенным к подобному идеалу моральной практики.

Подчеркнем при этом, что возможности подобной ненасильственной практики связаны, прежде всего, с объективной исторической возможностью, а не вытекают из какой-либо «природы человека», его онтологии. Ненасильственная практика получает распространение вместе с ростом тенденций глобализации, таких как расширение коммуникативного пространства, политической полисубъектности, «прогресса в сознании свободы» и пр.

В то же время она неоднократно доказывала свою эффективность в современных

условиях – примеры сатяграхи, борьбы афроамериканцев, «оранжевые революции», – и именно их успешность является главенствующим фактором при их выборе как способе борьбы, а не идейные или мировоззренческие установки. Постепенно идеалы ненасилия все более проникают в общественное сознание, получают свое законодательное и институциональное закрепление. И даже революции теперь становятся на их платформу. При этом прагматическое ненасилие руководствуется социальными, политическими или государственными соображениями, в то время как принципиальное ненасилие в дополнение к ним или вместо них руководствуется еще высокими моральными целями¹⁰.

Подчеркнем, что в ненасилии логика морали переходит в логику массового социального действия¹¹, ненасилие здесь задает идейную основу для приложения моральных принципов к социальной практике и нравственного обеспечения усилий по преобразованию общественной жизни¹¹.

Ненасилие понимается его сторонниками как деятельность, в конечном счете, направленная на духовную трансформацию людей, на переход их к подлинно ответственному существованию, к мировоззрению, отличающегося взглядом на людей и на мир как на взаимосвязанную систему, пониманием единства человека и мира вокруг него, а уже отсюда, как следствие, вытекает установление наиболее совершенного общественного порядка. Но только ненасилием добиться подобной трансформации нельзя!!! Такая «перестройка» возможна только как результат работы человечества во всех областях общественной жизни, дополнения этики ненасилия и любви прочими актуальными для глобального мира принципами: этикой самоограничения, ответственного существования, открытости, диалога и т. д.

Но согласившись со всем этим, признав ненасилие как особый вид общественной практики, можем ли мы разделить озвученные выше надежды на его исключительную роль в общественном развитии человечества, на его особые потенции по преобразованию качества социальных отношений – иными словами, может ли ненасилие стать фундаментом искомого «нового» будущего общества, справившегося с проблемами современного? Мы думаем, что ответ здесь не будет однозначным.

Ненасилие, понимаемое в его правовом, «идейном», узком аспектах может и становится реальностью социальной жизни, категорией общественного сознания. Необходимость отказа от насилия как способа решения проблем и конфликтов все больше осознается, реализуется на практике. Идеи ненасилия вместе с принципами компромисса, терпимости, равноправного диалога широко проникают в политику, социальную борьбу, становясь главенствующими методами. В этом смысле развитие принципов ненасилия вширь является одним из завоеваний гражданского общества, его «побочным следствием».

В то же время претензии сторонников принципиального ненасилия, развивающего его до уровня особой общественной практики, на возможность построения общества на его основах представляются нам необоснованными. По всей видимости, общество, построенное на доминировании морального самосовершенствования, сконцентрированное на «внутреннем», невозможно. Американский исследователь Г. Кафка для обозначения подобных гипотетических общественных образований использует термин «сообщество ангелов»¹², обращая внимания на то, что оно возможно лишь при принципиальном изменении человеческой природы, позволяющей говорить уже не о человеке, а о «ангеле», живущем согласно своей «небесной», отличной от человеческой, природе.

Заметим, что наиболее известные проекты подобных общественных систем (например, христианское общество Толстого или «федерация» самоуправляющихся общин Ганди) предполагают в качестве одного из своих условий необходимость отказа от насилия в государственном управлении, т. е. заявляется необходимость реализации перехода к ряду анархических идеалов. Не вдаваясь в подробный разбор, отметим, что анархические системы не представляются нам жизнеспособными и могущими стать «фундаментом» новой общественной системы.

И все же не будем столь категоричны в отрицании возможности построения «нового общества», основанного на действительном приоритете моральных ценностей. Но если оно и возможно, пусть и в самом отдаленном будущем, то путь к нему невозможен только лишь через «внутреннее», без изменения «внешнего», лишь через одно «внутреннее усилие сознания»¹³: создания соответствующи-

щих материальных условий, развития социальности и общественных установлений.

В массовом развитии ненасилие возможно лишь как политическая тактика, как элемент социальной борьбы, но не как перфекционистский идеал самосовершенствования. Этика последнего не распространяется на этику общественного, это два пересекающихся, но разных уровня существования морали, отражающих ее двойственное назначение: удовлетворять индивидуальные идеалы самосовершенствования и обеспечивать наилучшие условия для людей¹⁴. «Перфекционистские запросы личности должны быть скорректированы в связи с целесредственной спецификой социально-политической сферы и административно-регулятивной деятельности»¹⁵. Иными словами, то, что хорошо для «святого», плохо для общества в целом. И хотя вековые мечты человечества связаны с развитием и расширением идеала индивидуального совершенствования до всех членов общества и до всех его институтов, подобное движение является лишь проектирующим идеалом, устремлением, которое никогда не может быть выполнено полностью, но, впрочем, способное влиять на развитие и качество общественных моральных идеалов и реалий. Таким образом, ненасилие как моральная практика не может занять место «фундамента» общества, неспособно стать «вектором» его развития и движения, но может быть достаточно развито и массово, чтобы выступать источником обогащения общественных норм, контекстуализировать их, определять культурно-историческое своеобразие эпохи, задавать более высокие стандарты отношений, указывать будущие перспективы. Отсюда, нам остается лишь выразить надежду на скорейшее и наиболее полное развитие идей ненасилия в общественном сознании и на все более широкое вхождение его идей и принципов в непосредственные реалии.

Примечания

¹ Ненасилие : философия, этика, политика / ред. А. А. Гусейнов. М. : Наука, 1993. С. 54–59.

² Степин, В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего [Электронный ресурс]. URL : philosophy.ru/library/stepin/epoch.html (дата обращения: 21.03.2013).

³ Гусейнов, А. А. Понятие насилия и ненасилия // Вопр. философии. 1994. № 6. С. 41.

- ⁴ Степин, В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего.
- ⁵ Опыт ненасилия в XX столетии : социально-этические очерки / под ред. Р. Г. Апресяна. М. : Аслан, 1996. С. 8.
- ⁶ Ненасилие : философия, этика, политика. С. 45.
- ⁷ Лившиц, Р. З. Теория права. М. : БЕК, 2001. С. 129.
- ⁸ Гусейнов, А. А. Этика ненасилия // Вопр. философии. 1992. № 3. С. 78.
- ⁹ Там же. С. 79.
- ¹⁰ Ненасилие : философия, этика, политика. С. 29–30.
- ¹¹ Опыт ненасилия в XX столетии... С. 10.
- ¹² Прокофьев, А. В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль : исследование неоднородности нравственных феноменов. Н. Новгород : НовГУ, 2006. С. 107.
- ¹³ Толстой, Л. Н. Царство божие внутри вас // Толстой, Л. Н. Собр. соч. : в 90 т. Т. 28. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 278.
- ¹⁴ Прокофьев, А. В. Мораль индивидуального совершенствования... С. 277.
- ¹⁵ Там же. С. 278.

А. А. Фазлыев

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ ПОРОГОВОГО ЗНАЧЕНИЯ МАССОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 13-13-02016 «Динамика порогового значения технологий массовой манипуляции в конструировании протестного потенциала молодежи Республики Башкортостан».

Технологии массовой манипуляции политическими силами рассматриваются как важный элемент борьбы. Поток информации имеет свой экстремум эффективности, при достижении которого его рост приводит к снижению требуемой реакции. В статье исследуются исследовательские условия фиксации порогового значения воздействия технологий массовой манипуляции на социальные группы.

Ключевые слова: информация, избирательные процессы, пороговое значение, технологии массовой манипуляции, политика.

В социальных науках существует проблема, связанная с избыточностью информации. Рост тематического потока информации, то есть количества информации одной тематики, приведенного к единице времени, используемого в задачах социального воздействия, не всегда сопровождается ростом количества требуемой реакции управляемых. Другими словами, поток информации имеет свой экстремум эффективности, при достижении которого рост потока приводит к снижению требуемой реакции. По всей видимости, превышение некоего порогового значения однообразного потока информации вызывает у индивида и социальных групп привыкание или усталость и воспринимается как шумовой фон, то есть информационный мусор, что в конечном итоге приводит к снижению количества требуемой социальной реакции.

Описываемая зависимость эмпирически обнаружена при изучении материалов социологических опросов, сопровождающих избирательные процессы в Республике Башкортостан в 2003 и 2005 годах, а также в ходе наблюдения и анализа причин неплатежеспособности 560 коммерческих предприятий на протяжении 2005–2010 годов. Проявление общей зависимости в достаточно удаленных друг от друга по содержанию и времени социальных процессах характеризует данное явление как значимое и устойчивое с широким охватом в области информационного обеспечения социальной деятельности.

При анализе данных социологических опросов избирательной кампании 2003 года

по выборам Президента Республики Башкортостан была выявлена закономерность динамики ответов об известности кандидатов в Президенты Республики Башкортостан по ходу избирательной кампании. Вне зависимости от исходного уровня известности того или иного кандидата их известность в ходе избирательной кампании росла параллельно с ростом потока информации о предстоящих выборах, достигала максимума, а затем чуть снижалась, при интенсифицирующийся агрессивной агитации на значение, превышающее расчетную погрешность социологического опроса для кандидатов, чья известность превышала значение погрешности.

Целью проведенного исследования являлось выявление рейтинга основных политических деятелей Республики Башкортостан и кандидатов в Президенты РБ на предстоящих выборах. Задачи мониторинга – периодическое отслеживание субъективной информации: общественных настроений, колебаний и выдача оперативных и объективных данных по ним для принятия и корректировки тактических решений. Было проведено 4 замера по Республике Башкортостан в августе, сентябре, октябре и ноябре 2003 года. Объект мониторингового исследования – население Республики Башкортостан старше 18 лет (потенциальный избиратель). Предмет исследования – отношение взрослого населения к политическим лидерам и к кандидатам в Президенты Республики Башкортостан (популярность персоналий в обществе и электоральные предпочтения). В качестве метода

сбора информации выступил анкетный опрос. Исследовательская совокупность населения основывается на квотно-случайной выборке, репрезентирующей генеральную совокупность населения Республики Башкортостан. В качестве квот использовались следующие социально-демографические характеристики: пол, возраст, образование, национальность, социально-профессиональное положение, среднемесячный доход, место жительства. Для удобства анализа и емкости выводов населенные пункты типологизировались исследователями по 9 регионам и дополнительно включены в модель анкеты для обработки. При первом опросе были опрошены жители 23 населенных пунктов с общим количеством 568 человек. При каждом последующем опросе было проведено не менее 2000 интервью более чем в 45 населенных пунктах Республики Башкортостан. Погрешность по заданным квотам (пол, возраст) составила менее 1 %, погрешность по остальным квотам – не более 2–3 %.

Интересно распределение ответов на первый вопрос в динамике: «Скажите, пожалуйста, о ком из перечисленных деятелей вы знаете или что-то слышали?».

Со второго опроса было сокращено количество предлагаемых к выбору политических деятелей. В анкетах предлагались только имена подавших заявление на регистрацию в кандидаты в Президенты Республики Башкортостан. Но увеличилось число анкетированных до 2000 человек.

Сводные данные по четырем замерам известности политических деятелей для качественной иллюстрации выявленной закономерности представлены в виде графиков на рис. 1.

Подобная закономерность прослеживается при анализе данных социологических опросов, сопровождавших избирательную кампанию в Совет муниципального образования города Уфа в 2005 году, при изучении ответов на вопрос об информированности горожан об предстоящих выборах в муниципальный законодательный орган. Первые замеры показали низкую информированность горожан, затем с наращиванием тематического потока информации наблюдается многократный рост информированности, а затем снижение этого показателя при несокращающемся потоке тематической информации на величину, превышающую расчетную погрешность исследования.

Цель этого исследования заключалась в изучении общественного мнения жителей г. Уфы о предстоящих 26 июня 2005 года выборах депутатов представленного органа местного самоуправления (Совета) муниципального образования Уфы. Цель исследования определила следующие задачи:

- 1) определить уровень информированности уфимцев о предстоящих выборах, их правовой основы и характер отношения к предстоящим выборам;
- 2) выявить характер электоральных ожиданий горожан;
- 3) оценить уровень потенциальной электоральной активности (явка на выборах, характер голосования);
- 4) установить отношение горожан к работе действующих депутатов городского Совета;
- 5) определить отношение уфимских избирателей к оппозиции и той роли, которую ее представители могут сыграть в случае их из-

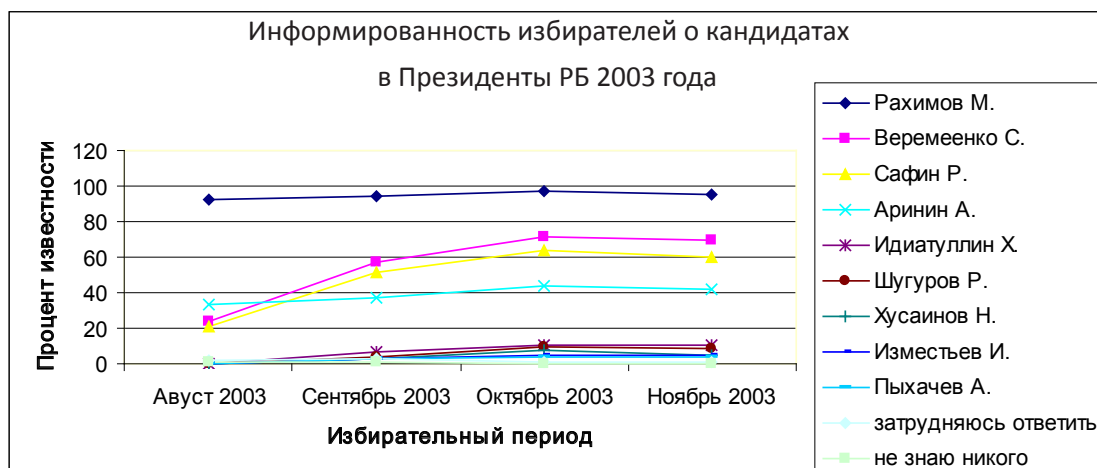

Рис. 1. Графики известности кандидатов в Президенты Республики Башкортостан 2003 года

брана в представительном органе местного самоуправления.

Объем выборочной совокупности составил 1500 человек. В ходе опроса использовался метод случайной выборки. Единицами отбора служили пол, возраст и место жительства (район г. Уфы) респондентов. В составе респондентов, ответы которых учитывались, женщин – 62,6 %, мужчин – 36,4 %. По возрасту: 13,6 % респондентов в возрасте с 18 до 20 лет, 31,7 % в возрасте от 20 до 29 лет; 16,3 % в возрасте 30–39 лет; 18,5 % в возрасте 40–49 лет; 12,0 % в возрасте 50–59 лет и 6,5 % респондентов – люди старше 60 лет. Следует подчеркнуть, что пожилые люди неохотно принимали участие в опросе, отказывались отвечать на предлагаемые вопросы анкеты. Районы г. Уфы, в которых проживают опрошенные избиратели, представлены в таблице приложения.

Следует обратить внимание на то, что процент опрошенных по районам соотносится с процентом проживающих в этих районах горожан. Иными словами, наиболее крупные по численности населения и соответственно по числу избирателей районы г. Уфы (Октябрьский, Калининский, Орджоникидзевский), представлены большим числом респондентов, а менее населенные районы (Ленинский и Демский) – меньшим числом опрошенных.

В рамках данной статьи интересным представляются ответы на первый вопрос анкеты: «Насколько хорошо Вы информированы о предстоящих 26 июня выборах депутатов в представительный орган (Совет) муниципального образования г. Уфы». Если сумми-

ровать данные по ответам информированных хорошо или частично, гипотеза находит четкое подтверждение. Обобщенные результаты ответов на данный вопрос по ходу агитации приведены в таблице.

Ответы респондентов опроса об информированности о политическом событии

Насколько хорошо вы информированы о предстоящих 26 июня выборах депутатов в представительный орган (Совет) муниципального образования г. Уфы?	19–23 мая 2005 года, в %	01–05 июня 2005 года, в %	12–13 июня 2005 года, в %	18–20 июня 2005 года, в %
Информирован хорошо.	14,00	21,00	21,80	41,10
Что-то слышал.	47,80	42,50	60,00	36,20
Итого информированных:	61,80	63,50	81,80	77,30
Не информирован	37,20	36,50	18,20	10,30
Нет ответа	1,00	0,00	0,00	12,40

Справедливости ради заметим, что количество ответов на вопрос о намерении участвовать в выборах увеличивались от опроса к опросу. Видимо, реакция аудитории, связанная с активным социальным действием, требуют большего времени для проявления привыкания. Доказательство тому – выработанное у граждан России за последнее десятилетие достаточно спокойное отношение к террористическим актам или всеобщая привычка ездить на автомобиле и летать на са-

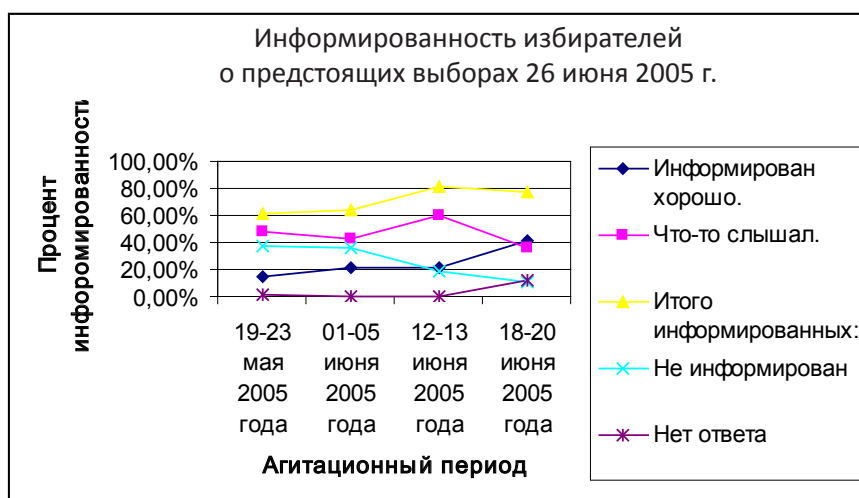

Рис. 2. Графики информированности избирателей о предстоящих выборах депутатов в представительный орган (Совет) муниципального образования г. Уфы. 26 июня 2005 г.

молете, вне зависимости о сообщениях об авариях.

Акцентируем внимание на том факте, что описываемое явление, как в 2003, так и в 2005 году, идентично по характеру течения процесса. Рост потока задающей социальное поведение информации сопровождается ростом контрольного критерия социальной реакции на управляющее воздействие с достижением максимального значения с последующим, хотя и незначительным, но четко прослеживаемым уменьшением значения требуемой социальной реакции на величину, превышающую расчетную погрешность социологического опроса. Таким образом, *существует оптимальное значение потока управленческой информации*, превышение которого не ведет к росту значения критериев, характеризующих требуемую социальную реакцию. Представляется, что просматриваемое явление имеет тот же механизм, что и экономический закон предельной полезности. Тем более что информация относится все большим числом исследователей к самостоятельному экономическому ресурсу наряду с капиталом, природными и человеческими ресурсами. Интересно было бы последить, имеется ли пороговое значение потока рекламных материалов и соответствующего бюджета и корреляция между достижением этого экстремума и экономической эффективностью соответствующих вложений.

Информационные коммуникации в политической сфере современного общества буквально насыщены технологиями массовой манипуляции. Политические силы активно используют эти технологии для своей политической субъективации. Технологии массовой манипуляции – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями, поведением человека и группы людей различной численности, посредством формирования у них представлений, вкусов, потребностей и ценностей, оказывающих воздействие на объект. Сущность технологий массовой манипуляции заключается в том, что они выступают важным элементом воли к власти и стремления к наживе субъектов этих технологий, препятствуя свободной деятельности человека. Эти технологии представляют собой вид символической власти, действующей не автономно от других видов, но функционируя в контексте различных со-

циальных институтов, практик, технологий, маскируясь в них, оказывая воздействие на объекты.

В этой связи актуализируется задача по изучению значения конкретных технологий массовой манипуляции в процессе политической коммуникации. Актуальность решения данной задачи определяется тем, что процесс политических преобразований, трансформации политического слабо управляем и трудно прогнозируем¹. В качестве таковой может рассматриваться, например, электоральный цикл. Для определения проблемы порогового воздействия технологий массовой манипуляции целесообразно провести мониторинг, включающий в себя несколько социологических опросов одних и тех же лиц, отнесенных к одной из социальных групп. С точки зрения прикладной методологии проблема фиксации порогового значения технологий массовой манипуляции на выбранную социальную группу предполагает выявление:

- степень информационной вовлеченности социальной группы в конкретный процесс;
- основные источники информации о наличной политической конфигурации;
- определение готовности к действиям политического характера той или иной социальной группы (возможность участия в выборах и протестных акциях, высказывание своей позиции в различных медиумах);
- совокупность идеологием основных сил политического события, посредством которых осуществляется манипулирование общественным мнением и формирование соответствующей собственным интересам социально-политической конфигурации;
- половозрастные и этнические параметры респондентов.

Сбор и анализ этих данных позволит определить характер и степень влияния технологий массовой манипуляции на современные политические процессы, что, в свою очередь, позволит сформировать более адекватный взгляд на сущность феномена технологий массовой манипуляции.

Примечание

¹ Михайличенко, Д. Г. Субъективация современного человека на фоне технологий массовой манипуляции психикой. Уфа : БашГУ, 2010. С. 12.

Г. А. Андреев

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В НОВЕЙШЕЙ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ. «КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Предпринята попытка рассмотреть тенденции гендерной критики в области философии культуры, приведена краткая характеристика новейшей западной культурологической дисциплины «Культурные исследования», предлагающей новые методы культурного познания.

Ключевые слова: «Культурные исследования», власть, герменевтика, гендер, феминизм, современный, сущность, женское, мужское, критика.

Приступая к разговору о категориях Мужского и Женского¹, следует в первую очередь определиться с тем, что это за понятия, и какое отношение они имеют к философии культуры. Понятия мужского и женского вписываются в другую область научно-философского знания – гендерные исследования, – а проблематика соотношения мужского и женского является частью гендерной проблематики философско-культурных исследований. Термин ‘гендер’ впервые был введён в науку в 1958 году психоаналитиком Робертом Столлером. Для уточнения данного понятия воспользуемся более поздним определением, данным британским социологом и представителем феминизма Энн Оукли в работе «Пол, гендер и общество»: «“Пол” (sex) является словом, которое соотносено с биологическими различиями между мужчиной и женщиной: видимая разница в гениталиях, соответствующая разница в воспроизводящей функции. “Гендер” (gender) между тем есть предмет культуры: он соотносён с социальной классификацией на “маскулинное” и “фемининное” <...> постоянство пола должно быть признано, но также должно быть (признано) разнообразие гендера»². В России современная проблематика (в том числе и философская) Мужского и Женского, находясь под патронажем гендерной мысли, защищена тем самым от недопонимания, потому что сами термины Мужское и Женское не являются научно общепринятыми и всё ещё вызывают очень много вопросов и порождают спектр ассоциаций, большинство из которых направлены на тривиализацию данной области знания и сведение её к житейской мудрости, некоторому учебнику взаимоотношений полов.

В целом, упоминая гендерную философию и философию Мужского и Женского, необхо-

димо обратить внимание на черту различия, которая исторически существует между этими двумя направлениями. «Гендерный подход» – это философско-культурологическое течение, сформировавшееся в XXI веке, дитя постмодерна, если возможно так выразиться, со всеми вытекающими особенностями методологии и метафизическими предпосылками. Философия женского имеет истоком концепт ‘Вечная женственность’, уходящий своими корнями в древность и имеющий намного более богатую историю своего существования и наращивающий своё смысловое многообразие с течением времён и накоплением культурно-философского опыта. То, в каких формах проявлялось стремление человека к «вечной богине», остаётся за рамками данной статьи, хотя вопрос этот, несомненно, способен вызвать глубокий интерес и увлечь не только и не столько философа, сколько поэта и художника. Предприняв ревизию истории философской мысли, можно обнаружить «всплески» Вечной женственности и женского видения в философии, попытки преодолеть абсолютизм, логицизм, позитивизм мысли, реформировать идеализм и повлиять на метафизические и методологические основания философии. Конечно же, «женский взгляд» – это исторически мужское достижение, то есть мы наблюдаем его в сочинениях и работах философов мужчин, но это произошло только потому, что история имеет патриархальные корни и изначально писалась мужчинами. Мы не знаем женских сочинений, разрабатывающих эту тему потому, что их отвергла патриархальная история. Концепта Мужского изначально не существовало, по той причине, что вся традиционная мысль была Мужской. Мужское, образовавшись как сущность наравне с Женским и противостоящая Женскому, как концепт родилось только

в XX веке. Можно сказать, что философия Женского и философия Мужского существует и существовала всегда, но актуализировано и осмыслено это различие было только во второй половине XX века.

Слово 'сущность' в описании Мужского и Женского концептов является ключевым и представляет собой примечательную игру смыслов. Женское и Мужское – это метафизические сущности, наши попытки провести водораздел между двумя типами мышления, но гендерный подход, подвергая Мужское и Женское рефлексии, предлагает в том числе и антиэссенциалистский (антисущностный) тип философии, выступающий против разделения процесса познания и участников познания на объект и субъект и выделения каких бы то ни было законченных и самостоятельных познанных сущностей. Можно констатировать следующее наблюдение: жизнь и мысль, как атрибут жизни, – не терпят «сущностной» тюрьмы и бегут и сопротивляются каталогизации, типологизации и логической категоризации, однако теоретическое мышление не способно существовать и давать результаты без того, чтобы не разделить предмет изучения на области, подклассы и понятия и закрепить его в сети категориального аппарата. Таким образом, без логики нет теоретического научного мышления как такового, но теория никогда не способна охватить жизнь. Применимо к нашей теме это означает, что возможен разговор о Женском и Мужском, но нельзя в жизни получить эти концепты в чистом виде. Они носят сугубо идеальный характер и являются идеальными сущностями. Американская феминистка-философ Джудит Батлер, говоря об антиэссенциализме в контексте гендерной проблематики, полагает, что мужская и женская сущность «являются местом постоянной открытости и возможности переобозначения»³. Другими словами, невозможно ограничить, зафиксировать ту или иную сущность таким образом, чтобы можно было сделать её инструментом воздействия власти. Само понятие 'сущность' теряет свой смысл и заменяется понятием 'размытость'. Термин 'власть' в гендерной философии применяется в том значении, которым его наделил французский мыслитель Мишель Фуко. Власть, как проникающая во все сферы жизни и реализуемая через людей практика или набор практик, который, подавляя свободу личности, является в то же время фундамен-

том для построения этой самой личности. Другими словами – власть даёт возможность каждому человеку разрушать и строить как себя, так и окружающий мир. Власть – это набор сил.

Возвращаясь к вопросу бытия сущностного мышления, следует отметить: при пристальном рассмотрении становится ясно, что главная проблема, против которой борется антиэссенциализм в вопросе гендера, – это положение о закреплении женской и мужской сущности за определённым полом или, другими словами, проблема природной данности пола. Вопрос этот, вторичный для философии, является важным в исследованиях культуры и довольно злободневным в социально-политических науках. Предшествующая философская традиция считала само собой разумеющимся, что мужчина – это мужественность, а женщина – это женственность, и точка. Обсуждался лишь вопрос воспитания и необходимости соответствовать ожидаемой социумом линии поведения. Поло-ролевой вопрос, будучи маловажным, являлся, однако, скрытой и неотъемлемой характеристикой классической философской мысли, которая была выявлена и представлена на обозрение феминистской постмодернистской традицией как патриархальный склад мировой философской мысли и культурного опыта. Современность, наряду с другими достижениями, открыла феномен тотальной текстуальности мира, а затем и метод деконструкции текста, выявления его скрытых смыслов, способных дать глубинную характеристику не только автора, но и времени, в котором создавался текст и языка, используемого при написании. Этот прорыв явился серьёзным ударом по классической философии и её эпигонам. Обвинения в абстракции, отрыве от реальности и тотальном узурпаторстве мысли были предъявлены прошлой традиции современными философскими исследователями. В искусной интерпретации феминизма вся история философской мысли – это история патриархального давления и гендерного дисбаланса, мужской привилегированности и исключительности, мыслительного, философского тоталитаризма. По словам белорусского исследователя-феминистки Альмиры Усмановой, «наиболее радикальным шагом феминистской критики явилось вторжение в сферу философии – “святая святых” патриархальной культуры, традиционно понима-

емой (со времен Платона и Аристотеля) как исконно мужская сфера занятий, узурпировавшая право на рефлексию. Без критики авторитарного дискурса философии, причем с его же помощью, то есть путем препарирования “изнутри”, все остальные достижения кажутся слишком поверхностными, незначительными, затрагивающими лишь верхушку айсберга...»⁴.

Однако, как оказалось, современная философия антиэссенциализма имеет своё слабое место, которое заключается в невозможности построить сколько-нибудь серьёзную теорию, не противореча принципам антисубстанциального манифеста о невозможности закрепить реальность в понятии. В данной ситуации требовался выход или же компромисс с целью создать новые основания для рефлексии. Решение было найдено во второй половине XX века, когда в США и Европе возникло новейшее культурно-философское течение, которое обнаружило себя в философском феминизме, гендерных исследованиях и других направлениях, объединённых впоследствии под названием «Культурных исследований» («**Cultural Studies**») как нового междисциплинарного и предельно гибкого подхода к изучению культуры, систематизации и анализа знания о ней. То, что разрешение указанного противоречия было найдено именно на Западе, не удивительно, потому что в США и некоторых странах Европы проблема идентичности человека во всём её многообразии (культурная, политическая, социальная, половая, расовая и др.) активно обсуждается в обществе, начиная с середины XX века, и является центральной культурно-философской проблемой современности. Именно «Культурные исследования» получили статус самых актуальных философских исследований XXI века, а изучение культуры вышло с эмпирического или сугубо философского уровня на междисциплинарный. Для того чтобы понять, почему именно культура стала центром современных философских диспутов, необходимо дать новейшее определение культуры. Сам факт того, что понятие ‘культура’ имеет множество определений, данных учёными-культурологами, зафиксированных в философских и культурологических словарях, наводит на мысль о «неразрешимой» проблеме существования субстанции. Действительно, с одной стороны, о существовании культуры спорить бес-

смысленно, так как всем известно, что она есть, но что именно она есть – сказать определённо не может никто. Дело в том, что благодаря бесконечному богатству культурного материала, опыта и жизни, конечное определение культуры ускользает, и можно говорить о различных аспектах понимания культуры (научного, обыденного, философского и других). Можно отметить, что культура – это комплексное и противоречивое явление, настоящий двигатель с миллионами шестерёнок. Лучшее определение с позиции антисубстанциализма – это метафора, – ёмкое, красивое, многозначное художественное выражение, способное пробудить интерес к предмету, тягу к познанию и творчеству, открытию нового. Культуру, таким образом, можно определить как матрицу, в которой единичный человек прощается со своим заключением в брэнном одиночестве и раскрывается навстречу духовной, творящей, великой бесконечности Вселенной. Обращаясь же к философии культуры, можно выразить сущность этого пока ещё неопределённого словосочетания следующим образом: «Философия культуры – это рефлексия о роли человека в великой духовной бесконечности Вселенной». Данное определение опровергается наукой логикой, потому что формально оно не корректно, однако ещё Анри Бергсон заметил, что жизнь и человеческое сознание как субъект жизни не регламентируется законами физики и логики мышления.

Однако для того чтобы иметь удельный вес и не улететь в разряжённое пространство художественного искусства, чистый антисубстанциализм должен быть дополнен стремлением к конкретному, единичному, особенно тем самым стремлением, которое характеризует науку и логику. Необходимо было осознать, что точное ясное определение, а также основные философские категории не могут быть упразднены, потому что они лежат в основе мышления человека, но они определённо должны быть лишены своей авторитарной однозначности. Это могло произойти только на почве ускользающего богатства многообразия, дополненного живыми, кровотокащими, разрушительными противоречиями и конфликтами, – того, что представляет собой мир человеческой культуры. «Культурные исследования» как философско-научное течение, исходя из многообразности и невозможности заключения культуры в рамки определения,

обратились к стратегии синтеза многочисленных подходов в изучении культуры и выявления различных сторон её бытия. При этом был преодолен вечный разрыв между теорией и практикой; мысль и действие уравнились в своей значимости, совпали в акте сознания и были представлены как неразрывное целое. Была дана установка на преобразование мира на тех началах, которые диктуются не разумом, но сознанием, а точнее, великим множеством сознаний, которые наполняют жизненное пространство. Главной предпосылкой всякого сознательного акта явилось признание своей ограниченности, текучести, фрагментарности и неспособности адекватно воспринять и решить проблему единолично. Данное признание многообразия видений мира имеет колоссальное значение и является осью, вокруг которой крутится весь процесс современных исследований культуры.

Философско-культурологическая база «Культурных исследований» включает в себя такие направления философской мысли, как феноменология, герменевтика, сочетает в себе достижения структурализма и постструктурализма, а также другие разновидности постмодернистской философской мысли. По сути, «Культурные исследования» сами явились новейшим порождением научной деятельности, основными характеристиками которой являются междисциплинарность, кросскультурная ориентация и оригинальная методология, направленная на то, чтобы, используя диалогический подход, дать максимально обстоятельную, непредубеждённую «живую» характеристику явлениям внешнего мира, данным в феноменах. Диалогический подход, в основе которого лежит, по мысли Бахтина, признание чужой смысловой позиции, способность услышать чужой голос, понимание невозможности существования абсолютного знания о предмете, утверждение его текучести и изменчивости, собственной зависимости от личных и коллективных предрассудков, установка на существование уникального горизонта понимания – всё это направлено на то, чтобы совместить теорию и практику и способствовать личным и коллективным научным творчеством разрешению самых больших и злободневных проблем современности.

Таким образом, «Cultural Studies», или «Культурные исследования», или «Исследования культуры», – точного термина на русском языке пока не существует – пред-

ставляют собой собирательное понятие, связывающее воедино все науки и дисциплины, направленные на исследование культурных процессов. В общем мыслительном процессе здесь задействованы философия, история, социология, культурология и огромное количество смежных дисциплин, поэтому «Культурные исследования», в первую очередь, любопытны не своим предметом, а своим методом, своего рода манифестом, в соответствии с которым ведётся научно-исследовательская работа. Ниже представлены основные черты, благодаря которым можно сегодня выделить «Культурные исследования» как отдельное направление научной мысли.

1. Междисциплинарность. Используется метод обращения к различным областям научного знания с целью дать как можно более полную трактовку изучаемого объекта. Таким образом, происходит обращение к знанию как таковому с использованием различных подходов и методов.

2. Теоретико-практическая направленность. Здесь имеется в виду попытка совместить достижения в теоретической и практической части, не отдавая предпочтение какой-то одной области единого исследовательского процесса. Авторы книги «Practice of Cultural studies», философско-научного пособия, цель которого – обосновать и выявить характерные особенности и возможности методологии «культурных исследований», говорят о практике, всеохватывающем научно-познавательном процессе, представляющем собой действие, направленное на изменение окружающего мира, но имеющее в основании разработанную теоретическую базу и развёрнутую систему философского мышления. Таким образом, происходит обновление тезиса Маркса о том, что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»⁴ и ещё раз обосновывается старый афоризм о том, что теория без практики мертва, а практика без теории слепа.

3. Следование философским постулатам герменевтической и феноменологической школы, а также разветвлённой постмодернистской традиции анализа явлений окружающей реальности. Для любого многогранного и обширного течения мысли необходимо иметь крепкую теоретическую и методологическую основу, которая и была обнаружена в указанных выше традициях и направлениях философской мысли. Положения о диалогиз-

ме, предустановочном характере сознания и мышления человека, предрассудках и горизонте понимания, текстуальности реальности, фукианские мотивы тотальных властных отношений и другие известные современным учёным тенденции, гипотезы, наработки находят отклик и прикладное применение, развитие в области «Исследований культуры».

4. Направленность на достижение дидактических целей. Важно, что «Культурные исследования» представляют собой, скорее, международную университетскую практику, чем единоличные кабинетные работы. Понимается, что студенты, преподаватели, учёные и социокультурные деятели, а также другие заинтересованные лица вместе делают одну работу. При этом многому приходится учиться. Много совершается коллективно, в процессе конференций, бесед и дискуссий, а также практических исследований и экспериментов, проводимых под эгидой исследовательских и учебных организаций. Таким образом, философия в который раз возвращается в стены университетов с тем, чтобы оборудовать их под собственную исследовательскую базу и заниматься изучением реальных культурных взаимодействий в мире.

Перечисленные выше характерные черты дают возможность понять, что представляет собой практика «Культурных исследований» в действительности. Теоретически о чём-то оригинальном и принципиально новом говорить пока невозможно: всё то, что открывается и используется современными профессионалами, ещё не успело пройти через горны истории и вылиться в законченные и изученные формы философского знания, но уже сегодня предельно ясно, что в актуальной действительности – это, несомненно, серьёзный шаг в развитии научного знания, попытка различных дисциплин открыться друг другу ради взаимодействия и обмена опытом, а главное, достижения результата.

В отношении гендерного подхода в философии культуры «Культурные исследования» также представляют собой новый виток, потому что именно в этой области были предприняты первые попытки преодолеть противоречия между философским эссенциализмом и анти-эссенциализмом – двумя течениями, расколовшими движение феминизма и своим подрывом фундаментальной незыблемости категорий (в том числе и бинарной оппозиции «Мужское-Женское») поставившими современную ген-

дерную метафизику под знак вопроса. Именно здесь была осознана необходимость «живой теории», той самой, о которой говорил Делёз: «Теория – это нечто вроде ящика с инструментами. Она не имеет ничего общего с означаемым <...> Надо, чтобы она служила, чтобы она работала. И причем не ради себя. А если нет людей, чтобы ею воспользоваться, начиная с самого теоретика, который в таком случае перестает быть теоретиком, то это означает, что теория ничего не стоит или же ее пора ещё не пришла»⁶. Была произведена попытка снять многовековое противоречие Мужского и Женского и нащупать путь гармоничного развития гендерных полюсов. «Культурные исследования» соединили теоретические достижения и практику для того, чтобы не только описывать, классифицировать, изучать, но и менять мир, принимать непосредственное участие в его жизни. Это новая попытка создать философию действия, и каждый мыслящий человек свободным и ответственным волеизъявлением способен принять её и включиться в созидательно-рефлективную деятельность современности.

Примечания

¹ С целью показать смысловое различие между половым делением на мужское и женское и философскими категориями Мужского и Женского, автор вводит написание указанных категорий с заглавной буквы.

² Tuana, N. Re-fusing Nature/Nurture // *Hypatia Reborn. Essays in Feminist Philosophy* / ed. By Azizan Y. Al-Hibri and Margaret Simons. Indiana Univ. Press., 1990. С. 77.

³ Батлер, Д. Случайно сложившиеся основания : феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / под ред. И. А. Жеребкиной. СПб. : Алетейя, 2001. С. 242–243.

⁴ Усманова, А. Беззащитная Венера : размышления о феминистской критике истории и теории искусства [Электронный ресурс] // *Arche* (Минск). 1999. № 3. URL : <http://arche.bymedia.net/3-1999/usma399.html>.

⁵ Маркс, К. Тезисы о Фейербахе // Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 25. С. 4.

⁶ Мишель, Ф. Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С. Ч. Офертаса ; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2002. С. 68.

А. В. Маркова

СЕМЕЙНЫЕ СИТКОМЫ: АСПЕКТЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассматриваются аспекты культурологического анализа семейных ситкомов на современном российском телевидении. Обосновывается возможность влияния трансляции семейных ситкомов на телевизионную аудиторию, моделирование семейных отношений. Аргументируется научный интерес к семейным ситкомам.

Ключевые слова: семейные ситкомы, телевидение, семейные отношения.

Активность исследования различных аспектов телевидения имеет возрастающую тенденцию (Н. А. Барабаш, Ю. А. Богомолов, А. С. Варганов, С. А. Герасимова, В. В. Егоров, Н. Б. Кириллова, Т. А. Марченко, М. Маклюен, В. И. Михалкович, С. А. Муратов, О. Ф. Нечай, К. Э. Разлогов, И. И. Романовский, Е. С. Сабашникова, В. С. Саппак, В. А. Саруханов, Е. А. Сергеев, Н. В. Суленёва, В. С. Турбин, Н. А. Хренов, В. Л. Цвик, А. Я. Юровский и др.). Однако анализ научных трудов отечественных исследователей телевидения выявил периферийность интереса к одному из видов телевизионной продукции – семейным ситкомам. Ситуационная комедия или ситком (англ. ‘situation comedy, sitcom’) определяется как разновидность телепрограмм, с постоянными персонажами и местом действия. Стабильную популярность ситкомов обеспечивает множество факторов. Главными, как показало исследование, являются комическое отображение повседневности и оптимистические решения проблем: победа, смех над повседневными невзгодами, некая игра в реальность, вариативность проживания ситуаций персонажами¹. Ситкомы, претендующие на отображение существующей реальности, латентно побуждают зрителя к выбору определённых действий и поступков в ситуациях, схожих с теми, что проживают телевизионные персонажи.

Семейные ситкомы являются поджанром ситкомов. В них в качестве главных героев действуют персонажи одной (как правило, расширенной) семьи. Характерными коллизиями являются разрешения внутрисемейных проблем. В свете внимания к вопросам семьи и брака в современном обществе научный интерес к семейным ситкомам достаточно актуален. Анализ семейных ситкомов на современном российском ТВ («Моя прекрасная

няня» канал СТС, «Кто в доме хозяин» канал СТС, «Воронины» канал СТС) позволяет выдвинуть предположение о модификации моделей семейных отношений, транслируемых в семейных ситкомах. Актуальность данного исследования находит своё подтверждение и в практическом отсутствии отечественных работ по анализу семейных ситкомов на современном российском ТВ.

Современные исследования в области телевидения подчёркивают его доминирующие позиции среди СМИ. Подобное доминирование связано, по мнению У. Рассела Неймана с желанием людей выбрать путь наименьшего сопротивления. Иначе говоря, «успех телевидения есть следствие базового инстинкта аудитории выбирать то, что более доступно»². Известно, что доминирующим в качестве домашних занятий является просмотр телевизионных программ. Семейные ситкомы подходят для категории совместного, семейного телевизионного «чтива».

Проблема, по нашему мнению, заключается в том, какие именно модели семейных отношений транслируются современным российским телевидением. С одной стороны, все сюжетные коллизии в семейных ситкомах разрешаются позитивно, демонстрируя победу либо здравого смысла, либо искренних положительных чувств у членов семьи друг к другу. С другой стороны, специфическими чертами ситкомов являются юмор и определённые типажи. В семейных ситкомах стабильно присутствует набор следующих типажей: наивный дурачок, милый и невезучий простак, зловредный малютка, надоедливые родители. Отметим, что данные типажи носят не психологический характер персонажей, а некую устоявшуюся социальную «маску». Изображение отцов в семейных ситкомах инфантильными подростками вызвало

озабоченность у зарубежных исследователей³. Возможно, это представляет интерес и для отечественных исследователей, особенно в области прикладной культурологии: ежедневная трансляция семейных ситкомов с надоедливymi родителями, зловредными детьми и фамильярным отношением к отцу может привести к восприятию и воспроизводству данных моделей в реальной жизни телеаудитории. Отметим, что в семейном ситкоме преобладает низкий юмор, периодически переходящий в иронию и даже сарказм. По нашему мнению, это является не вполне продуктивным материалом для трансляции моделей семейных отношений.

Исследования современного российского телевидения выделяют аспект примитивизации различных телевизионных программ, особенно развлекательных. Сошлёмся на Н. В. Суленёву, которая отмечает, что «телевидение, за счет простоты и удобства восприятия программ телезрителем, повторяемости, элементов сублимации (когда телеаудитория идентифицирует себя с персонажами в пространстве телевизионного продукта), конформизации сознания (снятии стрессов с помощью ложной позитивности, гармонизации предложенной ситуации) ориентирует распространяемые им духовные и материальные ценности на “усредненный” уровень развития массовой телеаудитории»⁴. «Усреднённость» семейных ситкомов носит двойственный характер: с одной стороны, простота восприятия и широкий круг аудитории; с другой стороны, нивелирование значимости традиционных семейных ценностей. Точечное влияние на происходящий процесс трансформации моделей семейных отношений в виде художественных фильмов или авторских программ будет, на наш взгляд, проигрывать ежедневной демонстрации более усреднённых, более примитивных вариантов.

По нашему мнению, намечается некоторое противоречие между культурными традициями, обычаями и нравами, сложившимися в современном российском обществе (которые являются регуляторами функционирующих культурных норм в повседневности телезрителя) и теми «культурными текстами», что транслируют семейные ситкомы.

Под культурным текстом мы, вслед за А. Я. Флиером, имеем в виду «любые продукты человеческой деятельности – вещи, сооружения, произведения, поступки, суж-

дения, – каждый из которых может быть прочитан и дешифрован как текст»⁵. Анализ текстов семейных ситкомов интересен, как минимум, в двух аспектах: как анализ непосредственно диалогов ситкомов (в вопросах природы комического, транзактных отношений, коммуникативных регистров и т. д.), так и в качестве выявления транслируемого в них культурного, ценностно-смыслового содержания социальной жизни человека. Включаясь в процессы социализации и инкультурации личности, семейный ситком оказывает влияние на телезрителя-«потребителя» телевизионного продукта; в свою очередь заинтересованность зрителя в семейных ситкомах (выраженная в высоких рейтингах популярности) превращает зрителя в «производителя» культуры. Это взаимообразный процесс, несомненно, представляет интерес для исследований в точке пересечений социальной культурологии, психологии культуры, культурной семантики. Семейный ситком как зарекомендовавший себя устойчивый элемент социокультурного феномена – телевидения – становится предметом культурологического исследования в его социально-консолидирующем, нормативно-регулятивном, ценностно-смысловом, знаково-коммуникативном и социально-воспроизводящем аспектах. Мы согласны с мнением С. А. Герасимовой, что разработка «концепции формирования культурных ценностей под воздействием телевидения может способствовать созданию научных основ оперативной культурологической диагностики телевизионной продукции и эффективной регуляции этого процесса»⁶. Таким образом, культурологический анализ семейных ситкомов на современном российском телевидении представляется нам достаточно обоснованным.

Примечания

¹ Маркова, А. В. Ситком на современном российском телевидении : интеграция культур // Россия и Европа : связь культуры и экономики рекламы : материалы междунар. науч.-практ. конф. (24 декабря 2010 года) : в 2 ч. Ч. 2. / отв. ред. А. В. Наумов. Прага : DigiTisk Studio spol. s r.o., 2011. С. 216.

² Емченко, Е. П. Жизненный мир повседневности человека в контексте современной телевизионной рекламы : дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2011. С. 72.

³ Hennon, T. Does Father Still Know Best? An Inductive Thematic Analysis of Popular TV Sitcoms / T. Hennon, E. Kuvalanka // Miami Univ. 2009 by the Men's Studies Press, LLC [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mensstudies.com>.

⁴ Суленёва, Н. В. Современная телевизионная режиссура в аспекте работы над художественным текстом рекламы : дис. ... д-ра культурологии. Ярославль, 2010. С. 6.

⁵ Флиер, А. Я. Культурология для культурологов : учеб. пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей рекламы. М. : Согласие, 2010. С. 33.

⁶ Герасимова, С. А. Телевидение как средство формирования культурных ценностей личности рекламы : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2000. С. 5.

С. И. Маджаева

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА МЕДИЦИНЫ

Статья посвящена проблеме глобализации коммуникации в сфере медицины. От глобализации в сфере медицины зависит и язык медицины, а от выбранного слова зависит жизнь человека, непонимание приводит к неправильному лечению и неэффективному использованию современных методик для профилактики заболеваний. Поэтому существует необходимость гармонизации медицинской лексики.

Ключевые слова: глобализация, гармонизация, медицинская лексика, медицинский дискурс.

Особенности и влияние глобализации на жизнь общества, характерные черты этого влияния на развитие медицины все больше привлекают внимание исследователей. В условиях глобализации, когда происходит перестройка систем здравоохранения во многих странах, важно оценить эффективность системы не только по развитию новых технологий в сфере медицины, но и по изменению отношения врач-пациент. Исследователи глобализации пытаются сформулировать различные по своему смыслу концепты, которые бы отражали специфику современного мироустройства¹. Слово 'глобализация' не сходит со страниц СМИ, постоянно звучит из уст не только политиков, журналистов, но и медиков. Действительно, глобализация стала знаком времени.

Большинство исследователей считают, что глобализациям – закономерный и неизбежный этап развития человечества. В международном междисциплинарном энциклопедическом словаре «Глобалистика» слово 'глобализация' определяется как процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общества². В словаре глобализация определяется как растущая взаимозависимость мира. На практике это означает, что то, что происходит в одной части мира, влияет на развитие других частей, то есть без объединения усилий всего человечества невозможно решение глобальных проблем, важных для самого существования человека.

Будучи символом всеобщего, глобализация, однако, в ее гуманистическом смысле и толковании не имеет ничего общего с унификацией и стандартизацией. Глобализация – это то, что свойственно и принадлежит всем,

не требуя ни от кого отказа от своей индивидуальности и своеобразия. С другой стороны, все глобальное перестает быть только локальным, частным и автономным и становится общим достоянием.

Успехи нанотехнологий приведут к созданию нанороботов, которые будут собирать механизмы на атомарном уровне и синтезировать новые вещества, что позволит, введя нанороботы в организм человека, лечить многие болезни. Будут созданы системы искусственного интеллекта, решена задача создания синтеза организмов из отдельных клеток. На основе достижений молекулярной биологии и нейрофизиологии появятся возможности исправлять дефекты генетического кода (ДНК) и добиться победы над такими болезнями, как рак и т. п. Станет возможной мобилизация ресурсов головного мозга. Квантововакуумные технологии уже сегодня дают результат в таких областях, как прикладное материаловедение, энергодвигательные системы, а также медицина и др.³, то есть сущность глобализации открывается в явлениях и процессах более глубокого уровня.

Пользуясь данными о доле в мировой периодике таких дисциплин, как клиническая медицина, биомедицина и биология, непосредственно связанных со здравоохранением, можно сделать вывод о том, что они представляют сейчас более половины мирового научного знания. Их реализация произойдет, видимо, уже в первой четверти XXI века. При этом использование фундаментальных достижений биологии и генетики наиболее интенсивно ведется в фармакологии. Уже сегодня более 2/3 новых лекарств изготовлены с использованием методов биологии, что еще десять лет назад было лишь 5 % от общего объема новых лекарств. Значительный про-

гресс ожидается в связи с изучением заболеваний генетической природы и разработкой генноинженерных методов их лечения. Получение биотехнологическими методами в промышленном масштабе новых или особенно ценных лекарственных соединений, а также биодатчиков и диагностических препаратов, повысит эффективность диагностики и позволит перейти к вакцинации населения от широко распространенных или особо опасных заболеваний⁴. Значительные успехи будут достигнуты в производстве искусственных органов. Будут развиваться методы помощи престарелым людям, создаваться необходимое оборудование для поддержки их жизнедеятельности.

Таким образом, радикальное изменение жизни человеческого сообщества связано с развитием глобализационных процессов медицины и языка медицины в том числе.

Отправным пунктом является осознание и признание объективного факта: в мире возникли вопросы и проблемы, которые ни одна страна и народ не могут решить автономно, изолированно и безотносительно друг друга. Проблемы таких заболеваний, как *СПИД, сахарный диабет, инсульт, онкология, инфекционные заболевания*, требуют глобального подхода к их лечению вследствие их пандемичности.

Глобализация в медицине – процесс превращения медицины в явление глобального, общечеловеческого плана. Миллионы людей заболевают вышеназванными болезнями, в сферу медицины вовлечены не только специалисты-медики, но и парамедики, журналисты, политические деятели. Заболевания оказывают существенное влияние на все стороны жизни людей. Медицина становится одним из наиболее мощных механизмов здоровьесохранительного воздействия на людей. Катастрофический рост числа вредных веществ в среде и растущие «контратаки» микробного мира на антибиотики приводят к быстрому росту числа неизвестных человечеству заболеваний и резкому усложнению их природы: СПИД, рост доли онкологии, эпидемия туберкулеза, новые заболевания (птичий грипп, свиной грипп) и др. Пандемия заболеваний делает остро необходимым на основе фундаментальных общих механизмов выработать меры противодействия росту заболеваний.

А рост числа заболеваний и мер по профилактике и лечению требует и их вербали-

зации. В настоящей статье сделана попытка анализа наиболее сложных проблем, возникающих на пути создания глобального языка медицины, и перспектив развития этого языка, а конкретнее медицинской лексики, в эпоху глобализации.

Прежде всего, конкретизируем понятие медицинской лексики. В медицинской терминологии встречаются разные подходы – от включения в нее только медицинских терминов до рассмотрения всего многообразия письменной и устной речи на медицинские темы. В данной работе под медицинской лексикой понимается комплекс тех лексических средств выражения медицинских понятий, которые используются для коммуникации между врачом и его коллегой, врачом и пациентом, то есть совокупность медицинской терминологии и того лексического пласта и функциональных модификаторов, которые используются для уточнения, конкретизации, расширения и специализации содержания терминов. Под модификаторами понимаются функциональные варианты термина, выражающие обозначаемое им понятие иным способом, уточняющие, конкретизирующие термин, либо передающие содержание образно. Важной задачей медицинской терминологии является выявление устойчивой медицинской лексики, отделение ее от ситуативной, то есть определение границ лексического поля, пригодного для использования в глобальном медицинском дискурсе.

Какие требования предъявляет практика медицинского дискурса к медицинской лексике. Прежде всего, эта лексика должна быть понятна всем участникам глобального медицинского дискурса. Иначе говоря, вне зависимости от национальной, культурной или социальной принадлежности употребление этой лексики не должно вызывать недоразумений, неоднозначного толкования явлений, методов лечения, лекарственных средств и т. д. Поэтому язык медицины ориентирован на латинский и греческий языки. Траектория их заимствования проходит через английский язык в русский. Например; *insulin (L) – инсулин (E) – инсулин (P)*. **Функционирование латинских и греческих терминов обусловлено значимостью английского языка, ставшего источником для русских заимствований, языком-посредником международного общения, так как инновационный характер науки XXI века закрепил роль англоязычной терми-**

носферы как матрицы глобализованной науки. Английский язык занимает особое место в мире в связи с обширным ареалом своего распространения, значительным числом носителей языка. Следовательно, причины расширения границ использования английского языка учёными, принадлежащими к различным культурам, связаны с процессами глобализации в сфере медицины и коммуникативных технологий. Наряду с заимствованными терминами в языке медицины существуют интернационализмы. Ушли вглубь веков древнерусские названия заболеваний, изменилось их значение: вместо *вдушь* – *астма*, *прилипчивые болезни* – *инфекционные болезни*, *одержимые раной* – *хирургические* и т. д. Можно сказать, что язык медицины глобально унифицирован.

Из 3000 выбранных нами терминов предметных областей медицины ‘сахарный диабет’ и ‘СПИД’ 89 % специальной лексики понимаемы во всех странах: *diabetes, diabetes I type, virus, insulin, insulin pump, Down phenomenon, Langeran’s insula, diabetic* и др.

Греко-латинские терминоэлементы являются основой медицинской терминологии. Каждый из них имеет своё значение и уточняет не только специфику «картирования» мира в отдельно взятом языке, но и способствует выведению некоторых общих положений о понимании человеком главных бытийных категорий, особенностей мироздания. В предметной области медицины ‘СД’ характерными префиксами являются *hypo-, hyper-, ultra-/ultra-, non-, post-, sub-*, несущие значение пространства; специфичными суффиксами для терминосистемы ‘СПИД’ – *-pathy, -y, -ing, -osis, -tion*. Префиксы предметной области медицины ‘СД’ можно разделить на три группы: высокопродуктивные: *hyper-, hypo-, anti-*; среднепродуктивные: *re-, post-, sub-*; низкопродуктивные: *micro-, macro-*. Суффиксальная подсистема предметной области медицины ‘СПИД’ может быть представлена в виде следующих групп: высокопродуктивные: *-ossis, -itis, -oma, -tion*; среднепродуктивные: *-ing*; низкопродуктивные: *-ize*.

Интернациональными являются аффиксы латинского и греческого языков. например: *-oz, -um* означают *воспаление*, *-oma* – *опухоль*, *-tomia* – *рассечение* и т. д. Отличительной чертой суффиксов в медицинской терминологии является то, что они «передают значение, необходимые для медицинской терми-

носистемы»⁵, то есть адресат может понять содержание термина, зная значение аффикса. Каждый дериват указывает на то, какие языковые категории объединяются в формальной структуре этого номинативного знака и с какими ментальными категориями они соотносятся. Например, суффикс *-itis (-um)* означает ‘воспаление’ (*панкреатит* – *воспаление поджелудочной железы*, *блефарит* – *поражение глаз*).

Есть случаи, когда унификация терминосистем невозможна, проводится их гармонизация. Известный терминовед В. М. Лейчик определяет суть гармонизации следующим образом: «Не стремясь к достижению совершенно одинаковых терминов в разных языках, да и в разных терминосистемах, относящихся к близким областям знания, специалисты-терминоведы и представители предметных наук ограничиваются взаимной увязкой терминов и терминосистем в разной степени...»⁶. В связи с этим отечественными учеными была разработана методика гармонизации терминосистем, утвержденная Комитетом Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации и опубликованная в виде методических рекомендаций. Данная методика зарекомендовала себя как эффективный инструмент совершенствования средств международной коммуникации в сфере медицины. Мы считаем, что гармонизация на сигнификативном уровне, то есть на уровне медицинских словарей, представляется наиболее приемлемым способом глобализации медицинской лексики. Формирование единой международной терминологии медицины – объективная закономерность её развития в условиях глобализации. Исходным пунктом этого продолжительного процесса является чёткое определение сущности и взаимосвязи основных понятий – болезни, симптомы, методы лечения.

Таким образом, глобализация человечества требует выработки глобальной коммуникации, прежде всего языковой. Необходима гармонизация медицинских словарей, тезаурусов, поскольку процессы интеграции человечества в глобальное сообщество тормозятся языковой разобщенностью, словами, засоряющие язык медицины. Недостаток взаимопонимания, неоднозначность в глобальном медицинском дискурсе приводит к неправильному лечению, появлению ятрогенных заболеваний. Выявление и преодоле-

ние разногласий в понимании медицинской лексики помогут в успешном применении новых методов в лечении и профилактике заболеваний.

Задачи глобальной гармонизации медицины и медицинской лексики тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены, не отделимы друг от друга, поэтому и решаться они должны с участием всех заинтересованных сторон и с привлечением всех необходимых специалистов.

Примечания

¹ Неклесса, А. Проект «Глобализация» : глобальные стратегии в преддверии новой эры // Безопасность Евразии. 2000. № 1. С. 196.

² Глобалистика : междунар. междисциплинар.

энцикл. слов. / гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. ; СПб. ; Н.-Й. : ЕЛИМА : Питер, 2006. С. 163.

³ Матинян, Н. С. Глобализация медицины [Электронный ресурс]. URL : vsbulleten.narod.ru>Bull_2005_01_04-07.

⁴ Неклесса, А. Проект «Глобализация»... С. 196.

⁵ Новодранова, В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии (=Laterculi vocum Latinarum et terminogum) : монография. М. : Яз. славян. культур, 2008. 328 с.

⁶ Лейчик, В. М. Прикладное терминоведение и его направления // Прикладное языкознание : учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др. ; отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1996. С. 279.

А. Г. Запрудин, М. Н. Щербинин

РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ КИНО. СМЕНА ПОЗИЦИИ ФИГУРЫ АКТЕРА В СОВРЕМЕННОЙ ИНДУСТРИИ РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Статья посвящена теме влияния современных цифровых технологий на процесс сотворения кинореальности и закономерностей ее развития, новым возможностям воплощения экранных героев, которые открывает использование компьютерной графики. Затрагивается проблема двойственности влияния спецэффектов на развитие кинематографа. Основное внимание автор акцентирует на процессах очеловечивания компьютерных и мультипликационных персонажей, в противовес развоплощению героев в классической кинодраматургии.

Ключевые слова: фигура, экранная культура, очеловечивание, расчеловечивание, олицетворение, воплощение.

Современная экранная культура максимально приблизилась к повседневной жизни человека – экранность преследует человека повсюду, становится неотъемлемым элементом человеческого бытия. Взгляд на себя со стороны сквозь призму экранной культуры позволяет управлять трансформацией своего образа, идентифицировать себя согласно настоящим условиям и делать это максимально быстро. Кино-вселенная живет по своим законам, и любое действие в ней подчиняется какому-либо образу. Важно не столько «что» происходит, а «как» происходит. Таковы законы кинодраматургии – любое действие, любое желание, любое состояние должно быть наглядно проиллюстрировано. Передать внутренний мир персонажа можно только благодаря визуализации каких-либо его качеств.

В то время как кино и кинореальность вызывают интерес в различных сферах науки и уже несколько десятилетий находятся под пристальным взглядом философии, компьютерная графика в контексте экранной культуры практически не изучается. Между тем именно компьютерная графика стала вехой, которая позволяет всерьез рассматривать современную визуализацию в кино с точки зрения философии. Суть в том, что с помощью компьютерной графики можно получить абсолютный контроль над кинореальностью. Тот контроль, которого в реальной жизни невозможно будет добиться ни при каких обстоятельствах. Сейчас автор, используя современные технологии, может выразить какой угодно смысл, любую идею, придать своему повествованию нужную глубину. На этой волне становится популярным очело-

вечивание различных компьютерных персонажей, особенно в сфере непосредственно мультипликации. Этот прием является своего рода антиподом драматургического расчеловечивания главного героя или определенного персонажа. Теряя человеческий облик, отдаляясь от морали, от привычного понимания общечеловеческих ценностей, персонаж не только способен вызывать у зрителя сочувствие, он также способен олицетворять собой определенный замысел, или воплощать какое-то качество – порок, страх и т. д.

Так можно ли с помощью графики воплощать не только примитивные объекты кинобытия, но даже идеи? С помощью компьютерных спецэффектов мы можем как дополнить виртуальное пространство картины, так и «подчистить» его. Такая возможность дает огромные преимущества в процессе съемок, на этапах пост-продакшена. Помимо эстетической направленности этих возможностей (таких, как возможность, скажем, убирать с улиц города рекламные щиты или кучи мусора), приемы использования компьютерной графики позволяют вмешаться непосредственно в содержание определенных образов, изменить их суть. Убери режиссер лица людей, самым настоящим образом стерев их, – и самая обыкновенная толпа изменится до неузнаваемости, понесет в своем образе иной смысл, нежели могла нести изначально. Конечно, «убрать» лица можно и с помощью грима или каких-то хитрых визуальных приемов, но лишь компьютерные эффекты позволяют трудиться в этом направлении столь масштабно. Некоторые идеи до сегодняшнего дня были настолько ресурсоемки, что даже именитые режиссеры – люди, творящие

историю кинематографа, отказывались верить в то, что их возможно воплотить («Властелин колец», Стэнли Кубрик и Питер Джексон). Умелый подход позволяет использовать компьютерные визуальные эффекты не только во благо зрелищности, с эстетической точки зрения, но и дает возможность испытывать новые способы создания кинореальности, а также помогает воплощать сложнейшие замыслы.

Механизм, который по-настоящему раскрывается сейчас лишь благодаря использованию цифровых технологий, – это очеловечивание неодушевленных предметов, животных, вымышленных персонажей. Подобная практика уходит корнями к истокам кинематографа и мультипликации. Еще Жорж Меллès в знаменитом «Полете на Луну» придал спутнику Земли человеческий облик; Уолт Дисней также славился тем, что заставлял неодушевленные предметы кружиться в танце, причудливо трансформироваться и удивлять с экрана зрителей своей живостью и «человечностью». Если человек, теряющий свой природный облик (как в прямом, так и в переносном смысле), способен вызвать отчуждение, жалость, то анимационный персонаж (если рассматривать это явление в контексте применения компьютерных спецэффектов, в том числе и в кино), прежде всего, вызывает симпатию. На сегодняшний день подобный прием – очеловечивание – часто используется в низкобюджетной постмодернистской мультипликации («Пол-литровая мышь», «Команда фаст-фуд»), чтобы привлечь внимание зрителя к проблемам неодушевленных персонажей, которые по своей сути являются некими проекциями современных архетипов. Наделение фигуры гиперболическими характеристиками наиболее ярко проявляет в персонаже определенные стороны, которые в реальной жизни не могли так ярко проявиться или выделиться – в результате взору зрителя предстает герой/антигерой «в чистом виде», без примесей, например, «бытовухи».

После выхода на экраны культового фильма «Аватар» многие критики высказывали мнение, что история кино разделилась на две части – до «Аватара» и после. Сыгравшие в фильме актёры говорят, что получили новый опыт, но вместе с тем в актёрской среде нарастает тревога – новый трёхмерный кинематограф может и вовсе отказаться от услуг актёров, если использовать компьютерную модель человека станет гораздо дешевле.

Доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Капитал страны» Евгений Балацкий, например, констатирует: «Теперь и физиономия голливудских звёзд уже по сути дела не нужна. Компьютерщики-аниматоры справляются с фильмом и без этого. Они уже могут создавать гораздо более выпуклые и интересные образы, чем те, которые им предлагают актёры. Развитие идёт в сторону идеализации всех процессов и избавления от избыточной материи. Пришло время освободиться от актёрского балласта, а с ним, разумеется, и от остальных ребят: операторов, каскадёров и т. п.»¹.

Для современного киноискусства характерна ситуация, когда, по словам А. Тарковского, «актер должен оказаться в таком психологическом состоянии, которое сыграть невозможно»². О сверхигровом содержании киноискусства говорит М. Н. Щербинин, выявляя его социокультурные и когнитивные возможности, его назначение в целом. Говоря о роли актёра в кино в построении и передаче особого смысла, в решении задачи смыслообразования, он ссылается на С. С. Гинзбурга: «Собственные индивидуальные качества исполнителя имеют в кинематографе настолько большое значение, что в отдельных случаях для воплощения образа могут быть привлечены неактеры»³.

Благодаря современным техническим средствам фактически можно взять характеры, мимику, пластику вообще различных актёров и слить все их достоинства в одного персонажа. Это не то, когда человек входит в роль, – это ситуация, когда несколько человек вошли в роль и создали один идеальный образ. Таким способом создания персонажа воспользовался Роберт Земекис в фильме «Беовульф» (2007), где самого Беовульфа играл один человек, а его тело (торс) играл другой. Тело второго актёра было оцифровано, чтобы выглядело достоверно, за основу взяли его атлетическую фигуру, а лицо было похоже на драматического актёра, который его и играл. Так буквально совместили двух персонажей в одном, при этом совместили бесшовно, в виртуальном пространстве, зрителям не видно разделения: где голова, где тело. Это было бы невозможно без применения компьютерной графики, без применения виртуальных технологий.

Самыми удачными примерами последних достижений технологий и самыми масштаб-

ными фильмами являются «Аватар», «Трон», «Приключения Тин-тина». В создании этих фильмов задействованы технологии «motion captures» и «performance captures». На практике эти технологии выглядят следующим образом: на актера надевается специальный костюм и датчики, в результате его движения и мимика захватываются на компьютере, впоследствии данный видеоматериал может быть отредактирован и сопоставим с какой-то виртуальной моделью.

Подобное воплощение образа на самом деле является сложным процессом, не только (и не столько) технически – ведь экранный герой очеловечивается посредством развоплощения реальных людей на определенные «составляющие». Так, один индивид предоставляет герою «лицо», другой «фигуру» – выбирается только лучшее, только ярко выраженные качества. Художники «смешивают» и дорабатывают полученный образ в стремлении воплотить определенную сущность. В таком контексте персонаж является не видимым, а реальным результатом синтеза различных человеческих качеств, характеристик. Сама фигура актера на этом фоне играет совершенно другими красками – ведь экранный образ рождается уже не внутри одного актера, а в результате внешнего синтеза. Этот факт откладывает отпечаток не только на восприятие экранного образа, но и на восприятие реальной фигуры актера (как в кинопространстве, так и в реальной жизни). Вдобавок открываются интересные, не исследованные ранее перспективы воплощения экранных героев.

Разумеется, в кинематографе уже были попытки создания единого образа посредством слияния нескольких актеров: можно принять во внимание даже практику дублеров в кино, когда каскадер выполняет те трюки, которые сам актер выполнить не в состоянии. Также известны случаи, когда один и тот же герой в рамках одного сюжета создается силами нескольких исполнителей роли, и в данном случае речь не о франшизах и сиквелах, когда в следующей части фильма знакомого персонажа играет другой актер, а о конкретных проектах, где такой подход обусловлен режиссерским замыслом. Примерами могут служить «Воображариум доктора Парнасса» (реж. Терри Гиллиам, 2009), где главного героя изобразили Колин Фаррел, Хит Леджер, Джонни Депп, Джуд Лоу, или «Меня там

нет» (реж. Тодд Хейнс, 2007), за который Кейт Бланшетт, сыгравшая наряду с другими актёрами одну из семи ипостасей знаменитого певца Боба Дилана, была номинирована на «Оскар». С одной стороны, подобное возведение образа в степень (умножение персонажа на сумму характеристик исполняющих его актеров) предполагает удивительное разнообразие, большой творческий потенциал, с другой стороны, такой подход может сказаться на экранном образе не совсем благоприятно – в результате подобного развоплощения героя на определенные составляющие нарушается единство восприятия персонажа зрителем. В итоге у зрителя могут возникнуть проблемы с погружением в вымышленное пространство и, вследствие, с самообнаружением в нем.

Нельзя не отметить, что такой подход (синтез актерских фигур, качеств) – это своего рода некая попытка привести человечество к общему знаменателю через экранный образ, попытка объединить общество, возможно, даже найти общий корень человеческого рода, определенное первоначало: вездесущее, но трудно выявляемое для современного человека. Таким образом, замыкается цепь передачи опыта от определенного индивида к роду человеческому в целом, и наоборот. Компьютерные спецэффекты в данном случае играют роль вспомогательного фактора, но одновременно являются в этом процессе доминантой – без этой технической возможности подобный процесс солидаризации, выявления общей сущности через экранный образ был бы максимально затруднен или вовсе невозможен.

Разумеется, любой экранный образ можно рассматривать как производную коллективного труда, ведь помимо самого актера над образом работают драматурги, гримеры, художники по костюмам. Но если труд всех этих специалистов солидаризирован и легко синтезируется друг с другом, то в актерском ремесле слияние в едином образе это чаще всего нонсенс. Тем не менее, в современном кинематографе подобная практика становится все чаще востребованной.

Компьютерные спецэффекты несут не только визуальные перемены в облик кинематографа. Они позволяют создавать новые образы, по-новому наполнять смыслом кадр. Если сегодня в производстве фильма не будут задействованы компьютерные эффекты,

то по духу он будет подобен немому фильму в сравнении со звуковым. Такой фильм тяжело воспринимается современным зрителем и будет востребован больше для научного или изоощренного ретро-эстетического интереса. Конечно, с точки зрения драматургии или актерской игры, кино все равно будет представлять собой художественную ценность, но в настоящее время фильмы без компьютерной графики будут «резать глаз», потому что картинка теряет лоск, нет того пространства, кинопространства, привычного современному зрителю.

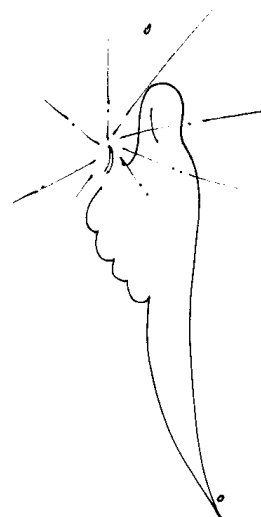
Примечания

¹ Балацкий, Е. «Рождественская история» в XXI веке : технологии против артистов // Капитал страны. 2009. 9 дек.

² Тарковский, А. Запечатленное время // Архивы. Документы. Воспоминания. М. : Подкова, 2002. С. 256.

³ Щербинин, М. Н. Искусство и философия в генезисе смыслообразования : опыт эстетической антропологии. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. С. 278–280.

СУДЬБА РОССИИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В. И. Адылгареев

«ГНЕЗДА РОССИИ» КАК СТРУКТУРИРОВАННЫЙ ЭЛЕМЕНТ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОБЩЕСТВА

Рассматриваются вопросы возникновения термина ‘культурное гнездо’, необходимость его изучения, взаимосвязь с русским бытом, ценностями, традициями. Представлена классификация ‘культурных гнезд’, выделены основные типы. В заключении рассмотрен вопрос о значимости данных объединений, их роль для культурного наследия русского общества.

Ключевые слова: ‘культурное гнездо’, ценности, просвещение, самобытность, нравственность, ‘писательское гнездо’, наследие.

Возникновение термина ‘культурное гнездо’ связано с именем известного русского историка и литературоведа Н. К. Пиксанова. «Культурным гнездом называть нужно не механическую совокупность культурных явлений и деятелей, но тесное соединение их между собой, некоторое органическое слияние...»¹. При этом Н. К. Пиксанов делает акцент на изучение областных «гнезд» как неотделимой части развития русской культуры. «Подчиняясь централистским тенденциям, наша историческая мысль под новой русской культурой и литературой понимает только столичную, не учитывая, а порой и забывая областную... В движениях и поворотах общерусской литературы мы многого не поймем, если не изучим областных культурных гнезд»¹.

Данной концепцией изучения и оценки трудов деятелей культуры заинтересовались и другие научные исследователи. На съезде музейных работников в Ярославле в 1926 году А. Н. Свободов в статье «Литературный и мемориальный материал в областных музеях»

говорит о новом термине – ‘местное литературное гнездо’, под которым понимаются отдельные комнаты – уголки, посвященные трудам местных культурных деятелей. Автор задается вопросом: для чего следует изучать данную нишу русской культуры; да и необходимы ли они?

Прежде всего, культурные деятели создают своеобразный базис для изучения русского быта, ценностей, традиций. Многие уголки России ассоциируются с именем и творчеством различных писателей, философов, художников: Ясная Поляна – со Львом Николаевичем Толстым, село Узкое – с братьями Трубецкими, село Михайловское – с Пушкиным. Это подтверждает значение и роль, вносимые известными деятелями в культурную и политическую жизнь общества.

Другая ценность изучения ‘культурных гнезд’ заключается в том, что в своем творчестве деятели литературы, искусства оставили отпечаток природы, быта, местности, характера окружающих их людей. Именно в произведениях писателей, художников пытли-

вые умы исследователей находят отражение видений, чувств, оттисков времени и места проживания самого автора. По этому поводу можно привести высказывания художника П. А. Федотова: «Все, что вы видите на моих картинах (кроме офицеров), было видно и отчасти обсуждено во время моего детства: это я заключаю как по воспоминаниям, так и потому, что, набрасывая большую часть моих вещей, я почему-то представляю место действия непременно в Москве»².

Отражение родного края нашло место во многих произведениях литературных деятелей. Нижегородский край прослеживается в творчестве М. Горького: «Детство», «В людях», «Мать». М. Горький был три раза арестован и выслан из Нижнего Новгорода из-за боязни его влияния на политическое сознание рабочих. «Поэтому необходимо детальное знакомство с биографией писателей, художников, с характером их деятельности в данном крае, и тогда можно будет установить взаимодействие между составными частями города как социального организма»³.

Дань родному городу также отдает А. С. Пушкин в «Медном всаднике»:

«...Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...»⁴.

Таким образом, писатели, художники, переплетая в своем творчестве своеобразные нити детства, быта, традиций, соединяются в 'культурные гнезда', становясь уже не только сынами времени, народа, государства, но и своей малой родины⁴.

А. Н. Свободова интересуется и вопрос формирования 'литературных гнезд', определяемых его авторами. Прежде всего, это писатели, деятели культуры и печати, уроженцы края. Здесь необходимо накапливать содержательные аспекты произведений, портретов, рукописей, иллюстраций и других материалов. Естественно, что, создав определенный центр, архив наследия творчества деятелей, можно облегчить знакомство исследователей с трудами и жизнью писателей, художников, поэтов и скульпторов. Многие литературные музеи уже созданы и функционируют как самостоятельные: Тургеневский в Орле, Никитинский в Воронеже. Поэтому не считается с особенностями их формирования в каждом уголке края было бы неправильно, равно как и понимать их формирование как отдельную

задачу, не связанную с особенностями развития данного региона.

Один из исследователей культурного творчества, И. М. Гревс, анализируя произведение Н. К. Пиксанова «Областные культурные гнезда», приводит классификацию 'культурных гнезд': край в его нравах, быту, просвещении, город, усадьба, более тесное учебное заведение, далее журнал, литературный кружок, наконец, деятели, дом, семья.

Источником для определения творчества исследователей и содержания 'культурных гнезд' России должны служить все издания, произведения, рукописи, предания, связанные с данными понятиями. При этом не следует забывать, что, изучая труды научных и культурных деятелей, надо руководствоваться не только документальными данными, но и образом мест проживания в их своеобразии, ландшафте, памятниках и особенностях. «**Wer den Dichter will verstehen, muss in Dichters Lande gehen**», т. е. кто хочет понять поэта, должен походить по его стране, вдохнуть воздух, который его живил, со всеми его ароматами»⁵.

По мнению И. М. Гревса, основой для возникновения 'культурного гнезда' являются имеющиеся в каком-нибудь поселении гимназия или семинария, университет, оказывающий влияние на слушателей содержанием лекций, богатая библиотека или литературный кружок с талантливыми участниками. При этом для отнесения данных организованных сообществ к 'культурным гнездам' недостаточно только самого факта их существования; необходимо «их живое сочетание и длительное взаимодействие, надобно, чтобы установилось преемство в работе, чтобы инициаторы и деятели подготавливали учеников, вырабатывали солидарность между поколениями; тогда получится своеобразная местная окраска духовной жизни, сложится ячейка индивидуализированной культуры»⁶.

На организационном краеведческом съезде Северо-Западной области в мае 1926 года в докладе «История в краеведении» И. М. Гревса прозвучала идея включить в толкование термина 'культурные гнезда' не только «поэтические и беллетристические произведения, но и журналистику, и школьное дело, историю образования на местах вообще и научные начинания»⁷.

Характеризуя города как 'культурные гнезда', важно помнить, по мнению Вл. Бог-

данова, что любой город имеет свою культуру, быт, население и история города представляют собой не только взлеты, успехи и возвышения, но и определенные периоды спада и застоя. «Было время, когда осуждали Гоголя за изображение таких мизерных бытовых уголков, как усадьба Плюшкина, хозяйство Коробочки, морально-философский облик Селифана и Петрушки, и вообще все те мелочи жизни, которыми исключительно наполнены “Мертвые души”. Но время это прошло, и всякий, не колеблясь, видит в “Мертвых душах” доподлинную Россию, огромную, значительную, достойную быть великой»⁸. Город как ‘культурное гнездо’ представляет собой не только труды выдающихся писателей, художников, поэтов, но и весь быт, традиции, особенности уклада местного населения и историю его формирования, развития, прогресса и регресса.

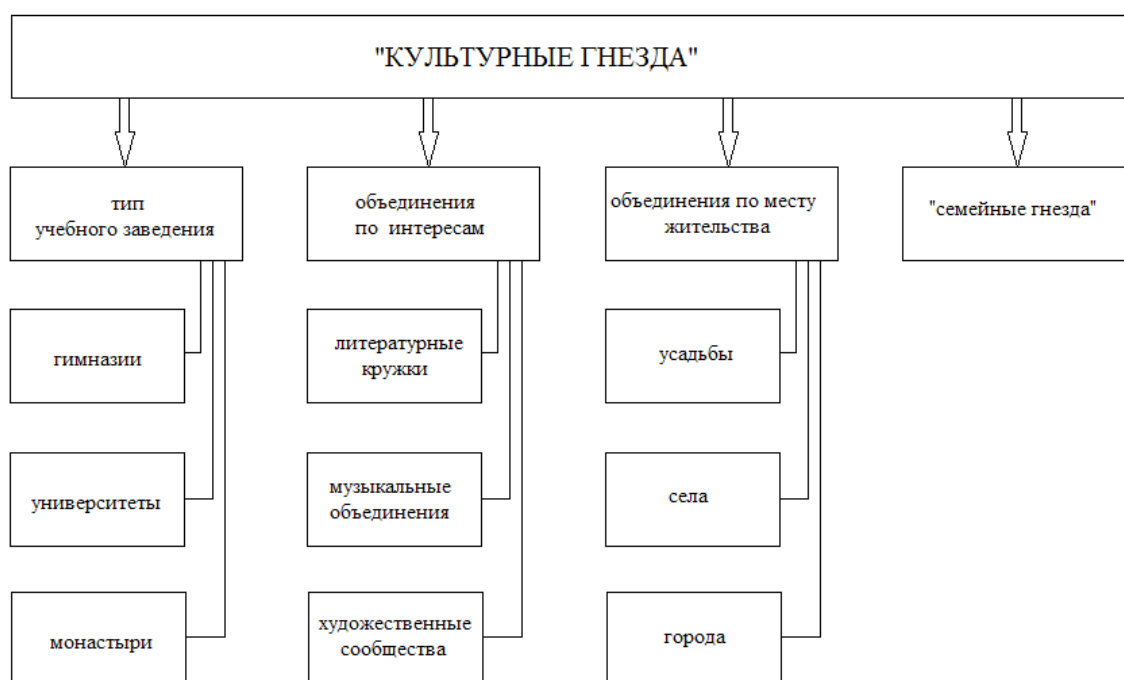
Значимую проблему в сохранении культурных ценностей поднял С. Н. Чернов, который, изучая опыт российской истории, отметил, что часто архивам достается не спасение и упорядочивание, а уничтожение. Связано это с рядом причин: стремлением избавиться от опасных в политическом отношении документальных остатков прошлого, отсутствием заинтересованности в сохранении документов. Существуют, возможно, причины и в мировоззрении поведения народа. «Ведь русская интеллигенция в массе не знает русской истории и не только потому, что ей до

недавнего прошлого плохо учили в гимназии: нашла же она и время и возможность освоить многое, о чем в гимназии запрещалось и думать. Дело в том, что она, вопреки гимназическому учебнику, усвоила резко отрицательное отношение к русскому прошлому»⁹. Выход из данной ситуации С. Н. Чернов видит в просвещении народных масс о значимости культурного наследия и объяснении, как история утрачивает свое содержание и полноту вместе с гибелью документальных источников.

Основываясь на понятии ‘культурных гнезд’ как совокупности трудов деятелей в различных областях, таких как литература, музыка, театр и т. д., возникает необходимость в их классификации, которая представляет собой достаточно трудоемкий процесс. Связано это, в первую очередь, с многообразием культурного потенциала в российском обществе и многогранностью системы классификации, позволяющих отнести того или иного деятеля к разным культурным сообществам. С нашей точки зрения, классификация ‘культурных гнезд’ может быть представлена следующим образом (см. рисунок).

Первым критерием, по которому можно классифицировать ‘культурные гнезда’, является тип учебного заведения. Исходя из этого, выделяются три группы:

1) *гимназии (пансионы)*. Примером служит Московская гимназия № 1 (впоследствии и выделенная из нее гимназия № 5), которую

в разное время заканчивали известный философ Владимир Сергеевич Соловьев, историк Сергей Михайлович Соловьев, драматург Александр Николаевич Островский, писатель Александр Николаевич Баженов;

2) *университеты*. Например, один из старейших и крупнейших Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова объединил под своим именем таких деятелей, как лауреата Нобелевской премии и одного из создателей первой советской водородной бомбы Андрея Дмитриевича Сахарова, лауреата Нобелевской премии и советского физика Виталия Лазаревича Гинзбурга, поэта Бальмонта Константина Дмитриевича;

3) *монастыри*. Монастыри давали образование многим известным богословам и ученым, среди которых философ и теолог Фома Аквинский, Джордано Бруно.

‘Культурные гнезда’ можно группировать по общности интересов, выделяя, к примеру, такие объединения, как:

1) *литературные кружки* («Ученая дружина» во главе с Феованом Прокоповичем, салон графа И. И. Шувалова, кружок А. А. Дельвига);

2) *музыкальные объединения* («Могучая кучка», «Композитор»);

3) *художественные сообщества* («Алая роза», «Артель художников», «Ассоциация художников революционной России»).

‘Культурные гнезда’ формировались и по территории места жительства или нахождения:

1) *усадыбы*. Представляли собой «основу» для жизни общества. В них зарождалась русская мысль в ее самобытности и нравственности. Усадьбы Салтыковых, Узкое, Царицыно, Коломенское до настоящего времени волнуют пытливые умы исследователей и составляют бесценное культурно-историческое наследие;

2) *села*. Такие села, как Михайловское, Знаменское связаны, в первую очередь, с именами А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова;

3) *города*. Изначально города были объединением творческой мысли многих известных деятелей. Связано это и с сосредоточением в них центров культурной мысли: университетов, гимназий, художественных и литературных объединений.

Остановимся еще на одном виде ‘культурных гнезд’, в котором переплетаются не только творческие, но и кровные узы, порой

мешающие или, наоборот, способствующие развитию творческого потенциала русских деятелей, – это так называемые ‘писательские гнезда’. «Первой по праву значится семья Аксаковых, в которой по литературским стопам отца Сергея Тимофеевича, автора бессменной ‘Семейной хроники’, пошли сыновья Иван и Константин. Не следует забывать и дочь Веру, оставившую в дневнике драгоценные для нас впечатления от общения с Николаем Васильевичем Гоголем <...> Но вот последовавшее за Аксаковым семейство Соловьевых превзошло их и разнообразием, и количеством написанного и опубликованного»¹⁰.

Таким образом, ответ на вопрос о необходимости существования такого явления, как ‘культурное гнездо’, прост: при рассмотрении наследия известных деятелей литературы, искусства автономно мы можем упустить ту взаимосвязь, которая существовала между участниками сообщества. Соединение в единое целое трудов различных персоналий одного типа ‘гнезда’: университета, кружка, гимназии – позволяет создать целостную картину мироздания существующего периода в его своеобразии и уникальности, со своими традициями, бытом. Кроме того, рассмотрение творчества деятеля литературы, искусства во взаимосвязи с ‘культурным гнездом’ позволяет ответить на многие вопросы, на которые нет ответа при его анализе отдельно. Сегодня также существуют проблемы, связанные с сохранением трудов научных и художественных персоналий как наследия для русского общества и восприимчивостью народных масс к этому вопросу. Нам остается надеяться, что ‘культурные гнезда’ как явление русской культуры и творчества «не канут в Лету».

Примечания

¹ Булатова, А. «Культурные гнезда России» в ИГЭУ // Всегда в движении : газ. Иванов. гос. энергетич. ун-та. 2010. № 4 (121). С. 1.

² Свободов, А. Н. Литературный и мемориальный материал в областных музеях // Краеведение. 1928. Т. V, № 7. С. 394.

³ Там же. С. 393.

⁴ URL : <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/pushkin748.html>.

⁵ Гревс, И. М. Очередная задача краевого культуроведения // Краеведение. 1928. Т. V, № 6. С. 374.

⁶ Там же. С. 373.

⁷ Гревс, И. М. История в краеведении // Краеведение. 1926. Т. III. № 4. С. 502.

⁸ Богданов, Вл. Вл. Культурно-исторические очерки отдельных районов, как результат накопления краеведных материалов // Вопр. краеведения : сб. докл., сделанных на Всерос. конф. науч. о-в по изучению местного края в

Москве в декабре 1921 года, созван. Академ. центром. Н. Новгород, 1923. С. 126.

⁹ Чернов, С. Н. Краеведение и архивное дело // Краеведение. 1923. Т. V, № 1. С. 16.

¹⁰ Соловьев, Вс. С. Собр. соч. : в 9 т. Т. 1. Княжна Острожская ; Царь-девица : Исторические романы / вступ. ст. И. Владимирова. М. : ТЕРРА, 2009. Т. 1. С. 5.

А. И. Осина

СТИМУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА РЕЭМИГРАЦИИ УЧЕНЫХ КАК НЕОБХОДИМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН

Рассмотрено понятие ‘утечка умов’ и основные причины данного процесса, выявлены основные страны-экспортеры исследователей и ученых, выявлен рост доли иностранных специалистов, имеющих ученую степень, в США. Основная часть работы посвящена анализу зарубежного опыта по стимулированию реэмиграции ученых (Китай), рассмотрены конкретные правительственные меры и результат проводимых мероприятий – финансовые инвестиции, привлечение путем использования академического потенциала диаспоры.

Ключевые слова: утечка умов, реэмиграция, научная диаспора, опыт стимулирования реэмиграционных потоков, Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, проведение научных исследований коллективами под руководством приглашенных исследователей, конкурс мегагрантов.

Сегодня термин ‘утечка умов’, который определяют как «эмиграцию людей умственного труда, высококвалифицированных специалистов»¹, постепенно сменяется на понятие ‘циркуляция кадров’. Это термин заимствован из западных исследований миграционных потоков ученых и подразумевает замкнутость цикла, характерный для глобализации науки. В России пока, как отмечают исследователи, циркуляции не происходит, «скорее, какая-то вентиляционная труба получается, воздуходувка: с одной стороны входит, с другой все вылетает из нее»². Тем не менее, в том или ином виде процесс ‘утечки умов’ свойственен всем развивающимся странам и даже странам Западной Европы. Ученые уезжают туда, где в целом выше уровень жизни, более высокая оплата труда, и государство инвестирует в развитие науки значительные ресурсы, где ученым предоставляют комфортные условия для исследований, где есть доступ к мировым исследовательским инструментам и где исследователь сам может стать частью глобальных мировых достижений. На данный момент максимально притягательной страной остается США, но тенденции таковы, что и другие страны, заинтересованные в результатах научного прогресса, такие как Канада, Япония, Австралия, создают все условия для исследователей и становятся привлекательными для ученых из других стран.

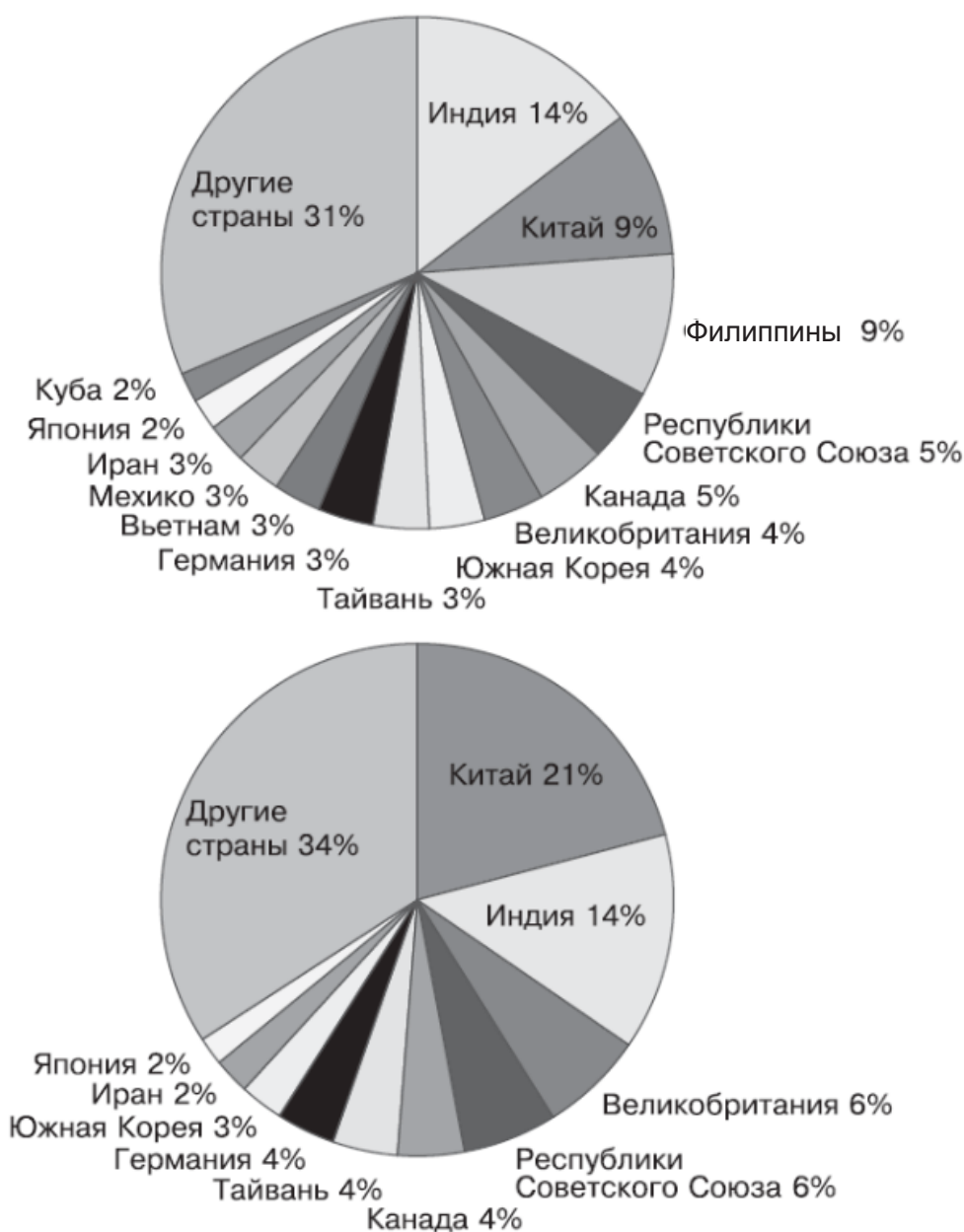
По данным Национального фонда научных исследований США, в 2004 году иностранцы получили 32,1 % всех докторских

степеней по естественным и точным наукам и 61,3 % – по инженерным дисциплинам. С 1999 по 2004 год отмечена отчетливая тенденция к возрастанию доли иностранцев, которые получили ученую степень в США: на 4–5 % только с 2003 по 2004-й. Сегодня в американских университетах и колледжах родившиеся за рубежом специалисты с докторской степенью составляют около трети профессуры по информационной технологии, 26 % в инженерных дисциплинах, 22 % в естественных и точных науках. На постдокторском уровне они занимают более половины позиций по инженерным дисциплинам, 42 % по естественным и точным наукам. 40 % американского населения, родившегося за рубежом, имеют степень магистра или доктора наук. Статистика утверждает, что половина всех европейцев, получивших дипломы в США, там же остаются работать, многие – навсегда³. Некоторые направления технического прогресса почти монополизированы представителями определенных стран. Выходцы из Индии, например, составляют 36 % сотрудников фирмы «Майкрософт», в Космическом агентстве их 32 %, в фирме «Интел» – 12 %. По состоянию на 2003 год за границей родились 25 % всех работников с высшим образованием в США и 40 % лиц с докторской степенью. При этом среди всех докторов наук родившиеся за границей составили большинство по информационной технологии (57 %), электронике (57 %), механике (52 %)³. Как следует из диаграммы на рисунке, на долю россиян приходится 5–6 %

лиц с наиболее высокой ученой степенью по точным, естественным и инженерным дисциплинам. Выходцы из России далеко уступают по численности в этой категории китайцам и индийцам (что и неудивительно, с учетом численности населения) и близки к другим европейским странам (см. рисунок).

Развивающиеся страны давно осознали опасность масштабного оттока специалистов. Государства теряют специалистов в наиболее наукоемких отраслях, имеющих непосредственное влияние на научно-технический прогресс. Как видно на рисунке, наибольший отток специалистов наблюдается в Китае, который известен своей особой системой об-

разования, для которой характерно не только наличие инновационных исследовательских центров и новейших методик, но и воспитание специалистов, отличающихся редкой трудоспособностью. Правительство Китая одним из первых осознало необходимость специальных методов для предотвращения оттока уезжающих за рубеж ученых и для возврата специалистов на родину. Исследователи отмечают, что именно Китай развернул максимальные усилия для привлечения специалистов обратно. Но, несмотря на значительные вложенные средства, примеров возвращения действительно крупных специалистов не много. Например, Пекинский университет и

Иностранцы по рождению среди американцев, имеющих высшую ученую степень (слева) и докторат по точным, естественным и инженерным дисциплинам⁴

Университет Синьхуа смогли привлечь около 300 преподавателей, получивших степень PhD за рубежом. Однако научный уровень возвращающихся высок не всегда: несмотря на тенденцию к росту числа возвращающихся ученых, есть данные, что лучшие специалисты по-прежнему остаются за рубежом. Согласно одному из исследований, среди 300 ведущих (по таким критериям, как престижность их университета, занимаемые должности, получаемые гранты) ученых в области наук о человеке, родившихся в Китае, лишь 5 вернулись в Китай, и ни один из этих пяти не входит в верхние 25 % рейтинга⁵. Именно опыт этой страны показал, что наиболее эффективным методом для привлечения опытных и востребованных ученых для работы на родине является работа с научной диаспорой, использование академической диаспоры как ресурса для развития.

Уехавшим за границу ученым свойственно поддержание контактов с родной страной, у большинства из них остались не только родственные и семейные, но и профессиональные связи, коллеги и перспективные студенты, которых выгодно и полезно привлекать к международным исследованиям. Именно через эти контакты представители научной диаспоры за рубежом передают свой опыт и знания, делятся научными разработками, развивают науку не только в стране-реципиенте, но и у себя на родине. Правительство имеет возможность влиять на установление профессиональных контактов с представителями диаспоры, развивать их. В рамках таких программ представители диаспоры привлекаются в качестве временных консультантов во время их краткосрочных визитов на родину – власти в этом случае могут оплачивать их проезд, помогать установлению контактов представителей диаспоры с местными организациями, решать вопросы с документами. Другая форма использования академических и технологических диаспор в качестве ресурса предполагает их более долгосрочное привлечение к сотрудничеству, например, в виде участия в совместных с учеными на родине исследовательских проектах; временный приезд на родину (полгода–год) для проведения исследований и преподавания; привлечение в качестве постоянных консультантов, приезжающих научных сотрудников и преподавателей. Китайское руководство продемонстрировало положительный опыт подобного под-

хода – использование высококвалифицированной диаспоры как «накопление интеллектуального потенциала за рубежом». Начиная с 1994 года, в правительственных документах появилась концепция «временного возвращения» как приемлемого с официальной точки зрения поведения, совместимого с нормами китайского патриотизма. В 2001 году лозунг *huiguo fuwu* («возвращайтесь и служите родине») был официально заменен на *weiguo fuwu* («служите родине»), таким образом, подчеркивая, что репатриация не является обязательным требованием. Начиная с этого времени, государственные органы пропагандируют так называемую «модель гантели»: имеется в виду, что, подобно гантели, китайский профессионал может иметь две точки опоры – в Китае и за рубежом. Выдвигается также модель «гибкой мобильности», в рамках которой представитель диаспоры может приезжать, только когда это нужно/удобно ему и принимающим китайским институтам, а также модель «использования, но не владения», в рамках которой представитель диаспоры сотрудничает с китайским институтом, формально не становясь его работником⁵.

Опыт Китая позволяет сделать вывод, что чаще всего полное возвращение представителей научной диаспоры на родину не только труднодостижимо, но и нецелесообразно. В частности, в той же КНР высказывается точка зрения, что некоторых наиболее высококвалифицированных представителей академической диаспоры даже и не надо подталкивать к возвращению на родину, так как Китай пока не может себе позволить создать соответствующую их уровню научную инфраструктуру, и поэтому будет продуктивнее, если они останутся пока работать за рубежом. Это связано отчасти и с тем, что подавляющее большинство стран мира, в том числе и Россия, просто физически не смогут себе позволить создание исследовательского университета, способного конкурировать на равных с ведущими мировыми центрами, а значит, и оптимально использовать ведущих ученых-выходцев из этих стран. Более того, на определенных этапах карьеры получение опыта работы в ведущих исследовательских центрах становится необходимым элементом научной карьеры. К полному возвращению ученых из-за рубежа большинство стран оказываются еще и не готовы – возникает проблема интеграции возвращающихся на

родину ученых. Местные академические элиты зачастую отторгают «возвращенцев». Негативные примеры, в частности, отмечаются в Индии, где академический истеблишмент успешно сопротивлялся «пришельцам». Примером относительного успеха в этом отношении опять-таки является Китай, где в некоторых ведущих университетах удалось собрать преподавателей, получивших степень PhD за рубежом и формирующих новую корпоративную культуру и новые стандарты исследовательской работы.

В России проблема 'утечки умов' актуализировалась в середине 80-х годов XX века и до настоящего времени стоит достаточно остро. Исследователи отмечают, что ее восприятие общественностью существенно изменилось, из модных, ажиотажных она трансформировалась в разряд «нормальных», науковедческих проблем, но актуальность ее дальнейшего изучения не вызывает сомнений»⁶. Россия понесла значительные потери от 'утечки умов'. Финансовые потери России на конец 90-х годов, по оценкам ООН, за 30 лет превысили 60 млрд долл.⁷ На сегодняшний момент исследователи утверждают, что потери нашей страны в этом отношении еще более внушительны – очевидны отставание российской науки и технологий, приоритет западных стран в гуманитарной сфере, в естественных науках, более развитый по сравнению с нашей страной по данным открытых источников промышленный и военный комплекс, – все это результат вклада в научную сферу и человеческий капитал стран Запада. Для государства, преодолевшего глубокий кризис, который в первую очередь затронул научную сферу, НИИ, крайне важно обратить пристальное внимание на развитие научного потенциала, инвестировать в научный прогресс и использовать потенциал исследователей и ученых, научной диаспоры.

Некоторые меры к преодолению кризиса в науке уже предпринимаются. 13 июня 2012 года Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года⁸. Согласно данной концепции, «миграция работников высокой квалификации является важным источником накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост и благосостояние в принимающих странах. Одна из стратегических задач – создание условий и механизмов для

привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе»⁹. В данной концепции формулируются основные выводы текущего состояния миграционной ситуации ученых, сформулированы цели, задачи миграционной политики, этапы и методы привлечения специалистов российской научной диаспоры. В настоящее время первые замыслы концепции начинают претворяться в жизнь. Так, опираясь на опыт западных стран, наметился перенос акцента на поддержку развития науки в вузах. Согласно бюджетным проектировкам на 2011–2013 годы, Российская академия наук получила 32,2 млрд рублей в 2011 году, 31,8 млрд в 2012 году и еще столько же в 2013 году. **Российскому фонду фундаментальных исследований выделено 6,0, 4,3 и 4,3 млрд рублей соответственно. В то же время немалые бюджетные средства на научные исследования – 10,6, 10,7 и 9,9 млрд рублей – поступят в МГУ им. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет и Российский научный центр «Курчатовский институт».** На создание инновационного центра «Сколково» будет потрачено не менее 15 млрд рублей (2011 год), 22 млрд (2012 год), 17,1 млрд рублей (2013 год)⁹. Анализ опыта западных стран позволяет сделать вывод, что фундаментальная наука в основном делается в университетах. У нас фундаментальная наука и наука в вузах пока разделены, но подобные значимые инвестиции в развитие вузов позволят повлиять и на качество. Кроме того, государство стремится создать равные конкурентные условия в науке, создав в вузах условия, сопоставимые с условиями в Академии наук. Помимо финансовой поддержки вузов, российское правительство начинает предпринимать попытки использования потенциала научной диаспоры. На протяжении последних двух лет было проведено 2 крупнейших мероприятия: «Проведение научных исследований коллективами под руководством приглашенных исследователей» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» и конкурса на получение грантов для «государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных учрежде-

ниях высшего профессионального образования» (конкурс мегагрантов).

Результат первого мероприятия не позволяет охарактеризовать его как успешное, в большей степени его можно оценивать как пробное мероприятие по работе с научными кадрами. По условиям первого конкурса требовалось, чтобы приглашенный исследователь приезжал в Россию работать как минимум на два месяца в год. На исследование выделялось порядка 4 млн рублей на два года. Данных средств, по мнению большинства исследователей, достаточно лишь для того, чтобы завершить уже начатые исследования, сделать какую-то концептуальную постановку задачи. Основным вопросом стало, кто готов приехать в Россию для участия в данном мероприятии. Оказалось, что, если смотреть формально, по должностям, ученые готовы приехать на работу в Россию, но результат программы оказался неудовлетворительным – у 10 % победителей конкурса вообще не оказалось публикаций. Совсем не иметь публикаций, живя и работая за рубежом, – это свидетельство невысокого уровня.

Второе важное мероприятие в научной сфере, проводимое в России, также вызывает множество вопросов у исследователей. Один грант, полученный в результате конкурса на получение грантов для «государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных учреждениях высшего профессионального образования», составлял 150 млн рублей на два года. Это значительная сумма, даже по европейским и американским меркам. Такой проект в Америке, например, стоил бы порядка 3 млн долларов, а у нас – 5 млн. Это вызвало удивление у многих зарубежных ученых. Если сравнить данный проект с мероприятием по созданию научно-образовательных центров, НОЦ, то максимальные средства составят 15 млн рублей за 2 года. То есть на аналогичный инструмент, в случае мегагрантов, выделяется в десять раз больше средств. Эта разница, как отмечают исследователи, ненормальна, логику такого решения понять сложно, так как лишних денег в науке не бывает, и их можно тратить более эффективно. Фундаментальная разница этих двух конкурсов заключается в том, что конкурс приглашенных исследователей проходит на основе Федерального закона № 94. И здесь основной показатель, который

учитывается при выборе победителей, – кто предложит меньшую цену контракта. А второй конкурс, мегагрантов, это именно грантовое распределение средств, при котором не требуется минимизации расходов. При этом на выходе был поставлен такой абсолютный минимум требований, в результате чего оправдания такой большой суммы нет. От победителей требуется через 18 месяцев работы опубликовать хотя бы одну статью или получить патент на разработку. Для сравнения: стандарт требований для ученых, работающих в национальных лабораториях США, чтобы им не снижали зарплату, – минимум три статьи в год на человека в цитируемом журнале. Поэтому со всей лаборатории требовать только одну статью через полтора года работы – это, как считают исследователи, не требовать ничего¹⁰. В заключении стоит отметить, что актуальность и значимость проблемы миграции ученых обозначена правительством. Мы наблюдаем принятие правовых документов, регламентирующих данные процессы. При этом мероприятия, проводимые для разрешения проблемы оттока ученых и возвращения специалистов из за рубежа, исследователями признаются малоэффективными. Основная причина видится в системной образующей российской науки и общества в целом – коррупция, в том числе и в научной сфере, бюрократизм, неэффективное финансирование и отсутствие специалистов, заинтересованных в решении проблемных вопросов.

Примечания

¹ Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : АЗЪ Ltd, 1992. С. 873.

² Ваганов, А. Независимая газета [Электронный ресурс]. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0451/gazeta011.php> (дата обращения 13.08.2013).

³ Гольдфельд, М. Г. Исход науки из России : есть ли свет в конце туннеля? // Химия и жизнь. 2007. № 9.

⁴ NSF REPORT 2006 [Электронный ресурс]. URL : Migration to the United States www.nsf.gov (дата обращения 10.08.2013).

⁵ Попов, Д. С. Российская диаспора в области социальных и экономических наук : проблемы и перспективы сотрудничества / Д. С. Попов, С. В. Творогова, И. И. Федюкин,

И. Д. Фруммин // Мир России. Социология, этнология. 2011. С. 51–73.

⁶ Агамова, Н. С. Динамика утечки умов и становления российской научной диаспоры / Н. С. Агамова, А. Г. Аллахвердян. М., 1997.

⁷ Ушкалов, И. Г. Надо ли бояться «утечки умов»? / И. Г. Ушкалов, И. А. Малах // Миграция. 1996. № 1. С. 23.

⁸ URL : <http://news.kremlin.ru/news/15635>

⁹ Дежина, И. От «утечки умов» к «циркуляции кадров» : государственная политика

России по взаимодействию с научной и технологической диаспорой // Междунар. конф. «Перемещение центров научно-технологической активности на европейском пространстве и межстрановая мобильность ученых и специалистов: современные тенденции» (19–23 октября 2011 г., г. Киев, Украина). Киев, 2011.

¹⁰ Ваганов, А. Независимая газета.

Г. Ф. Ромашкина, М. В. Степанова

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00304 а «Интегральная оценка регионального развития на материалах социокультурного мониторинга».

Рассмотрены факторы, определяющие инновационное развитие регионов России. Показано, что Россия и ее регионы значительно отстают от общемирового уровня инновационной активности, экономический рост осуществляется экстенсивным методом, в основном за счет традиционных отраслей промышленности.

Ключевые слова: инновационное развитие, конкурентоспособность, факторы, экономический рост, социокультурный мониторинг.

Патовая ситуация, складывающаяся в России и ее регионах в сфере инновационности, сегодня обсуждается на всех уровнях. Экспортно-сырьевая модель национальной экономики, как показывает реальность, неспособна обеспечить достижение желаемых темпов роста без ущерба для социальной и экологической ситуации. Развитые страны уже вступили на путь инновационного развития, основную долю ВВП ведущих держав составляют высокотехнологичные производства с высокой добавленной стоимостью. Несмотря на то, что политически в настоящее время приоритетной становится позиция умеренного консерватизма, в ключевом документе «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г.» (в разделе «II. Целевые ориентиры») указано, что требуется «резкое усиление инновационной составляющей экономического развития»¹. Инновации как социально-экономическое явление рассматриваются с трёх основных позиций: (1) инновации представляют собой заинтересованный способ фирм резко увеличить свою конкурентоспособность; (2) массовое поведение рыночных агентов, осуществляющих инновационные стратегии, создаёт известный кумулятивный эффект преобразования хозяйственного механизма в целом, формируя спрос на качественный человеческий и социальный капиталы; (3) инновации в одной области дают импульс к инновациям в смежных сферах экономики, позволяя создавать новые рынки, новые типы спроса и новые общественные потребности, расши-

ряет спектр рыночных возможностей экономической системы в целом и входящих в неё рыночных агентов экономических подсистем². Наличие конструктивных мультипликативных эффектов от внедрения инноваций, фиксируемых на макро-, мезо- и микроуровнях, позволяет говорить об инновационной экономике как о возникновении принципиально нового типа хозяйственной системы и появления новой фазы экономического развития общества в целом.

В начале 2000-х годов государство начало подходить к пониманию важности вхождения в инновационный сектор, и тогда впервые за весь постсоветский этап появился значительный, имеющий определенную логику комплекс идейных, концептуальных и программных документов, направленных на стимулирование инновационного развития российской экономики. В эти документы был включён целый спектр федеральных целевых программ отраслевой и региональной направленности, с соответствующим финансированием. При этом реально проводимое в жизнь государственное регулирование инновационной сферы в эти годы было отмечено существенным ростом финансирования, новыми принципами налогового стимулирования и использованием современного зарубежного опыта по созданию особых экономических зон, венчурных фондов и организаций, утверждению инновационных территориальных кластеров, созданием и поддержкой инновационно-технологических центров и технопарков³. В 2008 году Правительство РФ утверждает ставшую знаменитой «Концепцию долгосрочного со-

циально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»⁴. Предполагалось, что к обозначенному сроку, 2020 году, эта модель развития позволит достигнуть значения целевых показателей, в частности: наращивание до 5–10 % доли России на глобальных рынках высокотехнологичных услуг, увеличение доли высокотехнологичного сектора в ВВП до 17–18 %, увеличение доли инновационной продукции в 5–6 раз в общем объеме отгруженной продукции, рост доли инновационно-активных предприятий до 40–50 %⁵. В документах также подтверждалось что инновационный сектор экономики будет не просто функционировать, но и реально определять общественное благосостояние. Однако в настоящее время (осень 2013 года) среди учёных и практиков всё больше и больше укореняется тезис о том, что на практике «*российская модель инноваций терпит крах*»⁶. В качестве одного из многочисленных доказательств этого тезиса приводятся, к примеру, данные табл. 1:

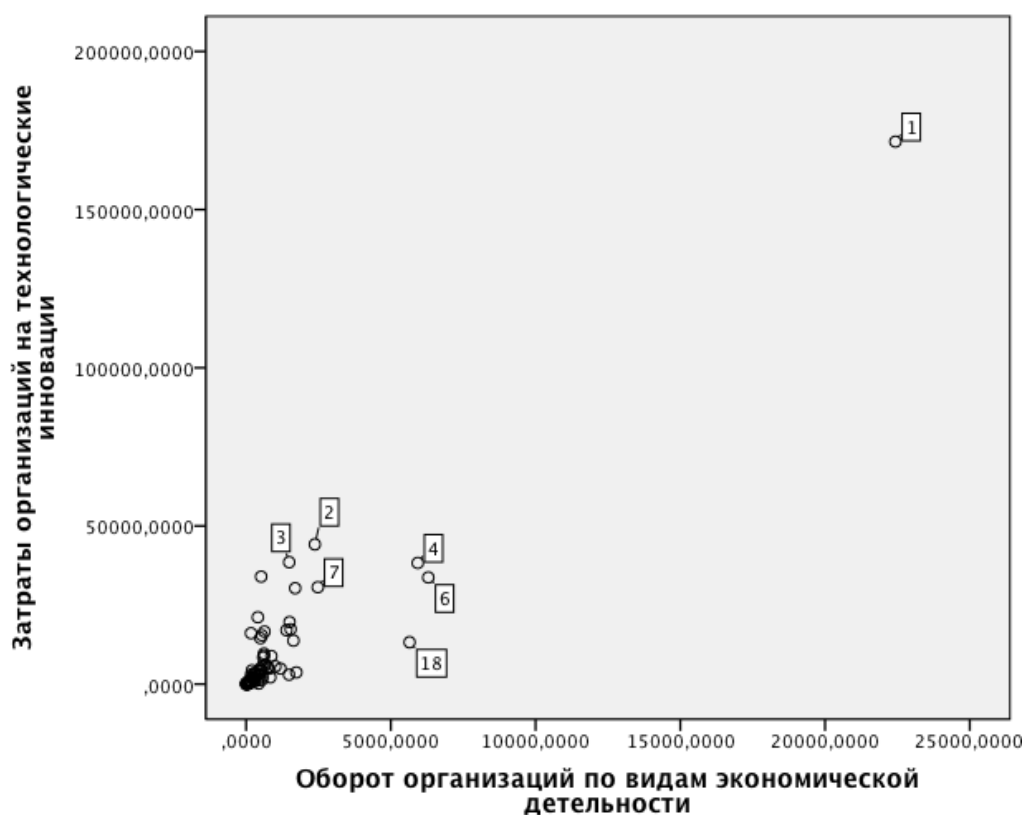
Таблица 1

Экспорт стран по ведущим отраслям промышленности, млрд долл., 2011 год

	Авиакосмическая	Электронная	Фармацевтическая	Компьютерная
США	89,2	93,3	46,5	48,8
ЕС	88,2	78,4	160,6	38,6
Китай	3,0	293,8	16,6	293,8
Япония	5,4	74,9	5,5	74,9
Россия	1,1	0,9	0,2	0,2

Источник: Институт США и Канады, Main Science and Technology Indicators Database, 2011.

Отставание России от ведущих стран мира в экспорте по ведущим отраслям промышленности составляет два-три порядка, не только по сравнению с СССР, но даже по отношению к ситуации, имевшей место на рубеже 1990–2000-х годов, в России ситуация резко ухудшилась. Если в 2000 году доля сырой нефти и природного газа в общем объеме товарного экспорта составляла 54,5 %, то в

Разброс данных между регионами РФ в 2011 году. По обороту организаций по видам экономической деятельности и затратам организаций на технологические инновации

Обозначения: 1 – г. Москва, 2 – респ. Татарстан, 3 – Челябинская область, 4 – г. Санкт-Петербург, 6 – Тюменская область (вся), 7 – Свердловская область, 1 – Московская область

2011 году эта доля возросла уже до 73,7 %. Если присовокупить сюда экспорт металлов и драгоценных камней, то общая доля экспортируемого сырья в товарном экспорте составит 85,4 %⁷.

Россия и ее регионы значительно отстают от уровня инновационного развития других стран мира. По рейтингу стран мира по индексу инноваций международной бизнес-школы ISAED в 2013 году Россия заняла 62 место из 142 стран по глобальному индексу инноваций. Среди стран БРИК Россия занимает второе место после Китая, а среди стран-членов СНГ – третье место после Молдовы и Армении. Эксперты отмечают, что сильные стороны России связаны с качеством человеческого капитала, развитием бизнеса и знаний. Препятствуют развитию инноваций несовершенные институты, развитие внутреннего рынка и результаты творческой деятельности⁸.

Российский бизнес не готов реализовывать инновационные проекты. Так, если российским бизнесом реализуется 9 % инновационных проектов, то в США – 62 %, в Японии – 95 %. Значения показателя инновационно-активных предприятий существенно различаются по регионам России: если в республиках Чувашия, Татарстан и Алтай этот показатель составляет около 19,5 %, то в Забайкальском крае, республике Калмыкия и Карачаево-Черкесии – только 2 %⁹. Причем разрывы между регионами продолжают нарастать.

Например, общероссийский уровень экономической и инновационной активности все годы после 2010-го определялся первой десяткой регионов-лидеров. Рассмотрим диаграмму рассеяния по обороту организаций по видам экономической деятельности и затратам организаций на технологические инновации, см. рисунок.

Со значительным отрывом лидирует г. Москва, далее г. Санкт-Петербург, и выделяются две зоны – выше и ниже диагонали на рисунке. Выше диагонали располагаются регионы, в которых соотношение затрат на инновации и оборот организаций выше среднероссийского (республика Татарстан, Челябинская область, Свердловская область, Пермский край), а ниже диагонали – регионы, в которых при относительно высоком уровне оборота организаций, инновационная активность последних не столь высока (Тюменская область, Московская область). Остальные ре-

гионы сливаются в общей массе и находятся на уровне ниже среднего в десятки и сотни раз.

В последние десять лет Россия практически не имеет заметных сдвигов в глобальном позиционировании отечественных высокотехнологичных производств¹⁰. По мнению Г. Б. Клейнера¹¹, в России, в отличие от стран Запада, образовался неустраняемый разрыв между центром и периферией управления экономикой, между макро- и микроэкономическим уровнями. Как импульсы «развития сверху» (инициированные в центре и направляемые к микроэкономическому с макроэкономического уровня, федерального уровня), так и импульсы «развития снизу» неузнаваемо изменяются, доходя до объектов микроуровня – фирм, организаций, корпораций¹². Другой важный параметр «инновационности региона» – это уровень «конкурентоспособности институтов» (производственной культуры, характера распоряжения властью, степени свободы и доверия экономических агентов), что является «необходимым условием производства конкурентоспособных товаров и услуг»¹³. Парадокс текущей ситуации развития российской экономики заключается в том, что в группы регионов с низкой инновационной активностью попали добывающие регионы, у которых более высокий ВРП на душу населения (т. е. производительность труда по общепринятой методике), более сильные экспортные позиции и более высокий уровень заработной платы. В итоге в современной России даже в регионах с максимально развитым инновационным сектором результаты его деятельности не создают условий для опережающего социально-экономического развития. Напротив, эти регионы-лидеры в инновационном развитии уступают по основным показателям региональным экономикам, базирующимся на добывающей промышленности. Самые лучшие из имеющих в России инновационных региональных экономик – инновационные регионы – проигрывают по основным показателям добывающим региональным экономикам.

Рассчитанный нами индекс инновационности продукции (табл. 1) позволяет подтвердить вышеизложенное. В числе лидеров находятся Пермский край, Свердловская область, а замыкает рейтинг среди рассмотренных нами регионов Красноярский край. Однако имеется зависимость между результата-

ми экономической деятельности организаций и инновационной активностью последних, которая позволяет выделить основной объект инновационной политики – предприятия. Так, инновационная активность организаций коррелирует с индексом инновативности регионов на уровне 0,67 (при значимости не ниже 0,99). То есть высокие затраты на инновации выводят регион на более высокий уровень по качеству отгруженной продукции с вероятностью не ниже 0,67. Это неплохой уровень даже по мировым меркам. Однако, как показывает статистика, большинство регионов в 2012 году так и не достигли докризисного уровня инновационной активности организаций¹⁴. Документы правительства РФ, стратегии регионов РФ фиксируют необходимость активизации инновационной деятельности¹⁵, но на практике этого не происходит.

Совершенно очевидно, что огромные государственные вливания в инновационную сферу на практике пока не оказали заметного влияния на структуру и характер развития экономики. Почему это происходит? Является ли это результатом неправильно выбранных приоритетов экономической политики¹⁶, или отсутствие спроса модернизацию со стороны элит¹⁷, или проявляется ментальность россиян, слабо воспринимающих новации, или сказалась усталость россиян от непрерывно, на протяжении уже более 20 лет, происходящих «новаций» на государственном уровне? На наш взгляд, в той или иной степени оказали свое воздействие все перечисленные факторы.

Прим.: Иип рассчитывается как среднее за три года по показателю «Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции». См., например¹⁸.

В данной статье мы приводим результаты социологических опросов, проведенных по программе «Социокультурные портреты регионов России» под руководством ЦИСИ ИФ РАН (рук. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева¹⁹), реализованные в регионах страны на примере Красноярского и Пермского краев, Вологодской, Курской, Свердловской, Омской, Тульской и Тюменской областей, включая автономные округа. Эти результаты, охватывая огромные массивы эмпирических данных, наглядно демонстрируют нам недостатки действующих в сегодняшней России инновационных систем, не захватывающих в орбиту своей деятельности реальных действующих в экономике агентов – экономически активных индивидуумов, социальных групп и классов²⁰. Выборка социокультурного мониторинга в Тюменской области приведена в приложении в конце статьи.

Субъективная оценка инновационной активности населения в методике выражалась через ответы на вопрос об участии за последний год в создании новшеств (новая фирма, новый продукт, новая технология, новая услуга).

В целом доля инноваторов во всех регионах низка, основная часть населения не принимает участия в создании новшеств (табл. 3). Лидерами по организации инноваций являются жители Омской и Свердловской областей

Таблица 2

Индекс инновационности продукции региона, 2011 год

Регион	Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции			Индекс инновативности продукции региона (Иип)	Уровень инновационной активности организаций, 2012 год (%)
	2009	2010	2011		
РФ	4,5	4,8	6,3	5,2	10,7
Пермский край	4,2	10,9	7,7	7,6	14,1
Свердловская область	8	5,8	5,8	6,5	13,3
Тульская область	1,7	3,4	11,6	5,6	13,1
Омская область	4,5	6,2	3	4,6	8,2
Вологодская область	2,6	1,6	3,7	2,6	7,3
Курская	0,4	0,6	2,5	1,2	13,0
ХМАО	0,5	0,9	2,2	1,2	6,1
ЯНАО	0,3	1,4	1,5	1	7,6
Тюменская область	0,4	0,9	1,8	1	8,2
Красноярский край	0,6	0,5	1,1	0,7	9,5

(8 % и 7 % соответственно). Новые услуги активно внедряли жители Красноярского края (4 %), новые фирмы организовывали тюменцы (3 %). Участники инновационной деятельности, а именно в создании новых продуктов, технологий и услуг, – жители Тульской области (7 %, 6 % и 8 % соответственно). В остальных регионах среднее число инноваторов не превышает 3 %. При этом большинство населения данных областей вообще не принимало участие в инновациях (более 70 %)²¹.

Все годы наблюдений фиксируется практически застывшая ситуация – крайне низкая инновационная активность населения, причем на результаты экономической деятельности региона (ВРП, объем отгруженных товаров/ услуг) эта деятельность оказывает крайне слабое воздействие. Например, в Тюменской области (выборка человек) в 2009 году в выборку не попало ни одного новатора, предлагавшего услугу, а в 2013 году организаторами услуги отметили себя 2 % опрошенных, участниками – 4 %.

Большинство опрошенного населения, принимавшего участие в какой-либо инновационной деятельности, проживает в Свердловской области (22 %), за ними следует Омская область (21 %). Меньше всего инноваторов отмечено в Курской области (8 %). Однако, если рассматривать население с точки зрения активного участия в инновационной деятельности, а именно организаторов, то большинство таковых зарегистрировано в Красноярском крае (9 %) и в Омской области (8 %), а минимальная часть в Вологодской области (0,3 %). В Тюменской области 10 % опрошенных считают себя инноваторами, однако активными участниками новшеств являются только 5 %.

В Тюменской области за 2006–2013 годы динамика инновационной активности насе-

ления в целом положительная, но пассивное участие в инновациях растет более быстрыми темпами, чем активное. Однако уровень инновационной активности населения в 2013 году не достиг уровня 2006 года, когда доля активных инноваторов достигала 10 %, а доля участвующих наравне с другими – 16 %²¹.

При этом анализируя факторы, которые влияют на инновационную активность населения, можно сделать следующие выводы. Чем выше уровень образования, тем выше доля участия в инновациях. Так, около 40 % принимавших активное участие в создании какого-либо новшества имеет высшее образование в каждом регионе из рассмотренных нами, минимальный – колеблется на уровне от 0 до 7 % – это люди либо с начальным уровнем образования, либо не имеющие его вообще. Достаточно высока доля имеющих среднее специальное и неполное высшее образование (около 35 %)²¹.

Различия наблюдаются и по возрастным группам. К примеру, новые фирмы в Тюменской и Свердловской областях, а также небольшой процент в Пермском крае и Тульской области, создают молодые люди 20–29 лет. Организаторы новых продуктов, в основном, старше 30 лет. При этом новые продукты чаще создаются совместно, возраст участников при этом несколько моложе – от 20 лет. Новые технологии также преимущественно создаются населением среднего возраста, преимущественно старше 40 лет. Новые услуги разрабатываются в основном совместно, возраст инноваторов – 20–49 лет. Наибольшая численность самых молодых инноваторов (20–29 лет) отмечена в Красноярском крае, а более старших – в Тульской области. Однако активными инноваторами в Свердловской области является население

Таблица 3

Группы населения регионов: инноваторы и неинноваторы.
Доля от числа опрошенных, 2008–2013²¹

Участники инноваций, %		Активные инноваторы, %	
Свердловская область	22	Красноярский край	9
Омская область	21	Омская область	8
Тульская область	16	Свердловская область	7
Красноярский край	16	Тульская область	7
Пермский край	11	Пермский край	5
Тюменская область	10	Тюменская область	5
Вологодская область	8	Курская область	3
Курская область	8	Вологодская область	0,3

в возрасте 20–29 лет, в Омской – 30–39 лет. Возрастные группы участников инноваций несколько шире – до 49 лет. В Тюменской области в 2013 году по сравнению с 2009 годом ситуация не изменилась: самые молодые инноваторы – создатели новой фирмы, новые услуги и продукты предлагают люди постарше, а новые технологии создают люди преимущественно старше 40 лет. Ни в одном из рассматриваемых регионов не зарегистрированы участники инновационной деятельности до 20 лет и старше 60 лет. При этом основная часть населения не принимает участия в инновациях²¹.

Варьируется доля участников и в зависимости от места жительства. Так, максимальное число инноваторов проживает в крупных городах с населением более 500 тыс. человек – 33 %, в средних и малых городах процент несколько ниже – 21 %. В деревнях и селах – 22 %, минимальное число инноваторов проживает в поселках городского типа – 5 %. Аналогичная динамика прослеживается среди организаторов инновационной деятельности: чем крупнее поселение, тем выше доля занятых в инновационной деятельности²¹.

Отметим, что сферы занятости участников инновационной деятельности различается по регионам. Так, инноваторы Красноярского края, Омской, Свердловской и Тульской области в основном заняты на государственных и муниципальных предприятиях (40 %, 52 %, 33 % и 37 % соответственно). Также высока доля занятости в данных регионах в частных предприятиях, не находящихся в личной собственности новаторов (20 %, 10,4 %, 25,5 %, 23,8 % соответственно). В Вологодской, Курской, Тюменской областях и Пермском крае инноваторы работают на частных предприятиях, находящихся в личной собственности (47 %, 26 %, 31 % и 50 % соответственно). Причем в Тюменской области высока доля новаторов, занятых в крестьянских, фермерских хозяйствах – 27 %, в то время как в Тульской, Вологодской, Курской, Пермском и Красноярском крае данный вид трудоустройства инноваторов составляет минимальный показатель – от 0 до 0,6 %. Также весьма неэффективными для участников инноваций являются личные подсобные хозяйства – в них доля занятых в рассматриваемых регионах также низка – от 0 до 0,5 %²¹.

При этом максимальное число инноваторов относят себя к среднему слою в своем

регионе: от 33,9 % в Вологодской области до 48,6 % в Свердловской области. Инноваторов, относящих себя к низшему классу, очень мало: от 1 % в Свердловской области до 7 % в Красноярском крае.

Анализируя оценки населения по поводу степени помощи и противодействия со стороны других лиц при создании каких-либо новшеств, следует отметить, что новым фирмам оказана поддержка оказана в основном в виде кредита, либо просто на уровне друзей; новый продукт – администрация либо друзья; новая технология и услуга – друзья либо администрация. Причем максимальная поддержка кредитованием для новых фирм была оказана в Курской и Вологодской областях (44 %), минимальная – в Тюменской области (в 2013 году кредит на открытие фирмы получили 28 % инноваторов). В Перми 5 % инноваторов получили кредит на открытие фирмы, однако 16 % было в нем отказано, также как и 3 % желающим, предлагавшим новый продукт.

Таким образом, суммарный уровень поддержки весьма существенный. Поддержку друзей в каждом регионе получили в среднем 23 % новаторов. Самый высокий уровень поддержки со стороны администрации был оказан в Красноярском крае (в основном 24 % на новую услугу и 23 % на новую технологию); в Вологодской области (в основном на открытие новой фирмы – 21 % и технологии – 17 %), а также в Курской области (в основном, новые технологии – 39 %). Однако нет оснований для заключения об эффективности такой поддержки.

Стратегия «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологии на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» предусматривает переход Российской Федерации к 2020 году на мировой уровень исследований и разработок на направлениях, определенных национальными научно-технологическими приоритетами²². Тем не менее, реальных сдвигов в сторону модернизации производственной, инфраструктурной, продуктивной и институциональной в регионах РФ не наблюдается. Уровень конкурентоспособности регионов РФ определяется, в первую очередь, не инновационными, а экстенсивными факторами. Основную долю валовой добавленной стоимости по-прежнему составляют традиционные отрасли промышленности – обрабатывающие про-

изводства (до 40 %), в Тюменской области – добыча полезных ископаемых (49,9 %)²³. Мероприятия, направленные на рост инновационности в РФ, имеют существенное материально-экономическое обеспечение, но не подтверждаются реальной активностью на уровне экономических агентов (как населения в целом, так и субъектов экономической деятельности). При этом обновление оснащенности перерабатывающего сектора экономики происходит крайне медленно и не соответствует задачам и темпам модернизации экономики России.

Таким образом, главными факторами повышения инновационной активности населения являются уровень образования, эффект городских агломераций, поскольку там выше уровень развития инфраструктуры и доступа к ресурсам, а опорные зоны влияния инновационной политики со стороны государства – частные организации или организации, находящиеся в личной собственности, размер которых превышает средний по региону.

Приложение 1. Структура выборки.
Объем выборки, 2006, 2009, 2011, 2013 годы

Регион	2006		2009		2011		2013	
	п	%	п	%	п	%	п	%
Юг ТО	1715	42,9	1560	39	2335	41,9	1271	41,6
ХМАО	1285	32,1	1800	45	2264	40,7	1301	42,6
ЯНАО	1000	25	640	16	968	17,4	482	15,8
Всего	4000	100	4000	100	5567	100	3054	100

Выборка репрезентирует население юга Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югра) и Ямало-ненецкого округа по половозрастной структуре сельского/городского населения с ошибкой не выше 3 %²⁴. В целом по области было опрошено 47,2 % мужчин и 52,8 % женщин, 22 % и 78 % сельского и городского населения (на юге ТО, ХМАО и ЯНАО доля сельского населения составила 39,3 %, 6,5 % и 17,8 % соответственно). По уровню образования 27 % среднее и ниже среднего, 38,8 % начальное профессиональное и среднее специальное, 3,5 % незаконченное высшее, 26 % высшее и послевузовское.

Примечания

¹ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период

до 2018 года (утв. Председателем Правительства РФ 31 января 2013 года) [Электронный ресурс]. URL : <http://government.ru/media/files/41d4469723e7e2a0d5b5.pdf>. С. 9.

² Виленский, П. Л. Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика / П. Л. Виленский, В. Н. Лившиц, С. А. Смоляк. М. : Дело, 2008. С. 119–122, 418–425.

³ Гохберг, Л. М. Инновационное развитие – основа модернизации экономики России : национ. докл. / Л. М. Гохберг, Н. И. Иванова, Д. В. Клевжиц, Н. В. Михайлов, В. Д. Рудашевский. М. : ИМЭМО РАН, ГУ-ВШЭ, 2008.

⁴ Подробнее см.: Официальный информационный сайт экспертных групп по работе над «Стратегией-2020», материалы экспертной группы № 5 : Переход от стимулирования инноваций к росту на их основе (руководители – Л. М. Гохберг, И. Р. Агамирзян). URL : <http://2020strategy.ru/g5>.

⁵ Инновационная Россия – 2020. Разд. I, с. 8. См. текст этого документа на официальном сайте Министерства экономического развития Российской Федерации: URL : http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016.

⁶ Башкатова, А. Российская модель инноваций терпит крах. Китай развивает собственные технологии на базе растущего экспорта // Независимая газ. Экономика. 2013. 27 сент.

⁷ Карачаровский, В. В. Об эффекте инновационной деятельности в российской экономике на макро- и мезоуровне // Проблем. анализ и гос.-управлен. проектирование. 2012. Т. 5, № 6. С. 21. Достаточно принципиальные и весьма конструктивные идеи по этому поводу приведены также в его работе: Карачаровский, В. В. Экономическая мотивация и инновационные процессы // Проблем. анализ и гос.-управлен. проектирование. 2011. Т. 4, вып. 6.

⁸ Исследование INSEAD : Глобальный индекс инноваций 2013 года [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL : <http://gtmarket.ru/news/2013/07/01/6051>.

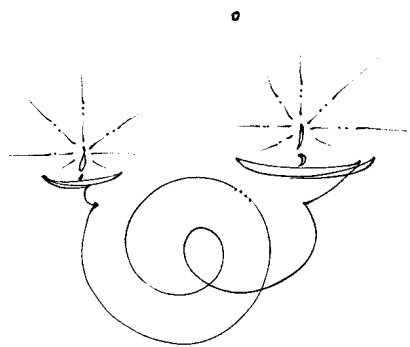
⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. / Росстат. М., 2012. URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm.

¹⁰ Российский инновационный индекс. М. : НИУ ВШЭ, 2011. С. 80–81.

¹¹ Мезоэкономика развития / под ред. Г. Б. Клейнер. М. : Наука, 2011.

- ¹² Клейнер, Г. Б. Мезоэкономика развития : от кризиса к анабазису // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 5. С. 5–14.
- ¹³ Понятие ‘конкурентоспособность институтов’ введено и раскрыто в работе: Ясин, Е. Г. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики / Е. Г. Ясин, А. А. Яковлев // Вопр. экономики. 2004. № 7. С. 15–19. Вместе с тем, сама проблематика роли региональных институтов в коммерциализации инновационной деятельности является предметом целого спектра зарубежных исследований. Обзор этой тематики представлен в работах: Antonelli, C. *The economics of innovation: from the classical legacies to the economics of complexity* // *Economics of Innovation and New Technology*. 2009. Vol. 18, № 7. P. 611–646; Howells, J. *Intermediation and the role of intermediaries in innovation* // *Research Policy*. 2006. Vol. 35, № 5; и др.
- ¹⁴ Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и информационное общество. Наука и инновации. 2012 [Электронный ресурс] / Росстат. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#.
- ¹⁵ Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]. URL : http://www.rfbr.ru/rffi/ru/announcement/o_36893.
- ¹⁶ Мау, В. Между модернизацией и застоём : экономическая политика // Вопр. экономики. 2013. № 2.
- ¹⁷ Полищук, Л. Аутсорсинг институтов // Вопр. экономики. 2013. № 9. С. 42.
- ¹⁸ Базы данных программы «Социокультурные портреты регионов России ЦИСИ ИФ РАН (рук. Н. И. Лапин). Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы её стратегии // Социол. исслед. 2012. № 9. С. 4–23; Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и информационное общество. Наука и инновации. 2012 [Электронный ресурс] / Росстат. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#.
- ¹⁹ Лапин, Н. И. : 1) Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социол. исслед. 2011. № 9. С. 3–17; 2) Све-ряем человеческие измерения модернизации (по результатам третьей волны Европейского социального исследования, 2006) // Мир России. 2011. № 2. С. 33–73.
- ²⁰ Давыденко, В. А. Управление инновационным развитием региона : науч. моногр. / В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина, Д. Ф. Скрипнюк, А. Н. Тарасова, Н. И. Диденко. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2013. 436 с.; Давыденко, В. А. Экономические механизмы формирования и воспроизводства социальной структуры региона / В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2013. № 8. С. 95–104.
- ²¹ Подробнее см.: Официальный информационный сайт экспертных групп по работе над «Стратегией-2020», материалы экспертной группы № 5 : Переход от стимулирования инноваций к росту на их основе (руководители – Л. М. Гохберг, И. Р. Агамирзян). URL : <http://2020strategy.ru/g5>.
- ²² Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]. URL : http://www.rfbr.ru/rffi/ru/announcement/o_36893.
- ²³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. [Электронный ресурс] / Росстат. М., 2012. URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm.
- ²⁴ Демографический ежегодник (2006–2011) : стат. сб. : в 4 ч. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Тюмен. обл. Тюмень, 2012. Ч. 2. С. 152; Ч. 3. С. 136; Ч. 4. С. 130.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

К. Н. Суханов

ПРОБЛЕМА НАУЧНОСТИ ФИЛОСОФИИ

Исследуется проблема применимости критериев научности, научной рациональности к философии. В статье обосновывается положение о необходимости дифференцированного выбора критериев истинности для различных составных частей философии с учетом их взаимодействия с конкретной наукой и языком.

Ключевые слова: философия, индуктивный метод в философии, теоретико-дедуктивный метод в философии, познавательные функции философии, критерии научности философии.

Со времени появления целого комплекса конкретно-научных дисциплин с их специфическими предметами изучения и специфическими методами исследовательской работы особенно острой стала критика идеи научности философии. К основным аргументам этой критики относятся утверждения об отсутствии у философии своей предметной области, экспериментальных средств, надежных опытных данных, фактов, четких критериев отличия истинного от ложного, «философическая» расплывчатость и неконкретность, отсутствие прямого воздействия на практическую деятельность человека. Смысл этой критики рационален и может быть выражен бесспорным положением: «Философия не является конкретно-научной дисциплиной». Однако эта критика, похоже, не учитывает исторической относительности содержания понятий 'философия' и 'наука', конкретно-исторический, диалектический характер соотношения философии и науки.

Наука как система знаний, процесс познания, социальный институт, основа развития производства и практики, основа формирования отношения человека к миру эволюционирует. Формируются принципиально новые научные знания. Например, в физике появление квантовой механики и теории относительности ознаменовало коренной переворот

в содержании научных представлений, которые граничат с философскими концепциями материи, пространства, времени, причинности и пр. Существенный вклад в формирование новых научных представлений внесли кибернетика, синергетика и другие современные отрасли науки. Переворот в содержании научных представлений связан с развитием новых методов познавательной деятельности и, что особенно важно, с вторжением в научное познание таких «расплывчатых» явлений, как эвристическая интуиция, вера и т. п. Появление атомной, ядерной физики привело к использованию новых источников энергии, а также к созданию средств массового уничтожения, применение которых создает угрозу уничтожения человечества. В этой связи получил совершенно новый смысл вопрос о социальных функциях науки и социальной ответственности ученых. Оценка прямого воздействия науки на практическую деятельность человека потеряла однозначность. Отмеченные и другие изменения поставили вопрос о четком выделении критериев научности и возможности их применения к философии.

Сегодня философствование как практика предельно обобщенного размышления о бытии целостности сущего (онтология как раздел философии), социуме (социальная

философия), человеке (философская антропология) неизбежно соединяет оперирование философскими категориями с конкретно-научным материалом. Философствование в аспекте онтологии может осуществляться по индуктивному методу абстрагирования и обобщения конкретно-научного материала¹, который выполняет функцию базы для движения к универсальным философским абстракциям и обобщениям (восхождение от конкретного к абстрактному) и обеспечивает не абсолютную истинность онтологических обобщений, но лишь их правдоподобность, т. е. относительную истинность. При теоретико-дедуктивном методе философствования, когда универсальные философские категории и обобщения берутся в качестве исходного пункта философствования, конкретно-научный материал выполняет иллюстративно-поясняющую, конкретизирующую, подкрепляющую функцию. В связи с последним, по нашему мнению, можно говорить об относительной эмпирической проверяемости онтологических философских концепций, отдельных онтологических положений философии. Конечно, при условии понимания эмпирии, опыта в широком смысле, с охватом экономической, педагогической и правовой практики и др. В обоих случаях развертывания философских онтологических учений универсальные философские категории и обобщения, с помощью которых формулируются универсальные законы, позволяют философии участвовать в реализации таких научных функций, как предвидение и объяснение. В этом плане научность философии справедливо связывать с функцией предвидения и преобразования действительности.

Философия не является простым инструментом предвидения конкретных фактов. Функцией философии здесь является оценка логико-гносеологической состоятельности научного инструментария и процедуры предвидения и процедур обобщения, интеграции, синтеза знаний, открытия наиболее общих закономерностей, связей, взаимодействий основных подсистем бытия, а также оценка программ и инструментария практической деятельности. Философия как размышление в теоретико-познавательном плане предлагает ученым принципы различения существенного и несущественного, необходимого и случайного, возможного и действительного, классификацию видов законов, видов дина-

мики бытия, критерии истинности научных суждений и пр. Такое участие в некотором смысле косвенное, однако в итоге оно способствует эффективному достижению поставленных наукой целей. Поскольку философия косвенно участвует в обеспечении эффективности познавательных научных процедур и практической деятельности, отдельные разделы, направления, концепции философии действительно могут считаться научными.

В ряде работ признаком научности предлагается считать прямое применение научных методов к разработке философских проблем². Предлагается считать философию научной, если она строится общенаучными методами и согласуется с положениями и выводами частных наук, использует историю науки и философии как материал для философского мышления. Добавляются и другие признаки научности философии – систематичность, независимость от внешнего авторитета, выдвижение отчасти достоверных, отчасти предположительных, гипотетических утверждений, шансы на доказательность которых «слабее» по сравнению с конкретными науками. С процедурной точки зрения (философии как вида познания) некоторые из указанных признаков можно считать свидетельством научности философских исследований. К таковым признакам относятся теоретичность, использование общенаучных методов теоретического мышления, согласованность с содержанием частных наук, систематичность, сочетание достоверных и предположительных представлений (при более «слабой» доказательности последних по сравнению с конкретной наукой). Проблематичен учет независимости от внешнего авторитета, поскольку он ведет к отрицанию развития философского познания в рамках философской школы.

Слабым аргументом в пользу научности философии является не оговариваемое никакими ограничениями использование истории философии – в ней далеко не всегда фигурируют учения, имеющие основания считаться научными. Изложенному пониманию научности философии противостоит утверждение о том, что научная философия – «это не полигон для научных методов и идей на территории философских исследований; это такая философия, критерии рациональности которой в значительной мере сближаются или даже совпадают с критериями научной рациональности»³. Законы логики, законы фун-

даментальных научных теорий, принципы, идеалы, образцы решения задач и др., обеспечивающие достижение прокламируемых целей исследования, создают обобщенный конкретно-исторический образ рациональности, пригодный для приложения к философским исследованиям и размышлениям. Безусловно, философия, как уже отмечалось, не имеет статуса обычной научной дисциплины, а философия в смысле личного мировоззрения, не сводящегося к решению научно-познавательных задач, и вовсе не может быть наукой. Однако тотальное выведение с территории философских исследований научных методов и идей не оправдано.

Другой формой «вторжения» философии в науку является выполнение философией упреждающей конкретно-научное познание эвристической функции прогноза, заполнения «белых пятен» в познавательной картине мира. Здесь философия может создавать «эскизы» тех или иных природных или общественных реалий, подготавливающие их последующую конкретно-научную проработку. Философские прогнозы, эскизы – это гипотетические когнитивные конструкции, которым при их появлении нельзя приписывать ни истинность, ни ложность. Естественно, оценка вклада философии в функционирование научного познания в этом аспекте может быть положительной только после конкретно-научного решения соответствующих проблем. Но такова судьба и любых конкретно-научных гипотез. Эвристические прогнозы, упреждающие создание «эскизов» различного рода реалий сами по себе, таким образом, не могут служить основанием для их причисления к научному знанию. В данном случае можно говорить лишь о причастности философии к процессу научного познания в качестве методологического инструментария. Критерий участия философии в обеспечении состоятельности логико-гносеологических процедур научного познания, программ и инструментария практической деятельности должен использоваться, в частности, при оценке научности диссертационных исследований.

Наиболее радикальный взгляд на научность философии состоит в утверждении, что если брать философию в составе таких составных частей, как логика, эпистемология, методология, теория действий, философия языка, основания естественных, социальных

и гуманитарных наук, философия права, то научность философии можно трактовать в смысле применения точных научных методов теоретического анализа соответствующих проблем⁴. При этом философское знание должно браться не в рецептурном, а в дескриптивном модусе, с применением стандартных форм специального языка описания изучаемой области. В принятом языке описываются определенные объекты рассмотрения и формулируются онтологические допущения относительно этих объектов.

Система, представленная языком, не подлечит отождествлению с действительностью. Утверждения существования в этой системе не претендуют на установление существования чего-либо в самой объективной реальности. Существующими признаются лишь абстрактные идеализированные объекты, их свойства и отношения, доступные описанию в принятом языке. Истинность получаемых описаний рассматривается в соответствии с аналитической, когерентистской концепцией истины. Рассматриваемая трактовка истинной философии исходит из понимания философии как абстрактной теоретической системы, непосредственно не тождественной действительности и не использующей эмпирические методы наблюдения, эксперимента, измерения и метод индуктивного обобщения. Философия относится к дедуктивно, а не индуктивно развиваемой системе знаний. Такое понимание наиболее адекватно характеризует теоретичность, рефлексивность философствования и делает законным введение понятия 'теоретическая философия'. В теоретической философии реализуются такие фундаментальные критерии научности и научной рациональности, как формулировка универсальных законов, непротиворечивость, системность, когерентность.

Абстрактно-теоретическая трактовка философствования объясняет господствующую в философии предметную неопределенность⁵, необщезначимость вводимых в теоретическую систему объектов рассмотрения. Она допускает ограничение философствования рамками одной или несколькими (не всеми) из перечисленных выше составных частей философии. Такая же неопределенность существует и в рецептурных вариантах философствования, в которых философа интересует не устройство мира и его описание, а смыслы человеческого бытия в нем,

фундаментальные ценности человеческого существования и мнения о них⁶. Высшим критерием ценности бытия человека считается уникальность, неповторимость человеческого Я или социального явления. В принципе ценностный поход как способ выражения отношения человека к миру допустим и при рассмотрении действительности. В валюативном (ценностном) варианте философствования положения принимаются и отвергаются не по логическим критериям выводимости и когерентности, а по «велению сердца». Правильность положений определяется без обращения к специальным научным процедурам «верификации», проверки на истинность, поскольку смыслы и ценности лежат в сфере должного, а не в сфере объективно сущего. Вместе с тем существует в известном смысле объективная логика оценок, которая позволяет трактовать положения валюативной философии в аспекте аналитической истинности. Философы могут расходиться в содержательной трактовке ценностей, в их выборе, но логика в принципе должна быть обозначимой.

Таким образом, о научности философии, философских исследований, философских концепций можно говорить в смысле участия философии в реализации научных функций предвидения и объяснения, в обеспечении эффективности познавательных научных процедур и практической деятельности, построения философских концепций общенаучными методами, согласованности этих концепций с положениями и выводами частных наук, подкрепляемости опытным материалом, выполнения философией упреждающей конкретно-

научное познание эвристической функции прогноза, заполнения «белых пятен» в познавательной картине мира, функции формулировки универсальных законов, реализации логической выводимости (аналитической истинности), непротиворечивости, системности в рамках «теоретической философии».

Примечания

¹ Суханов, К. Н. *Онтология, эпистемология и логика науки*. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. С. 13–16.

² Алексеева, И. Ю. *Научная философия как «культурная система» : о Владимире Николаевиче Ивановском и его идеях* // *Вопр. философии*. 2012. № 11.

³ Порус, В. Н. *К вопросу о «научной философии»* [Электронный ресурс] // *Философия науки*. 1998. Вып. 4. URL :

⁴ Анисов, А. М. *Концепция научной философии* В. А. Смирнова [Электронный ресурс]. URL : <http://philosophy.ru/iphras/library/phnauk2/SCIENCE2.htm>.

⁵ Момджян, К. Х. *Возможна ли научная философия общества?* // Момджян, К. Х. *Введение в социальную философию : учеб. пособие*. М. : Высш. шк. : Университет, 1997. Разд. 1, гл. 1.

⁶ Никифоров, А. Л. *Является ли философия наукой?* [Электронный ресурс]. URL : <http://prepod.nspu.ru/mod/resource/view.php?id=12262>. Сайт поддерживается Институтом открытого дистанционного образования Новосибирского государственного педагогического университета.

Э. Г. Чернова

О «ВЕЧНОЙ» ДИЛЕММЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Рассматриваются современные варианты традиционных методологических подходов в историческом познании. Дается краткая характеристика когнитивно-информационной теории и конструктивизма. Обосновывается правомерность и результативность трактовки исторического познания как диалога.

Ключевые слова: история, историческое познание, методология истории, когнитивная теория, конструктивизм, диалог.

Представления о прошлом – неотъемлемая и необходимая составляющая поддержания культурной традиции и обретения культурной идентичности. Такие представления формировались и у бесписьменных народов, а с появлением письменности они трансформировались в знание. В обществах стабильных, где традиции культуры неизменны в течение тысячелетий, достаточно мифологического понимания истории. Научное же знание, в том числе и о прошлом, – сравнительно недавнее европейское изобретение, необходимое в условиях динамической культуры как основа консолидации. Все осложняется стремлением исторического познания к объективности, поскольку исследование предполагает хотя бы некоторую независимость от выполнения историком идеологически ориентированных социальных запросов, что не исключает его дальнейшее функционирование в обществе.

Знание о прошлом, как и социально-гуманитарное знание в целом, – оружие обоюдоострое, и поэтому методологические проблемы исторического исследования остаются одной из наиболее дискуссионных тем уже полтора столетия. Неокантианцы на примере истории показывали специфику «наук о духе», затем к этой проблеме возвращались не раз – при становлении концепции «нарративной истории», а в нашей стране в связи с перманентными переменами двадцатого столетия.

Чрезвычайно острым является вопрос о том, в какой степени историческое знание нужно современному человеку, в ракурсе проблемы ценности и оценки исторического знания. Он волнует не только профессиональных историков, но и авторов философских исследований¹. Если утверждать, что проектируемое и возникающее будущее не может быть похоже не то, что есть и было до сих

пор, то знание о прошлом не помогает понять ни настоящее, ни тем более будущее. Плюс к этому глобализационные процессы стирают память о прошлом, даже путем уничтожения национальных валют. В таких условиях возникает тип личности, живущий только от эпизода к эпизоду, с «размытой» идентичностью, для которого, к примеру, события Великой отечественной войны так же далеки и малозначимы, как военные походы русских князей в средние века. Поэтому настоящие баталии развертываются в связи с созданием концепции единого школьного учебника истории. Если в ее рамках события февраля и октября 1917 года именуют Великой русской революцией с соответствующей трактовкой, то налицо не стремление к достоверности, а достижение определенных идеологических целей.

В современной исторической науке сосуществуют и противостоят две парадигмы, являющиеся очередными олицетворениями сторон постоянной методологической дилеммы: ценность исторической эпохи против оценки ее историком в ходе эволюции исторического знания.

Сторонники первой видят организующий момент исторического знания в ценностном выборе историка, аргументируют конструктивистский характер исторического знания. Сторонники второй стремятся доказать, что история может быть строгой наукой с четкими критериями системности, точности и доказательности нового знания, что делает реальным моделирование и прогнозирование социальных процессов. В России эта парадигма реализуется в рамках когнитивно-информационной теории, основные принципы которой были разработаны О. М. Медушевской и ее последователями.

С позиции когнитивно-информационной теории в исторической науке, опосредованный информационный обмен осуществляется через целенаправленно создаваемые интеллектуальные продукты – вещи, исторические источники в целом. Тогда история предстает как наука обо всех видах и формах человеческой деятельности, которые реализовывались в ходе эволюционно целостного исторического процесса. Целенаправленно созданные продукты интеллектуальной деятельности представляют доступный непосредственному изучению объект, который может быть исследован в том числе и методами точных наук².

Сторонники данного подхода утверждают: нет и не может быть другой истории, кроме истории человеческого мышления. Исследование возможностей и пределов мышления реализуется по вещественным и осознанным результатам познавательного процесса. Утверждается наличие различного рода всеобщностей, которые обуславливают единство назначения, структуры и функционирования информационного ресурса общественного сознания и исторического знания в социуме на каждый момент истории. Признавая, тем не менее, конструктивный характер исторического источника, автор данной теории отмечает, что историк проводит и деконструкцию источника, т. е. выявляет информационные ресурсы.

Последователи когнитивно-информационной теории весьма воинственно заявляют, что релятивизм и признание множественности смыслов в историческом знании научно несостоятельны и «выражают отсутствие творческого начала, исключенность из полноценной познавательной деятельности людей, не имеющих достаточного уровня профессионализма», что релятивистские постмодернистские теории понятны лишь поверхностному массовому сознанию, довольствующемуся суррогатной вторичной информацией и не расположенному к научной критической проверке. Речь идет об изобретении новых методов прежде всего в источниковедении, которые позволят создать более богатую картину прошлого во времени, пространстве и интенсивности исследования различных сторон реальности. История понимается как строгая наука со всеми вытекающими требованиями к логике выведения понятий, критической проверке данных и доказательности выводов.

Утверждается, что когнитивная теория истории демонстрирует создание наукоучения, позволяющего преодолеть нарративизм и соответствующие ему «наивно-герменевтические подходы»³.

Изучение несогласующихся источников в рамках данного подхода предполагается с позиций источниковедения: анализ ненамеренно включенной автором в источник информации с целью определения подлинных мотивов создания и, соответственно, достоверных сведений. Раскрывая содержание и качество зафиксированной информации в контексте общего информационного пространства данной эпохи, представленного всей совокупностью дошедших источников, исследователь определяет значимость информационного ресурса в целом, а значит, может выявить определенные отклонения в отдельных источниках. Методология когнитивной истории сравнивает источники не как произведения, а как интеллектуальные продукты с точки зрения их информационного ресурса – фиксированного смысла.

Такая концепция отчетливо демонстрирует стремление соотнести историческое знание с корреспондентной истиной, а выделение «эмпирических единиц измерения» и возможность применения математических и логических методов информации становятся основой прогнозирования в социальной сфере. Таким образом, специфика исторического знания отодвигается на задний план, а история постулируется как «настоящая» наука.

Но остаются вопросы: если история есть история человеческого мышления, то каким образом оно может быть исследовано по результатам? Подобно тому, как физик судит о свойствах элементарных частиц по трекам в камере Вильсона, историк воссоздает события по «следам», и что подлежит изучению в этих «следах»? Насколько значимыми являются отвергаемые когнитивно-информационной теорией «методологически беспомощные дискурсы»?

В суждениях о характере исторического знания нельзя не учитывать тот фактор, что источники как следы фактов, мыслей и поступков дают первоначальную информацию, которая делает возможным конструирование исторических фактов, ограниченное вопросом или запросом. Неизбежно источник отражает взгляды и предпочтения автора, а известная актуальность прошлого для настоящего

делает его изучение заинтересованным и связанным с индивидуальным мировоззрением. Правомерность придания разной значимости фактам прошлого, роль интерпретационных методик обеспечивают плюралистичность исторической истины. Исторические суждения и выводы являются аргументированными высказываниями, включающими индивидуальную интерпретацию содержащихся в источниках сведений, определяемую в том числе многозначными неформализованными историческими концепциями. Результат исторического исследования – безусловно, конструируемое знание. Описание события на основе доступных данных становится основой интерпретации мотивов и целей, последствий и значимости событий.

Существуют и границы исторической субъективности – это элементы исторического знания, однозначно реконструируемые сообществом ученых на основе сопоставления сведения различных источников. Это дихотомические представления, пространственно-временные тенденции, оформленные в виде юридических норм, обычаи и нормы поведения.

Среди множества концепций, основывающихся на признании конструктивного характера исторического знания и акцентирующих субъективизм историка как необходимость, можно выделить радикальный конструктивизм, представители которого считают, что мир прошлого является значимым только в рамках различных социокультурных практик, а историческое знание рассматривают всего лишь как проекции этой практики. Результат исторического познания противопоставляется исторической действительности, а само историческое познание признается родом интеллектуальной игры, которая ведется в культуре с помощью средств самой культуры. Истинными считаются исторические знания, полученные в соответствии с социально и культурно санкционированными понятийными схемами и прошедшие отбор прежде всего среди историков. Для радикального конструктивизма историческое познание есть форма ориентации в современном мире, а исторические знания производятся для того, чтобы облегчить социокультурные коммуникации.

Наиболее равновесной представляется позиция так называемого конструктивного реализма. Его сторонники рассматривают

историческое познание как предполагающее взаимодействие историков, с одной стороны, с исторической действительностью, а с другой – друг с другом. В рамках этих взаимодействий конструируются «жизненные миры» как картины исторического прошлого, частично соответствующие самой исторической действительности, но неизбежно несущие отпечаток «почерка» познающего.

С этой точки зрения удается аргументировать неизбежно диалогический характер исторического познания. Предмет исторической науки – «говорящее бытие» (М. Бахтин). Это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении. Нет границ диалогическому контексту: даже рожденные в диалоге прошедших веков смыслы никогда не могут быть стабильными, раз и навсегда завершенными, – они всегда будут обновляться в процессе последующего, будущего развития диалога. «В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде»⁴.

Истинностная характеристика высказываний о прошлом неопределенна. По сути, след события всегда фрагментарен и неполно характеризует событие, его оставившее, и обязательно найдутся такие свойства событий, о которых будут невозможно обоснованно утверждать ни то, что эти свойства были, ни то, что их не было. Следовательно, историческое познание в принципе не в состоянии воссоздать прошлый объект в той мере, в какой это было бы возможно при актуальном существовании данного объекта. И основной задачей исторического познания становится восстановление определенных свойств объекта, оставившего след, на основании признаков, присущих следу, без произвольного приписывания объекту таких свойств, которые обусловлены личными особенностями исследователя.

Исторический источник представляет собой «место встречи» субъективностей автора и интерпретатора, которые вступают в диалог, не обладая единообразием психики и «языка культуры». Если речь идет о диалоге с чужим сознанием, нет ничего более обманчивого, чем точность. Здесь важен сам принцип: мы стремимся к адекватному, пусть и неосу-

ществимому в полной мере, истолкованию текста в надежде увидеть лицо автора, понять ход его рассуждений для того, чтобы расширить пределы своего понимания. Традиционный подход, согласно которому историк лишь задает вопросы, а источник послушно отвечает на них, уже не срабатывает. Текст должен предстать как непосредственное откровение; в нем важно все, в том числе и нюансы авторской интонации. Такой подход, учитывающий стиль мышления автора при анализе историографических высказываний, демонстрирует, например, В. Л. Махлин⁵.

Признание диалогического характера исторического исследования «задействует» конвенциональную, когерентную и прагматическую концепции истины. «Новая философия истории», возникшая в 80–90-е годы прошлого столетия и представленная прежде всего работами Ф. Анкерсмита⁶, прямо соотносится с экзистенциальным подходом к понятию истины, в данном случае – «истинной сути» исторического знания: главным объектом анализа здесь является экзистенциальный опыт самого историка и отражение этого опыта в создаваемых им произведениях. Исторический опыт трактуется как опыт некоего невыразимого разрыва между «нами-теперь» и «нами-тогда», того значимого в прошлом, что еще находится в пределах нашего видения⁷.

Таким образом, формируемая в результате исторического познания историческая реальность не может рассматриваться в категориях только субъективности или только объективности. Любой документ или предмет, принадлежащий прошлому, не является сам по себе элементом исторической реальности, он становится таковым только в том случае, если оказывается в поле зрения исторического сознания, если он откликается на наш актуальный вопрос. В результате диалогического взаимодействия историка и исследуемого им прошлого создается один из вариантов существования социального поля, в котором постоянно осуществляется процесс взаимного конституирования участников такого взаи-

модействия. Интерсубъективные структуры общности, в частности, диалог, обеспечивают возможность раскрытия смыслов объектов познания и создания нового самопонимания исследователя. Так, в историческом познании реализуются сущностные функции диалога: смыслопостижение, смыслопорождение и самоопределение (см. работу Э. Г. Черновой⁸). Вступая в диалог с историческим источником, исследователь расширяет горизонт собственного сознания, наследие прошлого становится способом самопознания, «познанием в инобытии самих себя» (Г. Гадамер). И только в таком качестве знание о прошлом существует как ценность.

Примечания

¹ Жилина, В. А. Культура как развертывание разумности человека // *Вопр. культурологии*. 2009. № 7. С. 12–17.

² Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории. М. : РГГУ, 2008. 368 с.

³ Знание о прошлом в современной культуре (материалы «круглого стола») // *Вопр. философии*. 2011. № 8. С. 18–20.

⁴ Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 373.

⁵ Махлин, В. Л. Второе сознание : подступы к гуманитарной эпистемологии. М. : Знак, 2009. 800 с.

⁶ Анкерсмит, Р. Ф. История и тропология : взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.

⁷ Знание о прошлом в современной культуре... С. 3–45.

⁸ Чернова, Э. Г. Функциональность диалогического взаимодействия // *Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства : всерос. науч. конф. (Челябинский государственный университет. Факультет Евразии и Востока. Кафедра философии. 30 мая 2011 г.)*. Челябинск : Рекпол, 2011. С. 245–249.

НАУКА КАК ПРАКТИКА

На примере этнографических исследований показаны эвристические возможности теории практик, позволяющей рассматривать науку как специфическую форму практики, в которой существенное значение имеют конструктивистский и фоновый характер производства знаний, опыт обращения с вещами, телесное измерение, темпоральный, индексальный, контекстуальный и трансэпистемологический аспекты.

Ключевые слова: наука, этнографические исследования, теория практик, фон, конструктивизм.

Современные социальные теории действия представлены двумя подходами. Один утверждает основополагающую роль субъекта, отводя фундаментальную роль сознанию и подменяя тем самым практическое отношение к миру умозрительной позицией наблюдателя. Другой, принимая идею Маркса о практике как производящей и воспроизводящей деятельности, говорит о фундаментальной роли социальной практики и полагает, что социальная жизнь в любых ее формах должна тематизироваться как сплетение многообразия практик, ситуационно расположенных в пространстве и времени¹. При этом представители данного подхода ставят под сомнение ряд предпосылок. Во-первых, они полагают, что социальные взаимодействия несводимы к его когнитивному и нормативному характеру, считают, что социальный консенсус изначально воплощается в структурах дорефлексивного сознания, представляя собой паттерны восприятия. Во-вторых, отказываются от идеи предзаданного социального порядка, задавая новое видение социальной реальности, где первичной формой выступает повседневная среда, в результате чего общество предстает как совокупность рутинных действий.

Именно в рамках «прагматического поворота» предлагают свое видение теории практик В. В. Волков и О. В. Хархордин. Как стиль исследовательского мышления, а не набор теоретических построений, определяет теорию практик О. В. Хархордин. Он исходит из того, что теория практики, будучи сама формой практики, не объясняет, а интерпретирует, т. е. не дает причинно-следственных объяснений, а обеспечивает новое понимание того, что происходит². Доказательством зрелости данного стиля исследований является

появление работ, где присутствуют понятия ‘фон’ или ‘задний план’, заменяющие собой метафору ‘контекст’. При этом между понятиями ‘фон’ и ‘контекст’ существует как сходство, так и различие. Последнее проявляется в том, что если ссылка на контекст дает панорамное видение, то понятие ‘фона’ отсылает к видению глубинному. Сходство же состоит в критике классической теории истины как соответствия. Понятия ‘фон’ и ‘контекст’ заменяют процедуры верификации и фальсификации, предложенные в рамках позитивистской программы, и призваны указать на место, где происходит само уподобление вещей и идей. Подобно понятию ‘контекст’, указывающему на существование некоторого предзнания, обеспечивающего понимание, понятие ‘фон’ указывает на «обычно неартикулируемые предпосылки речи и интенциональной коммуникации»³.

Применительно к науке идея фонового характера познавательной деятельности тематизирована в известной работе М. Полани, который утверждал, что «в самом сердце науки существуют области практического знания, которые через формулировки передать невозможно»⁴. Он полагал, что наука, с одной стороны, опирается на опыт, с другой, опирается на опыт «определяется возможностями личностного знания»⁴. Личностное знание представлено в свою очередь структурой умений, которые, как практические навыки, есть ряд правил и норм, как правило, не известных человеку, совершающему само действие. Классическими примерами являются плавание и езда на велосипеде. Как утверждает М. Полани, умения не могут быть полностью объяснены аналитически, т. е. их невозможно передать в форме предписаний. Умения, правила которых скрыты и не подлежат точной фор-

мализации, могут передаваться путем ситуации «лицом-к-лицу», путем личного примера. Владение навыками на основе примера отсылает нас к роли авторитета или отдельной личности. В парадигме М. Полани возможность стать экспертом связана не столько с овладением инструкций, сколько представляет собой результат «следования примеру в непосредственном личном контакте». Что касается более широкого философского контекста, то на двойственный характер ссылок на авторитет указал в герменевтической традиции Х.-Г. Гадамер. Авторитет, в случае если он занимает место собственных рассуждений и трактуется как противоположность свободе и разуму, подлежит критике. Однако это не исключает возможность понимания авторитета как источника истины. Принадлежность личности, авторитет имеет своим основанием не только отказ от разума и акт подчинения, но также акт признания, проявляющийся в «осознании того, что личность превосходит нас умом и остротой суждения, а значит, ее суждения важнее наших, то есть обладают большим достоинством чем наши собственные»⁵. Отличие между позициями М. Полани и Х.-Г. Гадамером в трактовке роли личности и авторитета состоит в том, что крупнейший представитель герменевтической традиции полагает: «...признание авторитета всегда связано с допущением, что обусловленные им высказывания не носят неразумно-произвольный характер, но в принципе доступны для понимания <...>, например, путем выдвижения разумных оснований»⁶. М. Полани же исходит из предположения о принципиальной невозможности аналитической формализации имеющегося у личности знания. Именно признание невозможности полной экспликации существующих установлений потребовало от Х.-Г. Гадамера обращения к роли традиции, предложив рассматривать ее не как ограничивающий предрассудок, а как неотъемлемое условие понимания помимо доводов разума. В итоге следует предположить, что фоновый характер научной практики принимает форму неявного личностного знания, авторитета и традиции.

Разрабатывая собственное видение теории практик, В. В. Волков предлагает рассматривать социальную динамику как изменение фоновых практик посредством трех способов: артикуляции, реконфигурации и заимствования⁷. Под артикуляцией понима-

ется процесс «наименования» способа или стиля действия, в результате чего он приобретает нормативный характер и получает распространение. Примером можно считать современные попытки сформулировать требования к профессиональным сообществам в рамках Европейской Хартии исследователей, содержащей общие принципы и требования к исследователям, работодателям и субсидирующим организациям⁸. О реконфигурации можно говорить, когда практика или ее отдельные аспекты, будучи периферийными, становятся центральными. Примером может служить процесс Пастеризации Франции, описанный в лабораторных исследованиях Б. Латура, показавший, как научные практики, будучи перенесенными во внешний мир, способствовали его кардинальной трансформации⁹. Заимствование есть перенос практик из одного контекста в другой. Примером может служить американский проект «академического капитализма», предложенный в 90-е годы прошлого века и вызывающий в настоящее время неоднозначную реакцию¹⁰. В результате современное образовательное пространство предстает как поле с двумя полюсами: с одной стороны, вузы, ориентированные на конъюнктуру и заинтересованные в экономическом либерализме, с другой – вузы, характеризующиеся традиционализмом¹¹. Как замечает В. Г. Горохов, «в новом мире “академического капитализма” не остается места для классической роли профессора и ученого»¹². Опираясь в качестве концептуальной схемы на взгляды М. Вебера, а также национальные особенности российской системы образования, В. Г. Горохов указывает на существование двух традиций в подготовке научных кадров – классической и практической. И делает вывод о необходимости комбинации практического и гуманитарно-теоретического образования, характерной для медицинских факультетов российских университетов как наиболее перспективной и продуктивной.

Современный этап развития теории практики характеризуется поворотом к материальному, т. е., с одной стороны, практики обладают телесным измерением, с другой, включают в себя совокупность материальных предметов¹³. Тем самым теория практики позволяет преодолеть искусственное разделение материального и символического, которое долгое время господствовало в социаль-

ных науках. В этом отношении рефлексивную критику науки как практики представляют две формы анализа: человекоцентричный и постчеловекоцентричный. Традиционный анализ науки как было указано вначале, будучи человекоцентричным и неправомерно распределяя фокус внимания, отдает приоритет субъекту, трактуя его как основной источник деятельности. Основным аргумент в пользу такого подхода гласит, что материальная сторона научной практики является сферой компетенции самих участников, т. к. именно ученые обладают инструментами и концептуальным аппаратом, позволяющим им говорить от имени вещей. Постчеловеческий анализ не просто признает роль нечеловеческой материальной деятельности в науке, но и предпринимает попытки рефлексивной тематизации диалектики субъекта и объекта. Так, Э. Пикеринг развивает идею темпорально эмерджентной структуры научной практики, представленной диалектикой противодействия и приспособления, иллюстрируя ее на примере создания пузырьковой камеры¹⁵. Он утверждает, что материальная деятельность постоянно подвержена «настойке» в режиме реального времени и взаимно вовлечена в противодействие и приспособление с деятельностью человеческой. Идеи «темпоральной эмерджентности» близко понятие 'калибровка' А. Франклина¹⁵. Принимаемая Дж. Питтом в качестве **важнейшего фактора** научной практики, калибровка «включает серию испытаний и приспособлений, с помощью которых инструмент приводится в требуемое для сбора надежных данных состояние»¹⁶. Однако, как отмечает Дж. Питт, за этим процессом скрывается допущение о существовании набора стандартных условий. В реальной же практике такие стандарты включены в различные контексты (научные, социальные, финансовые, географические, исторические, философские), которые неоднозначно определяют эволюцию научных технологий.

На телесный характер практик указывает Л. Тевено, помещая мышление в «освоенные тела» и практики и, таким образом, связывая познание «не только с формами коллективного, но и конфигурациями действия»¹⁷. Л. Тевено рассматривает ряд понятий, которые используются при анализе взаимосвязи знания, социальности и действия. В частности, он указывает, что интерес М. Мосса к челове-

скому телу и его техникам в сочетании с акцентом на коллективность позволил П. Бурдьё связать в понятии 'габитус' телесную привычку и социальные формы. Общеизвестно, что в философской традиции феноменология М. Мерло-Понти **выдвигает на первый план** тело как источник обобщений, но не прибегает при этом к идее социальности, т. к. обобщение, которое осуществляет тело, не связано с какой-либо социальной группой. Скорее, тело есть опосредующее звено, медиатор между сознанием и миром. Что касается самого Л. Тевено, то предложенное им совместно с Л. Болтански понятие 'прагматического режима' указывает на многообразие способов достижения координации, согласия и вовлеченности в окружающую среду, динамический характер приспособления к внешнему миру. Вовлеченность же предполагает телесные формы (жесты, эмоции, движения, манеры). В результате проблематизация тела в работах французских исследователей предстает в духе Н. Элиаса и М. Фуко как **взаимообусловленность** социальных и телесных практик.

Этнографические исследования науки, возникшие в конце 1970-х годов в Калифорнии благодаря выходу в свет монографий Б. Латтура, С. Вулгара и К. Кнорр-Цетинной, представляют собой одно из перспективных направлений в анализе науки, т. к. способствуют лучшему пониманию научной практики. При этом, как отмечает С. Вулгар, следует иметь в виду, что по своим результатам «лабораторные исследования» могут носить инструментальный характер, когда опыт наблюдения используется для построения предвзятых теоретических целей. И форму рефлексивной концепции, которая, не уклоняясь от серьезных трудностей, способствует производству нового знания о научной работе и открывает новые пути решения фундаментальных проблем¹⁸. Истоки данного направления принято связывать с двумя социологическими традициями: феноменологией А. Шютца и социологией науки. Однако, как показывает анализ истоков этнометодологических исследований науки, осуществленный А. М. Корбут, это не вполне справедливо¹⁹. Как отмечают сами авторы, этнометодологические исследования, с одной стороны, содержат многообещающие перспективы, с другой – актуализируют ряд проблем и бросают вызов существующим концепциям на-

учного исследования.

Во-первых, как пишет К. Кнорр-Цетина, лабораторные исследования предлагают конструктивистскую интерпретацию науки, утверждая, что научная деятельность может быть лучше понята как процесс, в котором мир построен, а не отражен. Конструктивистская интерпретация научной практики включает в себя ряд аргументов. Рассматривая объекты науки как результат процесса рефлексивной фальсификации, этнографические исследования утверждают, что «сырой материал», который входит в научную лабораторию, тщательно отбирается и подготавливается прежде, чем используется в научной практике²⁰. В результате лаборатория демонстрирует себя как место, из которого «природа» не столько включена, сколько исключена, т. к. инструменты познания (выращенные животные, очищенные вещества) есть продукты человеческих усилий. Другой аргумент гласит, что лабораторная работа не только вовлекает предварительно созданные инструменты, но и включает в себя решения, выборы, переводы и интерпретации, что означает возможность иных альтернатив (выборов и интерпретаций). В целом же конструктивистский характер производства научного знания указывает не столько на прочность получаемого результата, сколько на долгий процесс, требующий сложной координации навыков и умений и включающий в себя множество гетерогенных компонентов.

Во-вторых, этнометодологические исследования отказываются от идеи «универсального» характера науки, возвращая в анализ науки пространство и время, а также настаивая на индексальном и контекстуальном характере процесса производства научного знания. В то время, как наука время упраздняет, реальная практика, по утверждению П. Бурдьё, «всецело имманентна длительности», а, следовательно, необратима²¹. Стремления к тотализации и синхронизации, характерные для науки, предстают как несовместимые с темпоральной последовательностью событий, т. к. «упускают накопленные в ходе истории и добытые ценой временных затрат средства увековечения», сводя воедино «весь ряд временных оппозиций, которые последовательно используются различными агентами в различных ситуациях». «Эффект тотализации», присущий науке, проявляется в искусственном характере тотализации, ней-

трализации функций, подмене системой продуктов системы производства, насильственной синхронизации. Этнометодологические и антропологические исследования указывают на необходимость рассматривать научную практику в ее темпоральном развитии и тем самым демонстрируют сомнения в традиции вневременного подхода к ее анализу. Признание индексального характера научного знания означает, что связь между объектом и научной репрезентацией не является фиксированной и может меняться в зависимости от ситуации использования, т. е. принципиально не завершена, т. к. невозможно исчерпывающее и абсолютно точное определение смысла любой репрезентации и всегда остается пространство для дальнейшего прояснения и уточнения. «На всех этапах построения, принятия и применения репрезентативных моделей, эталонов и образцов осуществляет свое воздействие система ценностей, представленная в научном сообществе, сформировавшаяся и реализуемая каждым исследователем и в целом сложившаяся в данном социуме и культуре»²². О контекстуальном характере научной практики (как частный случай) свидетельствует используемая в науке риторика. Как свидетельствуют исследования Т. Пинча, дисциплинарная риторика варьируется в зависимости от контекста²³. В то время как в некоторых контекстах ученые склонны утверждать высокий уровень определенности и согласия внутри дисциплины, в других – высказывать сомнения и неопределенность. В целом, если научные объекты воплощают в себе результаты селективной работы и выборов, достигнутых в лаборатории, то одной из главных задач этнографических исследований науки было выявление факторов, ограничивающих и регулирующих этот процесс. Однако исследователи науки были разочарованы. Научная практика стала описываться как характеризующаяся оппортунистической логикой, активной ролью самих ученых в ситуации колебания критериев выбора и договорной природы результатов научных исследований. В итоге конструктивным моментом научной практики предстала «неопределенность».

В-третьих, этнографические исследования приводят к пересмотру понятия «научное сообщество» в качестве основной организационной единицы анализа науки, т. к. апеллируют к идее «сети агентов», представленной

взаимосвязями между людьми, вещами и фактами, в которые включено научное исследование. Лабораторные исследования отсылают нас к различным формам взаимодействия, которые выходят за пределы чисто технических вопросов научного сообщества и являются трансэпистемологическими²⁴. Так, рассуждения ученых, как правило, адресованы не только коллегам по специальности, но и широкому кругу агентов (государственным чиновникам, промышленным представителям, издателям, менеджерам от образования). Решающий аспект, в котором проявляют себя трансэпистемологические связи, это процесс запроса. Примером могут служить гранты, когда агентства по финансированию участвуют не только в процессе продвижения определенных целей, но и оказывают решающее влияние на многие стадии разработки и перевода. Научная работа, наблюдаемая в лабораторных исследованиях, предстает как трансэпистемологическая арена, включающая ученых и неученых, аргументы технической и нетехнической природы.

И, наконец, большинство этнографических исследований отклоняет социально-познавательные различия, поскольку социальное показывает себя как внутреннее к познавательному и техническому. В качестве аргумента ссылаются на «договорной» и опытный характер научных объектов, т. е. научная действительность выборочно построена и восстановлена. Вызов социально-познавательному различию также содержат работы П. Бурдье, где «познавательные» и «технические» выборы ученых описываются как политические стратегии. Еще один аргумент трактует различие социальных и когнитивных аспектов как результат рефлексивной работы самих исследователей.

Еще одним эмпирическим доказательством наличия концептуального и методологического потенциала теории практик можно считать новые тенденции в социальной науке. Как утверждает Е. Р. Ярская-Смирнова, в настоящее время активно развивается новое и перспективное исследовательское направление – антропология профессий²⁵. Его особенностью является обращение к анализу культурных практик и неформальных отношений профессиональных групп, которые, как правило, скрыты от внешнего наблюдения. Это отвечает общей тенденции современных исследований профессиональных групп, ко-

торые под влиянием феноменологии и социальной критики, принимая во внимание социокультурный анализ символических форм и полевые этнографические исследования, все в большей степени направлены на анализ повседневной жизни профессий. Что касается этнографического подхода, то он характеризуется тактикой «насыщенного описания» и сосредоточен на практиках рутинных взаимодействий. Анализ дискурсивных аспектов (в форме анализа разговоров о профессии) позволяет понять практику профессионализации как процесс достижения консенсуса в ситуации неопределенности. Причиной пересмотра традиционных подходов (нормативистских и атрибутивных) является, с одной стороны, проблема идентификации в ситуации кризиса, затрагивающая профессиональные группы, с другой – результаты эмпирических исследований, обнаружившие фоновое знание, неявные правила и повседневные ритуальные практики, особенности самоидентификации и рефлексии профессиональных групп²⁶.

Если принять тезис о том, что наука есть конструируемый корпус знаний, то актуальным является вопрос об особенностях научного конструирования, отличающего науку от других форм практик. Антропологические и этнографические исследования науки позволяют сделать вывод о том, что наука как практика характеризуется наличием «фона», темпоральной эмерджентностью, постчеловекоцентричностью и трансэпистемологическими связями. Ей также присущи индексальность и контекстуальность.

Примечания

¹ Фурс, В. Н. Контуры современной критической теории. Минск : ЕГУ, 2002. С. 51–54.

² Волков, В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2008. С. 31–45.

³ Хархордин, О. В. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия : сб. ст. / под ред. О. В. Хархордина. СПб. : Европ. ун-т в СПб. : Лет. сад, 2001. С. 47.

⁴ Полани, М. Личностное знание. М. : Прогресс, 1985. С. 89.

⁵ Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1888. С. 332.

- ⁶ Там же. С. 333.
- ⁷ Фурс, В. Н. Контуры современной критической теории. С. 11–30.
- ⁸ Мирский, Э. М. Колонка редактора [Электронный ресурс] // Курьер рос. акад. науки и высш. шк. 2005. № 4. URL : <http://www.courier.com.ru/top/cras/htm> (дата обращения: 22.04.2013).
- ⁹ Латур, Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир [Электронный ресурс] // Логос. 2002. № 5–6. URL : <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/10.pdf> (дата обращения: 26.02.2012).
- ¹⁰ Грудзинский, Е. С. Европейский трансфер технологий : кооперация без утечки мозгов / Е. С. Грудзинский, О. А. Балабанова, О. А. Пекушкина // Социол. исслед. 2004. № 11. С. 123–131.
- ¹¹ Розов, Н. С. О моделях университета в современной России // Социол. исслед. 2007. № 10. С. 71–75.
- ¹² Горохов, В. Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? // Вопр. философии. 2010. № 12. С. 4.
- ¹³ Хархордин, О. В. Куда идет теория практик : поворот к материальности // Социол. исслед. 2012. № 11. С. 20–35.
- ¹⁴ Pickering, A. The Mangle of Practice : Agence and Emergence in the Sociology of Science [Электронный ресурс] // American Journ. of Sociology. 1993. Vol. 99, No. 3. P. 559–589. URL : <http://www.jstor.org/stable/2781283> (дата обращения: 13.10.2013).
- ¹⁵ Franklin, A. Calibration // Perspectives on Science : Historical, Philosophical, Social. 1997. Vol. 5, No. 1. P. 31–80.
- ¹⁶ Питт, Дж. Технологии в науке : инструменты и их функции // Эпистемология & философия науки. 2012. Т. XXXIII, № 3. С. 19–31.
- ¹⁷ Тевено, Л. Прагматика познания // Социол. журн. 2006. № 1/2, 3/4. С. 6.
- ¹⁸ Woolgar, S. Laboratory Studies : A Comment on the State of the Art // Social Studies of Science. 1982. Vol. 12, No. 4. P. 481–498. URL : <http://www.jstor.org/stable/284825> (дата обращения: 21.12.2010).
- ¹⁹ Корбут, А. М. Этнометодологические исследования науки : истоки // Эпистемология & философия науки. 2013. Т. XXXV, № 1. С. 151–166.
- ²⁰ Knorr-Cetina, K. D. Developments of Science Studies : The Ethnographic Challenge // The Canadian Journal of Sociology. Vol. 8, №. 2, P. 156. URL : <http://www.jstor.org/stable/3340124> (дата обращения: 29.03.2013).
- ²¹ Бурдьё, П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. С. 156–162.
- ²² Микешина, Л. А. Репрезентация : частный метод или фундаментальная операция познания? // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. XI, № 1. С. 17.
- ²³ Pinch, T. J. The Sun-Set : on the presentation of certainty in scientific life // Social Studies of Science. 1981. Vol. 11, №. 1. P. 131–158.
- ²⁴ Knorr-Cetina, K. Scientific Communities or Transepistemic Arenas of Research? A Critique of Quasi-Economic Models of Science // Social Studies of Science. 1982. Vol. 12, №. 1. P. 101–130. URL : <http://www.jstor.org/stable/3340124> (дата обращения: 26.01.2011).
- ²⁵ Романов, П. В. Мир профессий : пересмотр аналитических перспектив / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социол. исслед. 2009. № 8. С. 25–35.
- ²⁶ Антропология профессий : сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов : Науч. кн., 2005. 464 с.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ 'НОРМА': ОСНОВНЫЕ СМЫСЛЫ

Анализируется содержание понятия 'норма' в исследованиях различных нефилософских научных направлений и в рамках собственно философского подхода.

Ключевые слова: норма, социальная норма, сущее, должное.

Предваряя рассмотрение наиболее распространенных значений слова 'норма', отметим его этимологическое восхождение к латинскому 'norma' – 'мерило, руководство, правило, закон, образец'¹ и изначально исключим анализ его узкоспециальных трактовок, даваемых некоторыми науками.

'Норма' в рамках *нефилософского подхода*, во-первых, – это «установленная мера, размер чего-либо»², «средняя величина чего-нибудь»³; во-вторых, – «обычай, установленный порядок»⁴ и, в-третьих, – «общепризнанное узаконенное в определенной социальной среде установление; правило поведения людей в обществе»⁴, «узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь»⁵. Акцент сделан на *установленности*, по смыслу двоякой: или установилось постепенно, стихийно и объективно выявлено, или установлено кем-то в качестве правила. Налицо нечеткость употребления термина в разговорном языке, при этом второй и третий смыслы понятия 'норма' фактически сливаются, поэтому рассмотрим два основных его значения.

Первое значение понятия 'норма' сводится к фиксации так называемого нормального состояния какого-либо объекта, т. е. описанию различных его характеристик, соответствие которым воспринимается как закономерное, постоянное. Отклонение от указанных характеристик воспринимается как исключительное, случайное состояние, требующее вновь упорядочения, приведения к норме. Это толкование выводит исследователя на дихотомию 'норма – аномалия' или 'норма – патология'. В естественнонаучной литературе за понятием 'норма' стоит тип массовидного процесса, т. е. того, что «уже сложилось и давно бытует в действительности»⁶. В этой трактовке норма сводится к *сущему*. Похожий подход встречаем в психологии и психиатрии. Так, задача нормативной психологии, как одного из вариантов симптоматологии

развития, при изучении симптома – дать «не только описание его, но и определение его с точки зрения отклонения от постоянных величин <...> отклонения в сигмах того или иного признака от стандартной величины»⁷. Специалисты, занимающиеся исследованиями в рамках данных научных направлений, понимают норму, с одной стороны, как нечто среднее, устоявшееся, не выделяющееся из массы, а с другой стороны – наиболее приспособленное, адаптированное к окружающей среде. Такое понимание глубоко коренится в обыденном сознании, согласуясь со здравым смыслом. В соответствии с этим нормальное и общепринятое по отношению к определенным видам деятельности или поведения отождествляются. Это статистически-адаптационный подход, в рамках которого норма понимается, с одной стороны, как «отсутствие или слабая, не мешающая социальной адаптации выраженность болезненных явлений, их относительная скомпенсированность»⁸, т. е. норма интерпретируется как отсутствие недостатков, а не присутствие достоинств, а с другой (поскольку наряду с пониманием «от противного» необходимо и позитивное толкование нормы), – психологический анализ человеческого поведения описывает его норму в целом. Человек нормальный (*homo normalis*) обладает хорошим здоровьем; имеет хорошие умственные способности; обладает оптимизмом, добродушием и жизнерадостностью и т. д.⁹ В психологии (да и на обыденном уровне) «ненормальным» считают человека, поведение которого идет вразрез с ценностями, привычками или установками других людей. Чем реже встречается та или иная форма отклонения, тем вероятнее, что ее будут воспринимать как аномальную.

Характерный для естественнонаучной литературы статистически-адаптационный подход к норме встречается и в общественно-научной литературе. Так, в юриспруденции можно встретить следующее понимание со-

циальных норм: это такое поведение, которое выражает типичные социальные связи и отношения, характерно для большинства представителей данного класса или социальной группы, одобряется ими и встречается наиболее часто¹⁰. Объяснить данное толкование можно тем, что социальное поведение, называемое нормальным, встречается чаще, чем аномальное, патологическое. Данный взгляд тоже воспроизводит трактовку нормы как *сущего*.

Близок к рассмотренной точке зрения подход, получивший название *культурно-релятивистского*. Он характерен для исследований по этнографии. Ученые-этнографы, изучающие стандарты поведения отдельных социальных групп и народов, считают такую форму поведения проявлением нормативного. «Любая единица аккумулируемого и транслируемого традицией социального опыта, или, иначе говоря, любой составляющий содержание традиции стереотип деятельности <...> что обеспечивает его массовое приятие и устойчивую повторяемость, выступает как норма»¹². К понятию 'стандарт' примыкает термин 'стереотип'. Между стереотипами поведения и нормами также много общего, поскольку содержание понятия стереотипа поведения совпадает с родовым понятием нормы: «Под стереотипами поведения понимаются устойчивые, регулярно повторяющиеся нормы поведения. Это своего рода штампы; шаблоны, образцы поведения, принятые в той или иной культуре»¹². Эти феномены являются воплощенными, транслируемыми через механизм обычая нормами. Каждое конкретное поколение их не выбирает, а принимает как единственно возможную форму поведения. Такой взгляд на норму в целом сводится к понятиям 'стереотипные формы поведения', 'стандарты поведения'. В качестве объекта изучения, как правило, выступают обряды и обычаи, хотя, безусловно, этими последними не ограничивается та совокупность поведенческих стандартов, которая вырабатывается в любом обществе.

Для многих сфер человеческой деятельности, например, сферы общения (в частности этикета), социализации индивидов, технологических процессов (трудовые навыки и приемы), игрового поведения и пр., одним из характерных признаков является стандартизация форм поведения. Совокупности норм поведения различных коллективов могут от-

личаться довольно сильно. Типизировано, например, профессиональное поведение: воин, охотник, крестьянин и т. д. **Различно** поведение по половозрастным признакам: поведение детей, взрослых, стариков, мужчин и женщин. По этническому признаку отличаются нормы поведения людей разных наций и, еще шире, разных типов культур (например, восточной и западной). Учитывая критерий исторического времени, можно отметить различия в поведении первобытного, средневекового и т. д. человека. При этом «реальное поведение человека – всегда синтез нескольких типов, нескольких программ»¹³. Анализируемый культурно-релятивистский подход является разновидностью статистически-адаптационного, поскольку рассматривает поведение людей с точки зрения соотношения особенностей культуры определенных социальных групп, к которым принадлежат индивиды, констатируя норму и патологию. При этом норма с точки зрения одной культурной линии может оказаться патологией с точки зрения другой.

Таким образом, первая из рассматриваемых трактовок термина 'норма' сводит его к характеристике фактического положения вещей, не столько к тому, что должно быть, сколько к тому, что уже есть, к реально существующей разновидности событий, наблюдаемых с достаточно высокой частотой, то есть к *сущему*. Норма характеризует некоторый класс явлений, у которых основной классифицирующий признак одинаков, остальные варьируются. Всякое отклонение от нормы в этом смысле является исключительным.

Второе значение понятия 'норма' заметно отличается от выше рассмотренного. Еще великий исследователь русского языка В. И. Даль писал, что норма – это «общее правило, коему должно следовать во всех подобных случаях, образец или пример»¹⁴, подчеркивая, тем самым, момент *долженствования*. Многие авторы, в большинстве своем обществоведы, делают акцент на аспекте *долженствования* при изучении проблемы нормативного. То есть норма предстает как *должное*, а не сущее, не столько как реально бытующее, сколько как желаемое и предписываемое социальной средой. Предпочтение отдается исследованию нравственных и правовых норм. Речь идет только о деятельности и поведении людей, т. е. о *социальных нормах* как положениях, регламентирующих отношения лю-

дей друг к другу и к обществу. Эти отношения определяются правилами и образцами действий, при помощи которых, например, «обеспечивается упорядоченность, регулярность социального взаимодействия индивидов и групп»¹⁵. Именно социальным нормам, главной функцией которых является регулирование поведения, взаимоотношений и деятельности отдельных индивидов, социальных групп и общностей, уделяет свое основное внимание значительная часть авторов. «Как идея танца выражается в самом танце, так и идея нормы (или норма как идея) выражается, проявляется в нормированном поведении»¹⁶. Подобное регулирование осуществляется на основе некоторых представлений о должном, и не случайно норму трактуют как способ выражения должного, его форму, выделяя деонтическое содержание норм.

Выше отмечалось, что в юриспруденции социальные нормы в целом могут относиться к сфере сущего. Однако собственно правовая норма «представляет собой общее правило поведения, которое от других норм в обществе отличается общеобязательностью, строгой (формальной) определенностью по содержанию, принудительностью»¹⁷. Именно для мира права «характерно *долженствование*, выраженное в нормах. Юридические нормы <...> “говорят” не только и под известным углом зрения даже не столько о том, что есть, реально существует, а о том, что должно быть»¹⁸.

В этике под нормой понимается, прежде всего, норма моральная, то есть «одна из наиболее простых форм нравственного требования»¹⁹. При этом норма рассматривается, с одной стороны, как «норма поведения, обычай, постоянно воспроизводимый в однотипных поступках множества людей как нравственный закон, обязательный для каждого человека в отдельности», с другой стороны, моральная норма, как часть морального сознания, «формулируется в виде повеления, равно обращенного ко всем людям, которое они должны выполнять неукоснительно в самых различных случаях»¹⁹. В нормативной логике нормы – это правила или предписания²⁰, выполнение которых ведет к определенному результату. При этом норма как должное анализируется в логике с точки зрения ее структурирования. В структуру нормы входят следующие элементы: содержание, условия применения, субъект нормы и ее характер²¹.

Характер нормы зависит от того, разрешается, запрещается или высказывается требование выполнения определенного действия. Содержание нормы заключается в действии, которое может, должно или не должно быть выполнено. Условия применения нормы – это конкретная ситуация, в рамках которой необходима, желательна или допустима реализация указанного в норме действия. Субъектом нормы выступает отдельный индивид, целое сообщество или человечество в целом. Вопросы об истоках нормативного, функциях норм и вытекающее из этого понимание места и роли норм в человеческой деятельности логикой не рассматриваются.

Различия в понимании нормы можно постараться объяснить как гносеологически, так и исторически. В силу того, что общество подчиняется статистическим законам, которые действуют лишь в массе событий, в отличие от тех природных процессов, которые определяются жесткими, динамическими законами, в социальной среде возрастает возможность отклонений от типичного, нормального течения событий. Происходит процесс «размывания» понятия фактической нормы. Невозможность более или менее существенного отклонения от нормы, например, в механике неоспорима. Биология, изучая живое, сталкивается уже с такой возможностью. В психологии, как было показано выше, такое отклонение становится почти правилом, так что само понятие ‘норма’ можно подвергнуть сомнению.

Таким образом, исходя из сравнительного анализа различных определений и толкований термина ‘норма’, существующих в рамках разных нефилософских научных направлений, можно вычленил два основных смысла этого понятия. Во-первых, *норма* выступает *характеристикой типических черт* некоторого класса явлений, предметов, процессов и т. д. (то есть выступает как *сущее*). Во-вторых, *норма* является *правилом*, которое регулирует поведение и деятельность человека в целом или отдельные ее компоненты – действия, операции (то есть является *должным*). Справедливости ради, следует оговориться, что грань между этими двумя смыслами понятия ‘норма’ не всегда четко очерчена. Одни и те же нормы, с одной стороны, являются среднестатистическими, а с другой – они рождаются в результате деятельности людей. Так, анализ толкования

понятия 'норма' в социологии, эстетике и лингвистике показывает, что здесь норма предстает как сочетание сущего и должного. В ряде социологических исследований под нормой подразумевается «правило, которое означает, что кто-то должен действовать определенным образом»²². В литературе по эстетике под нормами (эстетическими) имеются в виду «общепринятые принципы эстетической деятельности, а также образцы художественно-эстетических ценностей в данном социальном коллективе и его культуре»²³, и, кроме того, это «исторически сложившиеся нормы и правила, на основании которых создается произведение искусства»²⁴. Нормы в лингвистике – это «наиболее распространенные из числа сосуществующих, закрепившиеся в практике образцового использования, наилучшим образом выполняющие свою функцию языковые (речевые) варианты»²⁵. Конкретно языковые нормы определяются как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации <...> совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления»²⁶. Все подобные нормы представляют собой *единство сущего и должного*; имеющего место в действительности и потенциально, образцового. Норма, с одной стороны, реализуется, а с другой – предписывается.

В рамках собственно философского подхода также существуют два основных значения понятия 'норма'. Норма как «средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений» (естественным оказывается констатация употребления данного понятия в таком смысле «в исследованиях, проводимых с применением методов теории вероятностей и математической статистики»²⁷, и норма социальная как «общепризнанное правило, образец поведения или действия»²⁷. Различие первого и второго смыслов понятия 'норма' можно усмотреть, выясняя: во-первых, к чему относится, что характеризует – сущее или должное; во-вторых, дает ли возможность выбора (нарушения, антитезы); в-третьих, каков его объем (охватывает большую совокупность явлений и феноменов или распространяется только на деятельность и поведение человека).

Норма в первом смысле относится к любым классам (живая и неживая природа, человеческое общество) и выражает сходство

по существенному признаку (по отношению к данному классу). Исследование некоторых сторон действительности, осуществленное в рамках поставленной проблемы нормативного, показало, что люди в своей практической и теоретической деятельности выделяют классы, таксоны явлений по определенным признакам. И хотя эти границы размыты, есть множество признаков, которые в целом позволяют провести такое разделение. В обобщающем смысле речь идет о классах вещей. Норма выступает существенной характеристикой, которая является наиболее типичной, массовой. При узко научном анализе норма является характеристикой *сущего*.

Социальная норма по денотату относится только к поведению и деятельности людей. Человек – деятельное существо, осуществляющее выбор решений, поступков, ценностей. Социальная норма регулирует этот выбор сквозь призму *должного*. Известный русский философ И. А. Ильин, анализируя так называемую «норму вообще», определял ее как «*суждение, устанавливающее известный порядок как должный*»²⁸. Он выделял систему обязательных условий, которым должна отвечать норма: 1) норма устанавливается субъектом в форме суждения; 2) норма характеризует определенный порядок, в котором она устанавливается; 3) норма обязательно обращена к кому-либо; 4) норма всегда нечто предписывает; 5) любая норма предусматривает санкцию по отношению к нарушителю. «Пять вопросов, – пишет И. А. Ильин, – решают здесь дело: *кто предписывает? в каком порядке устанавливается предписание? кому предписывается? что предписывается (т. е. каков порядок?) и какова санкция нормы?*»²⁹.

Для уяснения различия рассматриваемых смыслов понятия 'норма' необходимо посмотреть, *чему* она, норма, *противостоит*. В первом смысле норме противостоит аномалия. Если явление по отдельным признакам не подходит к определенному классу, тогда имеет место аномалия (в качестве простейшего примера может выступать шестипалость руки или ноги). Во втором смысле норме как правилу, регулирующему поведение и деятельность людей, противостоят грех, преступление, проступок – действия, выбираемые человеком вопреки тому, какими они должны быть с точки зрения нормы.

Таким образом, имеются два различающихся значения термина 'норма'. Зафикси-

руем приоритет второго из рассмотренных смыслов понятия 'норма' и определим нормы как суждения, которые несут знания о должном (юридически, нравственно, религиозно, эстетически, технически и т. п. должном); требования, регулирующие и определяющие (положительно или отрицательно, с различной степенью конкретности) должное, с точки зрения сообщества или его институтов, поведение и схемы деятельности людей (как отдельных индивидов, так и их групп); образцы, служащие для оценки поведения людей или их групп со стороны этого сообщества; идеалы и в этом смысле цели, к которым стремится человек в своих действиях. Норма предусматривает воспроизводство образа будущей деятельности или, по меньшей мере, зоны допустимых действий. Степень детализации отдельных действий, конкретность указанного образа будущей деятельности в целом находится в зависимости от обязывающего, разрешающего или запрещающего характера нормы.

Примечания

¹ Латино-русский словарь / сост. А. М. Малинин. М. : Изд-во иностр. лит., 1952. С. 451.

² Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 7. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 1399–1400.

³ Словарь иностранных слов. М. : Рус. яз., 1989. С. 346.

⁴ Словарь современного русского литературного языка. Т. 7. С. 1399–1400.

⁵ Словарь иностранных слов. С. 346.

⁶ Корольков, А. А. О понимании нормы в биологии и медицине // *Философские вопросы современной биологии*. М. ; Л. : ЛГУ, 1966. С. 783.

⁷ Выготский, Л. С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства // *Выготский, Л. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5*. М. : Педагогика, 1983. С. 312–313.

⁸ Братусь, Б. С. Аномалии личности. М. : Мысль, 1988. С. 68.

⁹ Годфруа, Ж. Что такое психология : в 2 т. : пер. с фр. Т. 2. М. : Мир, 1992. 370 с.

¹⁰ Яковлев, А. М. Право и объективные социальные нормы // *Труды ВНИИСЗ*. Т. 1. М., 1974. С. 19–34.

¹¹ Сарингулян, К. С. О регулятивных аспектах культурной традиции // *Совет. этнография*. 1981. № 2. С. 190–191.

¹² Этнические стереотипы поведения / под ред. А. К. Байбурина. Л. : Наука, 1985. С. 3.

¹³ Байбурин, А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // *Этнические стереотипы поведения*. Л. : Наука, 1985. С. 8.

¹⁴ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. М. : Рус. яз., 1979. С. 555.

¹⁵ Философский энциклопедический словарь / под ред. Н. М. Ланда. М. : Совет. энцикл., 1983. С. 441.

¹⁶ Неновски, Н. Право и ценности : пер. с болг. М. : Прогресс, 1987. С. 88–89.

¹⁷ Алексеев, С. С. Право : азбука – теория – философия : (Опыт комплексного исследования). М. : Статут, 1999. С. 60.

¹⁸ Там же. С. 60–61.

¹⁹ Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М. : Политиздат, 1983. С. 219.

²⁰ Кондаков, Н. И. Логический словарь. М. : Наука, 1971. С. 340.

²¹ Ивин, А. А. Логика норм. М. : Изд-во МГУ, 1973. С. 23.

²² Пэнто, Р. Методы социальных наук : пер. с фр. / Р. Пэнто, М. Гравитц. М. : Прогресс, 1972. С. 48.

²³ Краткий словарь по эстетике / под ред. М. Ф. Овсянникова. М. : Просвещение, 1983. С. 104.

²⁴ Эстетика : словарь / под общ. ред. А. А. Беляева. М. : Политиздат, 1989. С. 238.

²⁵ Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М. : Просвещение, 1976. С. 210.

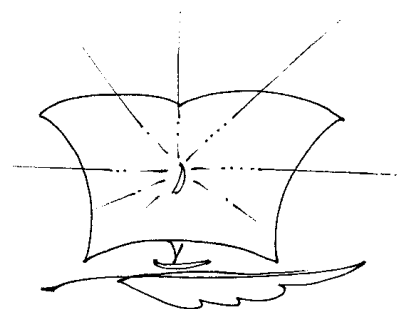
²⁶ Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Совет. энцикл., 1990. С. 337.

²⁷ Философский энциклопедический словарь / под ред. Н. М. Ланда. М. : Совет. энцикл., 1983. С. 441.

²⁸ Ильин, И. А. Понятие права и силы // *Ильин, И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 4*. М. : Рус. кн., 1994. С. 16.

²⁹ Ильин, И. А. Общее учение о праве и государстве // *Там же*. С. 67.

МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Л. Н. Шабатура, О. Ю. Межецкая

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ 'ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА' В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Раскрывается содержание понятия 'хозяйственного человека' в русской философии. В статье исследуются основные характеристики русского самобытного экономического сознания. В данной статье предпринята попытка показать динамику изменения экономического сознания в отечественной культуре, раскрыть основные противоречия современного экономического сознания. Подчеркивается актуальность экономического сознания в условиях экономического кризиса.

Ключевые слова: экономический человек, хозяйственный человек, хозяйство, отечественная культура, экономическое сознание, богатство, духовные основы, совесть, эгоизм, ценности, хозяйственная культура, предприниматель.

Концепция 'экономический человек' широко используется при описании экономической жизни западного общества. Традиционно считается, что 'экономический человек' – субъект, движимый стремлением к личной выгоде и погоней за деньгами. По этой теме написано немало публикаций и академических трудов. Но именно тот факт, что либерально-демократические реформы 90-х годов прошлого столетия в нашей стране максимально реализовали потенциал 'экономического человека' в экономической жизни российского общества в ущерб традиционной культуре, делает эту тему вновь актуальной.

Наряду с понятием 'экономический человек', деятельность которого детерминирована мотивацией «личного интереса и эгоизма» (А. Смит), «пользой» (И. Бентам), «рациональностью» (М. Вебер), мы считаем необходимым выделить и понятие 'хозяйственный человек'. Основанием выделения этих двух субъектов хозяйственно-экономической деятельности является понимание Аристотеля о двух типах хозяйства, которые он описал в книге «Политика». Одно из них назвал экономией («наука о домохозяйстве»), другое – хрематистикой («искусство наживать состоя-

ние»), которую представляет – в современной терминологии – рыночная экономика. «Наука о домохозяйстве» не тождественна «искусству наживать состояние». В первом случае хозяйство имеет целью удовлетворение естественных потребностей и нужд. Богатство имеет предел в ограниченности потребностей, для стяжания здесь нет места. Такой вид хозяйства он считал «естественным», так как оно «существует по природе». Второй вид хозяйства, он считал, существует «не по природе», а «за счет известной опытности и технического приспособления» и направлено на «наживу денег»¹. Эта «наука» своекорыстия, стяжательства, обогащения за счет других оказалась настолько живучей, что дошла до наших дней под названием экономика. Впоследствии 'экономический человек' является носителем либеральной идеологии и хрематистской культуры. Его экономическое сознание дистанцируется от ценностей экзистенциальных форм сознания. Объектом поклонения 'экономического человека' становятся ценности тварного (предметного) мира, в результате чего общество становится потребительским.

По мнению О. А. Платонова, в России до XVIII века не существовало понятие 'эконо-

мика'. Самобытный хозяйственный строй на Руси носил название 'домостроительство'. 'Домостроительство' в понимании русского человека – это наука вести хозяйство на духовно-нравственных началах для обеспечения достатка и изобилия, в рамках которого «прибыль не самоцель, а хозяйственные отношения ориентируются на определенный нравственный порядок, порицающий поклонение деньгам и несправедливую эксплуатацию»². Хозяйственный строй, господствовавший на Руси, мог быть выражен категориальным эквивалентом 'хозяйство'. В самом широком смысле хозяйствование, в отличие от экономики, есть обустройство человеком своей жизни, воспроизводство себя как человеческой личности. Подтверждение этому мы находим и в высказываниях Ю. М. Осипова (род. в 1941 году), экономиста, философа, литератора, главного редактора журнала «Философия хозяйства», который убежден в том, что «хозяйство – жизнь, а вот экономика, пардон, – не жизнь, а всего лишь в богатой всяческим содержанием человеческой жизни особого рода расчетный способ ее организации – товарный, обменно-оценочный, однеженный»³. «Хозяйственный человек», к рассмотрению которого мы переходим, воплощает в себе, по нашему мнению, традиционную национальную модель хозяйства и культуру, его мышление и культура ориентированы на созидание, экономическое сознание взаимодействует с религиозным, экологическим, моральным сознанием и обогащает его субъектов⁴.

Рассматривая 'хозяйственного человека', мы исходим из трудов русских философов (Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, И. А. Ильина, Б. П. Вышеславцева и других), которые не только проявляли интерес к духовной и хозяйственной сфере российского общества, но и «боролись» за ее усовершенствование. Исследование категорий собственности, труда, богатства, хозяйства, предпринимательства отечественными мыслителями показало, что 'хозяйственный человек' соотносил свою хозяйственную деятельность с христианской нравственностью. В христианстве нет осуждения богатства, но есть осуждение привязанности к богатству, «когда богатство умножается, не прилагайте [к нему] сердца» (Пс. 61.11). Если стяжание становится смыслом жизни человека и общества, то в

обществе появляется социальная несправедливость, гордость, агрессивность, зависть, внутренняя разобщенность. В русской православной христианской традиции богатство должно служить созиданию достойной жизни человека и народа. Нестяжательство являлось идеологией 'хозяйственного человека', и в своей хозяйственной деятельности он руководствовался не максимизацией прибыли или наживы. В хозяйстве рост доходов хозяйствующего субъекта происходит за счет честного труда, самоограничения, бережливости, деловой активности, добросовестности, использования прогрессивных достижений в сфере технических или организационных знаний. В экономическом сознании хозяйственного человека идея богатства обретала специфические основания достатка, причем достатка трудового, а не ворованного. Прагматизму, гедонизму, рационализму в русской традиции не отводилось место Абсолюта, они никогда не рассматривались как предельные или даже первичные основания человеческой жизнедеятельности, а присутствовали как социально конъюнктурные, преходящие, дополняющие. А поэтому «не закреплялись, не укоренялись» надолго в сознании русского человека⁵.

Поскольку экономическое сознание является важнейшим элементом хозяйственно-экономической жизни, сформулируем его дефиницию. Экономическое сознание, по определению отечественного исследователя А. И. Самсина, это совокупность представлений, понятий, оценок, настроений, традиций и целых теоритических систем, посредством которых происходит освоение экономического бытия, сферы экономической жизни отдельными индивидами, социальными группами, классами и общества в целом. В экономическом сознании отражается многовековой опыт хозяйственно-экономической деятельности народа.

Одним из критериев нравственности хозяйственной деятельности является взаимодействие человека с природой, человек не противостоит природе, человек – субъект бытия – соединяется с природой – объектом бытия, «с окружающей его материализованной мудростью» (И. А. Ильин), целостность этого процесса существует в сознании 'хозяйственного человека'. Об отношении к природе мы можем судить по фольклору в русской культуре: «Лес и вода – родные брат и сестра»;

«Земля нам мать и отец»; «Корми, как земля кормит, учи, как земля учит, люби, как земля любит». Скотоводческие, земледельческие, рыболовецкие и охотоведческие знания давали русскому человеку не только практические, но и нравственные навыки. «Без любви к природе, – утверждает В. С. Соловьев, – для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни»⁶. В книге В. С. Соловьева «Оправдание добра» описаны возможные взаимоотношения между человеком и природой. Рамки данной статьи не позволяют нам подробно остановиться на этой проблеме, но необходимо отметить, великий русский философ сформулировал обязанности человека как хозяйственного субъекта относительно той самой материальной природы, которую он призван в этой сфере возделывать, улучшать, «вводить ее в большую силу и полноту бытия»⁶. Природа не в меньшей степени, чем религия, оказывала влияние на формирование и развитие самобытного русского экономического сознания, объективно закладывая в сознание хозяйствующего субъекта внутренний духовный мир, позволяющий человеку сосуществовать в ладу с окружающим миром. В погоне за ресурсами, доходами, комфортом, прагматизированным отношением к природе мы превратили нашу природу в среду обитания 'экономического человека'.

Экономическое сознание 'хозяйственного человека' формировалось не только под влиянием хозяйственных потребностей и стимулов, природного фактора, но и во многом определялось духовно-нравственными ценностями. Вследствие этого его сознание не было индивидуалистическим, оно было ориентировано на общественные ценности и солидарные интересы. Восприятие хозяйственной деятельности русского человека представителями русской религиозной философии было основано на религиозном духовном опыте. Духовными основами хозяйственной жизни общества являлись первичные данные нравственности, по В. С. Соловьеву (стыд, жалость, благоговение), положительная свобода, альтруизм, соборность (А. С. Хомяков), софийность (С. Н. Булгаков), сизигийность (П. А. Флоренский), справедливость. Эти основы выступали связующими и гармонизирующими звеньями между трансцендентными (абсолютными) и экономическими (относительными) ценностями. Взаимопомощь, не-

безразличие к ближнему, социальная справедливость, идея труда как общепольного дела – ценности, которые являлись достоянием экономического сознания хозяйственного человека. В современной России духовные основы, которые являются важнейшим элементом самоорганизации экономической жизни общества, оказались невостребованными в рамках экономического сознания, такие понятия, как совесть, стыд, благоговение, жалость, оказались периферийными культурными явлениями. Заслуживает внимание рассуждение русского философа С. А. Левицкого о совести, которая осуждает нас не за поступки, а за качество мотивов к их совершению «за выбор низкой, ложной или мнимой ценности»⁷. Совесть осуждает направленность нашего «я» на низшие или отрицательные ценности. Совесть не преследует материальных интересов и поэтому носит бескорыстный характер и побуждает человека к бескорыстному поведению. И, как утверждает В. С. Соловьев, «я стыжусь, следовательно, существую, не физически только существую, но и нравственно <...> как человек»⁸.

Уже хрестоматийными примерами являются описание хозяйственно-экономической деятельности русских купцов и дореволюционных предпринимателей в книге П. А. Бурьшкина «Москва купеческая». Это хорошо известные Абрикосовы, Алексеевы, Бахрушины, Боткины, Гучковы, Зимины, Куманины, Прохоровы, Филатовы, Морозовы, Щукины, Хлудовы и сотни других более и менее известных. В воспоминаниях П. А. Бурьшкина мы находим подтверждение вовлеченности духовных основ в экономическое сознание вышеназванных «предпринимателей», которые смотрели на свою деятельность не столько как на источник наживы, «а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою»⁹. Автор данной книги не идеализировал их хозяйственно-экономическую деятельность, указывая на то, что злоупотребления были, но П. А. Бурьшкин замечает, что они не являлись правилом, а представляли собою исключение. Как доказательство, он пишет: «Тот значительный успех в развитии производительных сил и всего народного хозяйства России не мог бы иметь места, если бы база была порочной, если бы те, кто этот успех создавали, были жулики и мошенники, а таковые, как и везде, к сожалению, были»¹⁰. Русские предприни-

матели осуждали все виды паразитического, ростовщического, спекулятивного капитала. Они боролись с явлением ростовщичества, ибо существование такой паразитической группы подрывало доверие общества к предпринимателям и к государству. В контексте рассматриваемой проблемы заслуживает внимания документ, который приводится в книге О. А. Платонова «Русская цивилизация. История и идеология русского народа». В 1893 году был издан закон о преследовании ростовщиков, устанавливавший высшую норму дозволенного процента – 12. По закону Российской империи 1903 года ростовщичество считалось преступлением и наказывалось тюрьмой или исправительным домом¹¹. В современной России ростовщичество стала символом веры и образа жизни. Нельзя не признать того факта, что российская кредитно-финансовая система является примером банковского ростовщичества. Для примера сошлемся на данные В. Н. Воловича в статье «Мировой кризис в российском измерении» в журнале «Проблемы современной экономики». Известно, что в начале экономического кризиса в 2008 году правительство России выдало коммерческим банкам кредиты на сумму около 6 трлн рублей под ставку 8–9%. Банки переводили и конвертировали эти рубли в доллары на зарубежных счетах или устанавливали кредитные ставки до 20–25%, лишая реальный сектор экономики необходимых оборотных средств, обрекая предприятия на банкротство¹². Было бы это возможно в государстве, в котором у предпринимателей высокий уровень патриотического сознания. Абсолютная ценность патриотизма есть максима духовной культуры русского человека, проявляющаяся в служении, жертвенности, героизме, подвижничестве и многих других примерах, это отношения складывающиеся между личностью и обществом.

Изучая материалы о западно-сибирских предпринимателях (Н. Д. Машарове – основателе чугунолитейного завода в Тюмени, А. И. Текутьеве, построившего для Тюмени театр, Спасскую церковь, основавшего ремесленное училище, городскую больницу и др., И. П. Колокольникове – основателе судостроительного завода в Тюмени, М. К. Сидорове, который своим упорством проложил торговый путь по Карскому морю в устье сибирских рек Оби и Енисея) и других, можно сделать вывод о том, что служение Оте-

честву, обществу, краю являлось главным мотивом их хозяйственной деятельности, нежели потребность в удовлетворении эгоистических интересов и наращивание материального благосостояния. В их хозяйственной деятельности не было стремления нажиться нечестным трудом, продать товар дороже, во что бы то ни стало присвоить чужое или «наварить капитал». Высокая хозяйственная культура заставляла хозяйствующих субъектов вкладывать имеющиеся средства в становление и развитие Сибири. Вопрос о хозяйственной культуре – это вопрос о том, что, помимо чисто прагматических целей, движет экономической деятельностью человека, какие жизненные установки ее регулируют, каково ее нормативно-ценностное обоснование. «Хозяйственная культура, – по определению Н. Н. Зарубиной, – это ценностные ориентации, смыслы и нормы, обеспечивающие мотивацию и регуляцию хозяйственной (производственной, предпринимательской, финансовой, коммерческой и т. п.) деятельности, определяющие форму их осуществления, а вместе с тем и их восприятие обществом»¹³. Мы присоединяемся к рассуждениям Н. Н. Зарубиной, что в основе этой культуры лежала идеология служения. Сознание пронизывало чувство долга даже не перед семьей или общиной, а перед другими людьми, соотечественниками и обществом в целом. Человек и его деятельность может быть понята, исходя из того, каким ценностям он служит и руководствуется. Функциональная роль аксиологической сферы хозяйственной культуры, как считает В. А. Кондаков, позволяет ее субъекту переориентироваться с модуса «иметь» на модус «быть»¹⁴. Мы считаем, что деятельность вышеназванных купцов и предпринимателей иллюстрирует экономическое сознание хозяйственного человека. Аксиология человека раскрывает его внутреннюю сущность, «дает ключ к пониманию его души», но это относится не только к личности, но и к нации, к ее культурно-историческому типу. Понять культуру данной страны, «дух времени» можно на основе иерархии ценностей. Мнение большей части населения о деятельности современных российских предпринимателей выразил Д. А. Медведев в статье «Россия вперед» от 10 сентября 2009 года: «Они собираются до скончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазари-

вать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и бояться его». Ориентация на обладание – характеристика экономического сознания 'экономического человека', в котором главный смысл жизни состоит в погоне за деньгами, властью, в реализации личных эгоистических целей. В экономическом сознании некоторых представителей крупного российского бизнеса и чиновников закрепились такие «экономические ценности», как прагматизм, корыстолюбие, расчетливость, эгоизм, которые не служат благу общества и национальным интересам страны, регулятором их деятельности в хозяйственно-экономической сфере является «экономический принцип прежде всего» (Ф. М. Достоевский). По данным Центробанка РФ о вывозе частного капитала из России и по данным международной организации «Transparency International», которая измеряет уровень восприятия коррупции в различных странах, можно судить о морально-нравственном климате в экономической сфере российского общества. Россия по уровню коррупции в 2012 году сравнивалась с Гондурасом, Гайаной, Коморы, Ираном и Казахстаном, занимая 133-е место из 174 возможных мест. Вместо того, чтобы инвестировать в отечественную экономику, определенная часть предпринимателей зачастую занимается собственным благополучием, что говорит об отсутствии социальной ответственности перед обществом. Справедливо напомнить слова С. Н. Булгакова о том, что «...собственность налагает перед обществом весьма серьезные и ответственные обязанности на того, кому она досталась»¹⁵. Когда личность богатеет от основной массы за счет недобродетельных действий, она обрекает себя на вопиющее одиночество и впоследствии становится противоположным элементом в общей системе. Выделяясь из общей системы, отделяется часть от целого значительным образом, за счет разницы интересов, потребностей, материальных и духовных состояний, что ведет к деструкции отношений и неустойчивости системы.

Низшие ценности имеют тенденцию в большей степени владеть нашим «я», чем ценности высшего порядка. Рыночные ценности, которые во все эпохи воспринимались как самые низкие, занимают самое достойное место в нашем обществе: «все, что не может быть исчислено или измерено, объявляется

неинтересным и несуществующим»¹⁶. Рыночная среда, в которой традиционная культура, императивы морали и предписания религии игнорируются, является агрессивной для «хозяйственного человека». Поведение, поступки, мотивы, продиктованные совестью, не разрушают цельность человеческой личности, в отличие от поступков, совершаемых из-за расчета и корыстолюбивых интересов. Но человек способен услышать голос совести, если высшие ценности в большей степени преобладают над низшими ценностями нашего «Я». Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая на IV Съезде лидеров мировых и традиционных религий в Астане, с горечью констатировал, что «в обществе потребления нет почвы для понятия “нравственность”. Если в прошлом человек мыслил категориями добра и зла, ставил вопрос о моральной допустимости каких-то явлений, то сегодня всем гораздо проще мыслить в категориях ‘комфортно – некомфортно’, ‘выгодно – невыгодно’, ‘прибыльно – неприбыльно’. Как замечает Патриарх Кирилл: «Произошло превращение человеческих “масс” не только в субъект, но и в объект рынка товаров и идей». И будет справедливым привести точку зрения К. П. Стожко, который тоже обеспокоен тем, что в современных условиях России идеология общности, солидарности, всеединства «выветривается», деформируется под натиском пропаганды западного образа жизни, который трансформируется в наше общество через экономическую культуру. По его мнению, «русские люди совершенно иначе устроены и воспитаны. Идеология общности <...> не глупые побасенки досужих писателей, а реальные характеристики русской ментальности», и мы добавим – отечественной культуры»¹⁷. Поэтому 'экономический человек' с присущим ему экономическим сознанием не вписывается в нашу традиционную русскую культуру.

Экономическое сознание представляет собой не просто высший психический уровень отражения экономических процессов и отношений в обществе, но и определенный вид духовности. Русская православная церковь в 2011 году разработала проект документа «Вечные ценности – основа российской идентичности». По нашему мнению, воплощение вечных ценностей в общественное сознание способствовало бы успешному развитию России и вытеснению идеологии рынка, осно-

ванной на меркантильных интересах, и внедрению традиционных для русской культуры ценностей. Неслучайно в вышеназванном документе РПЦ на первом месте стоит справедливость, которая является основой русской идентичности, вторая ценность – свобода, третья ценность – солидарность, четвертая ценность – соборность, пятая ценность – самоограничение и жертвенность, шестая ценность – патриотизм, седьмая ценность – человеческое благо. Завершают список семейные ценности – любовь и верность, забота о младших и старших. Если в систему детерминации субъектов экономической деятельности будут включены вышеназванные ценности, то мы будем иметь дело не с ‘экономическим человеком’, а с ‘хозяйственным человеком’. В этом контексте становится более ясным высказывание Н. А. Бердяева, что «экономический человек преходящий». Поэтому возврат к традиционным ценностям, которыми обладал ‘хозяйственный человек’, необходим. В условиях жесткой конкуренции, агрессивной социальной среды, безудержного потока информации, интенсификации жизни, довлеющего глобального кризиса формирование экономического сознания хозяйственного человека является главной нашей задачей и условием для выживания не только нашего российского общества, но и всего человечества в целом.

Примечания

¹ Аристотель. Политика. Афинская Полития. М. : Мысль, 1997. С. 44–51.

² Платонов, О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М. : Алгоритм, 2010. С. 307.

³ Осипов, Ю. М. Философия хозяйства как инознание // Антология современной философии хозяйства / под ред. Ю. М. Осипова : в 2 т. Т. 1. М. : Магистр, 2010. С. 143–144.

⁴ Межецкая, О. Ю. Хозяйственный и экономический человек в системе духовных ко-

ординат российского общества // Человек. Культура. Общество : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Приволж. Дом знаний, 2010. С. 104.

⁵ Шабатура, Л. Н. Онтогенез традиции : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 204.

⁶ Соловьев, В. С. Оправдание добра. М. : Республика, 1996. С. 311.

⁷ Левицкий, С. А. Трагедия свободы : избранные произведения. М. : Астрель, 2008. С. 398.

⁸ Соловьев, В. С. Оправдание добра. С. 79.

⁹ Бурышкин, П. А. Москва купеческая : мемуары / вступ. ст., коммент. Г. Н. Ульяновой, М. К. Шацко. М. : Высш. шк., 1991. С. 118.

¹⁰ Там же. С. 114.

¹¹ Платонов, О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М. : Алгоритм, 2010. С. 324.

¹² Волович, В. Н. Мировой кризис в российском измерении [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (31). URL : www.m-economy.ru.

¹³ Зарубина, Н. Н. Модернизация и хозяйственная культура (концепция М. Вебера и современные теории развития) [Электронный ресурс]. URL : <http://ecsocman.hse.ru/data/190/874/1216/004.ZARUBINA.pdf>.

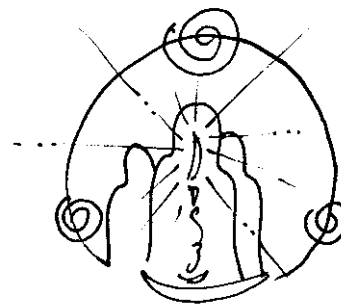
¹⁴ Кондаков, В. А. Духовно-культурные основы хозяйственной жизни общества в русской религиозной философии. История и современность : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тюмень, 2004. С. 11.

¹⁵ Булгаков, С. Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 217.

¹⁶ Бенуа, А. Против либерализма : (к Четвертой политической теории) : пер. с фр. СПб. : Амфора, 2009. С. 34.

¹⁷ Стожко, К. П. Экономическое сознание. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 254.

СОЦИОЛОГИЯ

А. А. Тараданов, Ю. Н. Старцев

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ

Сформулирована и рассмотрена модель оценки уровня мотивации персонала в организации. Имеется детальное описание опробования данной модели на работниках средней школы. Также приведены результаты опробования на персонале других организаций.

Ключевые слова: трудовая мотивация, уровень трудовой мотивации, модель оценки уровня трудовой мотивации.

В известной монографии В. Н. Белкина и Н. А. Белкиной¹ констатируется, что в современной научной и учебной литературе до сих пор не установилось единого понимания таких основополагающих категорий, как ‘мотив труда’, ‘стимул труда’, ‘мотивация труда’, ‘стимулирование труда’, нет общепринятой классификации мотивов и стимулов труда, структуры системы мотивов и системы стимулов труда и т. д. В настоящее время мотив, как правило, определяется как «побудительная причина, повод к какому-либо действию»². В дальнейшем эта трактовка мотива развивается различными научными отраслями, предметно занимающимися мотивацией (психология, социология, управление и др.), в соответствии со своими интересами. Наиболее прагматичным является определение мотива, даваемое управленцами³: это «побудительная причина поведения и действий человека». Данное определение не уводит в хитросплетение многочисленных дефиниций, а является попыткой сформировать рациональный понятийный аппарат, пригодный для решения практических задач.

Общеизвестен факт, что мотивированность – это внутреннее состояние человека. Поэтому напрямую мотивировать человека невозможно. Изменение мотивации воз-

можно исключительно через использование внешних инструментов – стимулов. При этом характер мотивации определяется типом трудовых и социально-трудовых отношений в среде, окружающей конкретного человека. Данные вопросы весьма детально рассмотрены И. Д. Колмаковой⁴.

В ходе теоретических и эмпирических исследований эффективности стимулирования труда, освещённых в монографии А. А. Тараданова с соавторами⁵, были сформулированы необходимые и достаточные условия мотивации работника:

- растущий интерес работника к собственной работе, то есть с помощью каких-либо внешних инструментов-стимулов должен быть сформирован рост этого интереса;
- наличие в «активе» работника его собственных внедрённых «идей», то есть официально зафиксированных фактов участия в разработках и реализациях всевозможных проектов, предложений, конструкций, документов, формулировок и т. п.

Комбинируя сформулированные условия мотивации, можно получить четыре категории мотивированности работника:

- 1) работник мотивированный (РМ) – идеальный тип; у такого работника мотивация высокая и растёт далее;
 - интерес к работе не убывает;

– внедрённые «идеи» есть, а также разрабатываются и внедряются новые «идеи»;

2) работник-любитель (РЛ) – промежуточный тип 1; у такого работника мотивация на взлёте:

– интерес к работе растёт;

– внедрённых «идей» нет, но их проработка идёт;

3) работник-практик (РП) – промежуточный тип 2; у такого работника мотивация на спаде:

– интереса к работе нет и в перспективе – не будет;

– внедрённые «идеи» есть, как правило, много, но всё осталось в прошлом;

4) работник немотивированный (РНМ) – отрицательный тип (балласт и даже разрушитель); у такого работника мотивации нет и не будет:

– интереса к работе нет и в перспективе не будет;

– внедрённых «идей» нет и в перспективе не будет.

Опираясь на данные определения, можно сформулировать модель определения (оценки) мотивации персонала в организации:

– наличие у работника обоих условий мотивации – уровень мотивации УМ = 1,0;

– наличие у работника одного из условий мотивации – уровень мотивации УМ = 0,5;

– отсутствие у работника обоих условий мотивации – уровень мотивации УМ = 0,0.

Тогда уровень мотивации (УМ) персонала в организации в целом можно определить как:

$$УМ_{\text{организации}} =$$

$$= N(\text{РМ})\% * 1,0 + N(\text{РЛ})\% * 0,5 + N(\text{РП})\% * 0,5 + N(\text{РНМ})\% * 0,0;$$

где: N(РМ)%, N(РЛ)%, N(РП)% и N(РНМ)% – доли соответственно работников мотивированных, работников-любителей, работников-практиков и немотивированных работников в процентах в общем количестве работников в организации.

Рассмотренная модель определения уровня мотивации персонала была использована для оценки состояния мотивированности работников средней школы Челябинской области. В эксперименте учителя, завучи и директора школ заполняли специальную анкету. Данная анкета здесь не приводится ввиду

своей громоздкости. Все результаты эксперимента сведены в табл. 1⁶.

Таблица 1

Оценка состояния мотивированности основных работников МОУ СОШ, Челябинская область, ноябрь 2011 год

МОУ СОШ Челябинская обл. Ноябрь 2011	Всего опро- шено	Категории мотивиро- ванности				Общий уровень мотивиро- ванности, УМ, %	
		РМ	РЛ	РП	РНМ		
Учите- ля	N, че- ловек	425	108	10	270	37	
	%	100,0	23,4	2,2	58,4	8,0	53,7
Дирек- тора и завучи	N, че- ловек	462	182	21	230	29	
	%	100,0	39,4	4,5	49,8	6,3	66,6

Анализ приведённой таблицы позволяет сделать весьма неутешительные выводы. Общая мотивированность рядовых учителей лишь немногим превышает половину (53,7 %). Мотивированные учителя составляют чуть меньше четверти от всего количества (23,4 %). Скорее всего, это достаточно молодые учителя (возраст 25–40 лет). «Учителя-любители» (если такой термин допустим к людям, практически поголовно имеющим университетское образование) составляют весьма небольшую долю (2,2 %). По-видимому, это те люди, которые учились в педагогическом университете, пришли работать в школу и планируют в ней остаться. Можно прогнозировать, что возраст у этой категории – 22–25 лет. Самую большую категорию составляют учителя-практики (58,4 %). На них, собственно, и держится отечественная школа. Можно ретроспективно спрогнозировать, что эти люди проработали в школе 20 и более лет, ничего особенного не добились и просто дорабатывают до пенсии или зарабатывают «приварок» к пенсии. Их возраст находится в промежутке 45–65 лет. Категорию немотивированных работников (8,0 %) составляют, по-видимому, люди, попавшие в школу случайно и ожидающие более интересных перспектив.

Несколько лучше выглядит уровень мотивированности у школьных руководителей (66,6 %). Однако не следует рассматривать этот факт слишком оптимистично. Скорее всего, он объясняется тем, что в руководители попадают люди, склонные к организационной деятельности и не очень интересующиеся креативной работой.

На основе экспериментальных исследований, приведённых в работе⁶, по аналогии с вышеприведёнными расчётами были определены уровни мотивированности для работников различных организаций (табл. 2).

Таблица 2

Оценка состояния мотивированности работников различных организаций

Организация, число опрошенных, дата	УМ, %
Крупное коммерческое производственное предприятие в Челябинской обл., 2000 чел., осень 2007 года	28,7
Государственная организация федерального подчинения в Челябинской обл., 2000 чел., весна 2008 года	51,2
Преподаватели вузов г. Челябинска, 421 чел., весна 2009 года	53,2
Руководители МОУ СОШ Челябинской обл., 182 чел., осень 2010 года (до школьной реформы)	57,3
Руководители МОУ СОШ Челябинской обл., 462 чел., осень 2011 года (после школьной реформы)	66,6
Учителя МОУ СОШ Челябинской обл., 425 чел., осень 2011 года (после школьной реформы)	53,7
Среднее коммерческое предприятие в Челябинской обл., 42 чел., ноябрь 2012 года	40,5
Главы и замглав поселений Челябинской обл., горнозаводская зона, 23 чел., ноябрь 2012 года	56,4

Прим. к табл. 2: В соответствии с условиями, поставленными руководителями некоторых организаций и предприятий, их названия в статье не приводятся.

Анализ данных табл. 2 свидетельствует о том, что уровень мотивации является невысоким в самых разнообразных организациях. При этом на общем фоне уровень трудовой мотивации учителей средней школы является одним из наилучших (Чудны дела твои, Господи!).

Примечания

¹ Белкин, В. Н. Как управлять трудом / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2005. С. 6.

² Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1986. С. 311.

³ Управление персоналом : энцикл. слов. / под ред. А. Я. Кибанова. М. : ИНФРА-М, 1998. С. 188.

⁴ Колмакова, И. Д. Теоретико-методологические основы системного регулирования социально-трудовых отношений региона : дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2007. С. 22, 82–84.

⁵ Тараданов, А. А. Социологическое исследование трудовой мотивации в Челябинской области / А. А. Тараданов, О. Н. Горшкова, Н. И. Корзенко. Челябинск : ЧелГУ, 2011. Гл. 3.

⁶ Колмакова, И. Д. Указ. соч.

А. Э. Нуриджанов

ЗНАЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ В БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЯХ

Исследования отечественных социологов не всегда позволяют реализовывать задачи по оптимизации процессов управления в бизнес-организациях. Развитие социологии должно быть направлено не на выработку ориентиров новой, свободной от деструктивных технологий управления в бизнес-организациях реальности.

Ключевые слова: справедливость, технологии скрытого управления, управление, бизнес-организация, социальные технологии, социология управления.

Среди важнейших проблем функционирования бизнес-организаций современной России – слабо проявляющийся инновационный потенциал, зарегулированность трудового законодательства, административное давление со стороны государственных структур, крайне низкая возможность вмешательства профсоюзов, увеличение социально-психологических механизмов давления на персонал. Все это провоцирует предпринимателей на жесткие дискриминационные технологии управления. В частности, именно этими факторами следует объяснять повсеместную распространенность практик и технологий манипуляции, скрытого управления в бизнес-организациях¹.

Одной из разновидностей манипулятивных отношений являются технологии скрытого управления. С позиций социологии управления «технологии скрытого управления» целесообразно представить как систему структурированных, постоянно модернизирующихся элементов манипулятивного воздействия, направленных на получение тиражируемой, предсказуемой реакции в виде формирования намерений, представлений, ценностей, поведения сотрудников, отвечающих, главным образом, интересам субъектов такого рода воздействия.

Семантика категории ‘манипуляция’ шире, чем «технологии скрытого управления», поскольку первое может проводиться как открыто, так и скрыто. Манипуляция может осуществляться ради обмана, достижения своей цели, такой, например, как желание выставить человека в неприглядном виде. Ни о каком управлении как целенаправленном, длительном процессе в данном случае речь не идет, тогда как технологии скрытого управления всегда применяются с целью повышения управляемости объектов воздействия.

Манипуляция выступает сущностным элементом технологий скрытого управления, однако наряду с ним существуют и другие структурные элементы этих технологий, такие как отчетливо выраженный управленческий характер воздействия, четкое целевое назначение и умышленность совершаемого действия.

Технологии скрытого управления осуществляют свое воздействие, главным образом, минуя сознание персонала и вне формата должностных инструкций, однако социальная иерархия, существующая внутри бизнес-организации, выступает важным элементом такой коммуникации, обуславливающей ход и интенсивность процессов протекания скрытого управления.

Категория ‘технологии скрытого управления’, в отличие от категории ‘манипуляция’, в системе социологии управления представляется нам более адекватно характеризующей специфику именно управленческой коммуникации. В дискурсе социологии управления необходимо представлять категорию ‘скрытое управление’ как исследовательскую конструкцию, позволяющую вычлнить в манипулятивных практиках управленческие аспекты для последующего их анализа в рамках социологии управления.

Проблематика технологий скрытого управления развивается по большей части эмпирически, то есть эти технологии активно применяют в своей профессиональной деятельности менеджеры, маркетологи, политики, педагоги, и лишь затем происходит их теоретическое осмысление. Такое отставание теории от практики в отечественной социологии вызвано, в том числе, и тем, что для парадигмального в отечественной социологии социально-технологического подхода в лице

ведущих его исследователей (В. Н. Иванов, В. И. Патрушев, А. А. Шиян, И. А. Юрасов и др.) характерно стремление элиминировать этот феномен из структуры социальных технологий, что чревато проблематичностью в рефлексивности и этическом регулировании этого вида практики, что не позволяет полноценно исследовать управленческие конфигурации в современных бизнес-организациях.

Как показывают результаты опроса (за 2007–2013 годы было опрошено 750 руководителей бизнес-организаций Республики Башкортостан), свыше 80 % опрошенных руководителей бизнес-организаций вовлечены в манипулятивные отношения, предполагающие активное применение технологий скрытого управления. При чем показательно, что 68,6 % руководителей-манипуляторов прибегают в своей деятельности к помощи бизнес-тренеров и консультантов, что свидетельствует о том, что именно они являются важнейшими субъектами трансляции манипулятивной культуры в современной России.

Согласно полученным в ходе опроса данным, 44,1 % руководителей, манипулирующих персоналом бизнес-организаций, признались, что им в их управленческой практике встречались случаи финансовой нечистоплотности (воровства). В то же время 81,9 % респондентов заявили, что сталкиваются в своей управленческой практике с проявлениями лжи со стороны персонала. Причем 69 % из них осуществляют скрытое управление персоналом, то есть являются руководителями-манипуляторами. Таким образом, можно сделать вывод, что технологии скрытого управления в качестве ответной меры со стороны персонала порождают контрманипуляцию и ложь.

Наиболее жесткие по отношению к персоналу бизнес-организаций управленческие конфигурации сформированы на предприятиях, в которых руководители-манипуляторы оскорбляют своих сотрудников (43,1 %). При этом 10,9 % руководителей-манипуляторов ответили, что им безразлично, вызывают ли их методы руководства чувство несправедливости у персонала или нет.

Характерно, что 69,9 % руководителей-манипуляторов оценивают текучесть кадров на своем предприятии как высокую или очень высокую. Таким образом, агрессивное применение технологий скрытого управления порождает текучесть кадров.

81,3 % руководителей-манипуляторов считают, что коррупция – это нормальная практика. В данном случае отчетливо прослеживается тенденция: руководители, привыкшие решать свои внешние проблемы неформальным образом, фрактально воспроизводят эту социальную конфигурацию и на внутренние практики управления бизнес-организацией, предпочитая скрытые формы воздействия открытым, легитимным.

Таким образом, как показывают результаты исследования, подавляющее большинство руководителей бизнес-организаций являются субъектами и объектами процессов скрытого управления. Технологии скрытого управления инициируют контрманипуляцию со стороны персонала.

Принципы эффективного управления предполагают, что наличные технологии и управленческие конфигурации должны внушать субъектам ощущение уверенности в том, что в ближайшем будущем они смогут воспользоваться благосостоянием, полученным от своей профессиональной деятельности. Однако когда этого не происходит, субъекты управления могут проявлять склонность к применению антагонизирующих технологий. В этой связи давление государственных институтов и чиновников на бизнес-организации преломляется не только в воспроизводстве коррупционных схем, но и выражается в косвенном пособничестве в использовании дискриминационных технологий управления персоналом бизнес-организации, таких как скрытое управление. Таким образом, формируются условия для воспроизводства прагматичных ценностей субъектов управления бизнес-организации, склонных игнорировать этические параметры профессиональной коммуникации.

В современном российском обществе очень трудно представить себе в качестве приоритетной коммуникацию, в рамках которой один участник интеракции не оказывал бы эмпирического влияния на другого, то есть не угрожал бы другому санкциями или обещаниями вознаграждений.

Коррупцированное чиновничество и другие теневые структуры, представляющие собой групповые коалиции, временно созданные для реализации собственных (краткосрочных) интересов, препятствуют широкомасштабному раскрытию потенциала дифференциации и установлению справедливости

как правильности (Д. Ролз) основных субъектов социально-экономического пространства, выстроенного в соответствии с принципами совершенной конкуренции.

Такое положение дел остро ставит вопрос о свободных от манипулятивных практик, альтернативных технологиях управления бизнес-организацией. Конструирование этих практик и технологий – актуальная задача современной отечественной социологии.

Безусловно, социально-технологический подход как направление исследований не стоит отождествлять со всем корпусом отечественного социологического знания, однако его анализ высвечивает многие проблемы, свойственные последнему.

К сожалению, отечественная социология в настоящее время не способна предложить действенную критику существующих и отчетливые контуры новых профессиональных отношений как в контексте бизнес-организаций, так и в контексте общества в целом. В условиях отсутствия критического вмешательства социологии усугубляются неустроенность и различные формы неравенства, растет всеобщее недоверие² (часто интерпретируемое как одна из граней «торжествующего индивидуализма»).

В сложившейся конфигурации отношений бизнеса и социологии последняя зачастую оказывается неспособной направить свой эвристический потенциал на выработку моделей управления в соответствии с принципами справедливости. Как следствие, социология управления все чаще «дрейфует» в сторону практических рекомендаций в виде конкретных социальных технологий, сформированных в формате целедостижения и зачастую лишенных какой-либо практической значимости.

В лице теоретиков социально-технологического подхода проявляется функция социологии, направленная не на объяснение и опережение принципов развития общества, а, скорее, на «догоняющую фиксацию» и «регистрацию» уже сложившихся социальных конфигураций и тенденций. Иными словами, сторонники социально-технологического подхода, скорее, не генерируют новые социальные технологии, а фиксируют уже существующие и механистически пытаются их адаптировать к совокупности уже имеющихся. Результатом чего является явный эклектизм и невозможность определения методологической основы

такого подхода. В качестве объединительной методологической платформы выступают наиболее общие принципы диалектики, с явным привкусом классического марксистского понимания.

На этом фоне текущая практика управления бизнес-организациями в современной России со всей полнотой демонстрирует как недостатки морализма, так и невозможность избавиться от ценностных суждений³ основных субъектов управления. Господствующее технократическое сознание у субъектов социального действия, наиболее адекватным выражением которого в фундаментальной науке выступают социальные технологии, отражает разрыв нравственной взаимосвязи, вытеснение «нравственности» вообще. Идеологическим ядром этого сознания является устранение различия между практикой и техникой – отражение, но не понятие новой конфигурации между утратившими силу институциональными рамками и ставшими само собой разумеющимися системами целерационального действия.

С точки зрения перспектив развития социологии как корпуса знаний, не ограничивающегося констатацией, но притязающего на формирование нормирующего порядка, наиболее важным является вопрос: способна ли здесь проявиться ее миссия, эссенциальная сущность, которая, как пишет Т. Адорно, «... заключается в выполнении роли посредника, с помощью которого мы надеемся разделаться с отчуждением»⁴. В противном случае корпус социологического знания, в том числе и социологии управления, будет фрактально содействовать этому отчуждению, транслируя в общество принципы реифицирующего технологизма.

Поэтому представляется, что развитие отечественной социологии управления должно быть направлено не на усиление реифицирующей социальности в виде социальных технологий, а на выработку ориентиров новой, свободной от репрессивных и деструктивных технологий коммуникации в бизнес-организациях. В этой связи одна из парадигмальных задач непосредственно социологии управления заключается в поиске альтернативных технологий управления бизнес-организацией в современной России и утверждения принципов их интеграции в конкретные организации. Контуры таких альтернативных технологий применительно непосредственно к

проблематике управления бизнес-организациями видятся в следующем.

1. Современная социология управления должна сосредоточиться не только на оптимизации технологических параметров управления, но и на поиске приемлемых путей кооперации субъектов управления с моралью трансформирующегося общества. В научно-популярных изданиях, посвященных бизнес-деятельности, в основном преобладают публикации, раскрывающие эффективность построения организационного развития бизнес-организаций, однако в них очень мало наглядных, дескриптивных примеров успешного ведения бизнеса без применения дискриминационных технологий управления. Увеличение объема таких исследований и правильное позиционирование такого управленческого опыта будет способствовать уменьшению значения технологий скрытого управления в бизнес-организациях современной России.

2. Клиентская база российского консультирования развивается быстрее, чем само консультирование⁵. Невысокое качество оказания консультационных услуг не способствует генезису эффективных управленческих технологий для субъектов управления бизнес-организацией. Помимо этого, из канала коммуникации 'управленец – консультант' практически выключена фундаментальная наука, что ведет к взаимному обеднению потенциала науки и практики.

3. Отмеченный выше кризис социологии вызван в том числе и недостаточным финансированием научно-педагогических работников России. Так, средняя заработная плата научных и педагогических кадров России по данным Министерства образования и науки Российской Федерации на конец 2012 года была на уровне средней заработной платы по стране. Тогда как, например, в Советском

Союзе ученые и преподаватели относились к категории высокооплачиваемых работников. Существующие грантовые фонды (РФФИ, РГНФ, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России») не позволяют существенно повысить их материальную базу. Инициативы бизнеса по финансированию научных исследований, направленных на повышение эффективности управленческих технологий, проявляются слабо. В этой связи как одно из важнейших условий эффективной коммуникации бизнеса и научного сообщества следует считать учреждения первыми фондов, позволяющих оказывать действенную финансовую поддержку научным исследованиям.

Конструктивная и последовательная проработка этих и других направлений позволит отечественной социологии управления реализовать претензии на способность эффективно решать задачи по оптимизации процессов управления бизнес-организацией.

Примечания

¹ Нуриджанов, А. Э. Альтернативы управления развитием бизнес-организацией в современных условиях / А. Э. Нуриджанов, Д. Г. Михайличенко // Соц. политика и социология. 2010. № 8. С. 324.

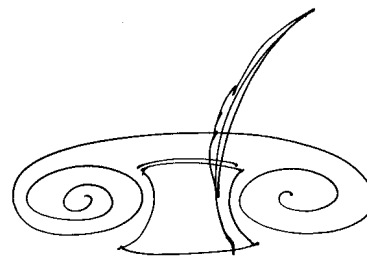
² Болтански, Л. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло. М. : Новое лит. обозрение, 2011. С. 637.

³ Марков, Б. В. Мораль и разум // Хабермас, Ю. Моральное сознание и теория коммуникативного действия. СПб. : Наука, 2006. С. 367.

⁴ Адорно, Т. В. Введение в социологию. М. : Праксис, 2010. С. 13.

⁵ Пригожин, А. И. Методы развития организаций. М. : МЦФЭР, 2003. С. 143.

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

В. С. Невелева, Е. Г. Ланганс

ОТ ПЕРЕХОДНОЙ КУЛЬТУРЫ К КУЛЬТУРЕ ПЕРЕХОДА (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. И. ИОНЕСОВА)

Уже давно никто из серьезных ученых, общественных деятелей и управленцев (кроме некоторых политиков) не сомневается в том, что культура является основой существования и развития человека и общества во всех его аспектах. Состояние культуры определяет нашу жизнь и деятельность в их необходимых и возможностях. И современное кризисное состояние цивилизации во многом задано кризисом культуры, сложившейся за несколько последних столетий. Судя по концепции трансформации культуры, представленной в монографии В. И. Ионесова¹, можно полагать, что в рамках исторического времени культура сама восстанавливает свой внутренний порядок и строй, позволяющий реанимировать сущностный цивилизационный строй. Однако многие исследователи сходятся в том, что исторического времени у человечества, возможно, осталось не так много, чтобы спокойно взирать на происходящее, не пытаясь его понять и предотвратить надвигающуюся угрозу конца истории.

В этой связи возникает закономерный вопрос: на что опереться человеку в подобной ситуации? Опереться – в понимании, анализе и возможном решении ее проблем. Автор монографии считает, что такой опорой, безусловно, должна стать культура, но культура, «взятая» в особом ракурсе, который, на наш взгляд, и задает смысловую целостность текста. Этот ракурс предстает в виде теоретически и практически значимого сдвига от представлений о «переходной культуре» к необходимости формирования «культуры перехода» как стратегии управления культурными изменениями. Как пишет В. И. Ионесов: «Се-

годня наступает время глобального перехода, преобразующая сила которого складывается *лишь* из множества индивидуальных переходов – каждой отдельной культуры, нации, группы, индивидуума <...> поэтому так важно понять, что происходит с культурой на переходе, откуда проистекают изменения, в чем их смысл, куда они направлены, и что может способствовать их конструктивному развитию» (с. 10–11). Наука о культуре в ее критических состояниях (переходах) приобретает стратегическое значение, поскольку она способна выработать оптимальные модели трансформации культуры, обеспечивающие устойчивый баланс развития цивилизации.

Соответственно этой задаче выстраивается содержание текста, где переходность раскрывается как культурная реальность и как процесс, онтологически присущий культуре. В виду необходимости для общества и человека стабильности культура должна постоянно меняться, переходить, что раскрывается в самых разных аранжировках с введением многих новых терминов ('транспликация', 'транспидальность', 'транскультурация' и др.; в монографию включен целый глоссарий), поскольку традиционные понятия часто не схватывают, по словам автора, феномены новой культурной реальности. Введенные неологизмы, конечно, нуждаются в уточнении и верификации. Однако они позволяют хотя бы предварительно выстроить ту «оптику», без которой эта реальность была бы недоступна умозрению исследователя. Трансформации культуры на переходе автор рассматривает очень подробно в историографическом (в монографии проанализированы практически

все возможные подходы к проблеме, предложенные российскими и зарубежными авторами), феноменологическом, теоретико-культурологическом, интеграционном и других аспектах.

Представляется, что монография является серьезным вкладом в достаточно новую область гуманитарного знания – культурную транзитологию (или, что кажется точнее, транзитологию культуры). Значение данной области знания сегодня велико, поскольку в ней ставятся, кроме фундаментально-теоретических вопросов о транзитивных процессах в культуре, проблемы, имеющие актуальный прагматический смысл. Возможно ли вообще управление культурой, управление культурными трансформациями? Какие для этого необходимы понятия о культуре? Кто может быть субъектом такого управления в современной ситуации глобального социокультурного (и соответственно, политического,

управленческого) кризиса? Допустимо ли подобное вмешательство в сокровенные культурные процессы? И в чем должна заключаться экология культуры? На наш взгляд, ценность монографического исследования В. И. Ионесова состоит еще и в том, что оно наводит на эти и другие подобные вопросы, заставляя внимательного читателя еще и еще раз вернуться к тексту, чтобы с его помощью продвинуться в их осмыслении.

Примечание

¹ Ионесов, В. И. Культура на переходе : императивы трансформации и возможности развития : монография / под ред. Э. А. Куруленко ; М-во культуры РФ ; ФГБОУ ВПО «СТАКИ» ; Самар. культурол. о-во «Артефакт – культурное разнообразие». Самара : ВЕК # 21, 2011. 537 с.